

ISSN 2307-5309

АЛТАЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Выпуск № 2 (42)
2023

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 2 (42) 2023

Главный редактор:

Симоненко Д.А., канд. юрид. наук

Зам. главного редактора:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Чечётин А.Е., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционного совета:

Аничкин Е.С., д-р юрид. наук, профессор
Бекетов О.И., д-р юрид. наук, профессор
Бучакова М.А., д-р юрид. наук, доцент
Васильев А.А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Грязнова Т.Е., д-р юрид. наук, доцент
Давыдов С.И., д-р юрид. наук, доцент
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Кодан С.В., д-р юрид. наук, профессор
Кожевина М.А., д-р юрид. наук, профессор
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Плаксина Т.А., д-р юрид. наук, доцент
Сорокин В.В., д-р юрид. наук, профессор
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Цуканов Н.Н., д-р юрид. наук, доцент
Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор
Шкаплеров Ю.П., канд. юрид. наук, доцент

Состав редакционной коллегии:

Архипова Н.А., канд. юрид. наук
Бачурин А.Г., канд. юрид. наук
Белицкий В.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Брагина А.Г., канд. юрид. наук
Ботвин И.В., канд. юрид. наук, доцент
Ермакова О.В., канд. юрид. наук, доцент
Киселёва М.А., канд. юрид. наук
Кукарцев В.Н., канд. юрид. наук
Малетина М.А., канд. юрид. наук
Овчинникова О.Д., канд. юрид. наук, доцент
Топчиева Т.В., канд. юрид. наук
Тырышкин В.В., канд. юрид. наук, доцент
Черепанова Л.В., канд. юрид. наук, доцент
Черепанова О.С., канд. юрид. наук, доцент
Шаганян А.М., канд. юрид. наук, доцент
Широва Э.Х., канд. юрид. наук
Шмидт А.А., канд. юрид. наук, доцент
Янгаева М.О., канд. юрид. наук

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «АРЗИ» Э70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru)
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 29.05.2023.
Выход в свет 31.05.2023.
Заказ № 189. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 15,8. Тираж 30 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2023

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 2 (42) 2023

Editor-in-Chief:

Simonenko D.A., Candidate of Science (Law)

Deputy Editor-in-Chief:

Anokhin Yu.V., Doctor of Science (Law), Professor

Chechetin A.E., Doctor of Science (Law), Professor

Editorial Advisory Board:

Anichkin E.S., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Beketov O.I., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Buchakova M.A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Davidov S.I., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Grjaznova T.Ye., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Derishev Y.V., Doctor of Science (Law), Professor

Gerasimenko Yu.V., Doctor of Science (Law), Professor,

Honored lawyer of Russia

Goncharov I.V., Doctor of Science (Law), Professor

Kim D.V., Doctor of Science (Law), Professor

Kodan S.V., Doctor of Science (Law), Professor

Kozhevina M.A., Doctor of Science (Law), Professor

Mazunin Y.M., Doctor of Science (Law), Professor

Sharapov R.D., Doctor of Science (Law), Professor

Shkaplerov Ju.P., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Sumachev A.V., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Plaksina T.A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Sorokin V.V., Doctor of Science (Law), Professor

Tsukanov N.N., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Vasilev A.A., Doctor of Science (Law), Professor

Editorial Review Board:

Arhipova N.A., Candidate of Science (Law)

Bachurin A.G., Candidate of Science (Law)

Belitskij V.Yu., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Botvin I.V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Bragina A.G., Candidate of Science (Law)

Ermakova O.V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Cherepanova L.V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Cherepanova O.S., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Kiseleva M.A., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Kukartsev V.N., Candidate of Science (Law)

Maletina M.A., Candidate of Science (Law)

Ovchinnikova O.D., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Shaganyan A.M., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Shirova E.Kh., Candidate of Science (Law)

Shmidt A.A., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Tirishkin V.V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Topchieva T.V., Candidate of Science (Law)

Yangaeva M.O., Candidate of Science (Law)

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova

Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere

of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.

Registration certificate

PI No. FS77-57487 dated

27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:

RINTS contract

No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog

of «ARZL»

Agency Ltd is Э70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.

Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,

Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,

Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.

www. <http://vestnik.buimvd.ru>.

E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 29.05.2023.

Issue date 31.05.2023.

Order 189. Format 60x84/8.

Conventional printed sheets 15,8.

Issue 30 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2023

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

<i>Губернаторова Э. В., Иванов А. В., Насыров Р. В.</i> К вопросу о соотношении нравственности и закона	5
<i>Нефедова Е. В.</i> Квота в российском праве: понятие и виды	12
<i>Полеценкова Т. В., Чесноков А. А.</i> К вопросу о роли хронодискретного моногеографического подхода в оценке перспектив возрождения прерванных институтов отечественной правовой системы ..	21
<i>Хужин А. М., Хужин С. М., Карпычев М. В.</i> Баланс публичного и частного интереса в современном правотворчестве	27
<i>Чечётин А. Е., Шатохин И. Д.</i> Проблемы судебной защиты прав человека, связанные с выходом России из Совета Европы	34

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

<i>Бачурин А. Г., Самсонов И. И.</i> Административно-правовое регулирование отдельных аспектов специальной подготовки контролеров-распорядителей	44
<i>Вербилев А. Ф., Ковалёв В. В., Даминов А. А.</i> Правовое регулирование применения огнестрельного оружия сотрудниками Национальной полиции Филиппин	52
<i>Головкин В. В., Сахно А. И., Отчешский И. Е.</i> Государственное управление при возникновении чрезвычайных ситуаций биологического характера (правовые и организационные аспекты)	59
<i>Дядькин О. Н.</i> К вопросу оказания юридической помощи в производстве по делам об административных правонарушениях	70
<i>Моисеев С. В.</i> Конституция социалистического типа (Конституция СССР 1977 г.)	76
<i>Румянцев Н. В., Журавлев В. В.</i> Дисциплинарная ответственность в системе государственной службы	82

Уголовно-правовые науки

<i>Бугера Н. Н., Малетина М. А.</i> Понятие и признаки преступления по действующему уголовному законодательству России	87
<i>Вишнякова Н. В.</i> Психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния	93
<i>Гамзина А. В.</i> Необходимость законодательного ограничения сведений, распространяемых средствами массовой информации, о террористических актах типа «Колумбайн»	99
<i>Елфимов П. В., Виноградова О. П.</i> К вопросу о социальной обусловленности криминализации ятрогенных преступлений	107
<i>Ермакова О. В.</i> Классификация составов оконченных преступлений: теоретический и прикладной аспекты	115
<i>Мелюханова Е. Е.</i> Состав наказания и состав назначения наказания: критический анализ	120

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

<i>Gubernatorova E. V., Ivanov A. V., Nasirov R. V.</i> The Question of the Relationship between Morality and Law.....	5
<i>Nefedova E. V.</i> Quota in Russian Law: Concept and Types	12
<i>Poleshenkova T. V., Chesnokov A. A.</i> On the Role of the Chronodiscrete Monogeographic Approach in Assessing the Prospects for Reviving the Interrupted Institutions of the Domestic Legal System.....	21
<i>Khuzhin A. M., Khuzhin S. M., Karpychev M. V.</i> The Balance of Public and Private Interest in Modern Law-Making.....	27
<i>Chechetin A. E., Shatokhin I. D.</i> Problems of Judicial Protection of Human Rights Associated with the Withdrawal of Russia from the Council of Europe.....	34

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Bachurin A. G., Samsonov I. I.</i> Of Administrative and Legal Regulation of Certain Aspects of Special Training of Managing Controllers	44
<i>Verbilov A. F., Kovalev V. V., Daminov A. A.</i> Legal Regulation of the Use of Firearms by Officers of the Philippine National Police	52
<i>Golovko V. V., Sakhno A. I., Otchesky I. E.</i> Public Administration upon Occurrence of Biological Emergencies (Legal and Organizational Aspects)	59
<i>Dyadkin O. N.</i> On Delivering Legal Services in Process of Administrative Violation Cases.....	70
<i>Moiseev S. V.</i> Constitution of the Socialist Type (the Constitution of the USSR of 1977)	76
<i>Rumjancev N. V., Zhuravlev V. V.</i> Disciplinary Responsibility in the Public Service System.....	82

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Bugera N. N., Maletina M. A.</i> The Concept and Signs of a Crime under the Current Criminal Legislation of Russia.....	87
<i>Vishnjakova N. V.</i> Mental Duress as a Valid Defence.....	93
<i>Gamzina A. V.</i> The Need for Legislative Restrictions on Information Published by the Mass Media about Terrorist Acts of the Columbine Type	99
<i>Elfimov P. V., Vinogradova O. P.</i> On Social Conditionality of Criminalization of Iatrogenic Crimes	107
<i>Ermakova O. V.</i> Classification of Elements of Completed Crimes: Theoretical Research and Its Applied Value	115
<i>Melyukhanova E. E.</i> The Composition of Punishment and the Composition of Sentencing: a Critical Analysis.....	120

Теоретико-исторические правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 5–11.

Altai Law Journal. 2023. № 2 (42). P. 5–11.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.13

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРАВСТВЕННОСТИ И ЗАКОНА

Элина Викторовна Губернаторова¹, Алексей Владимирович Иванов², Рафаил Валеизянович Насыров³

^{1, 2, 3} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹ gubernatorova@email.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8562-4450>

² avialtai@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0316-2801>

³ nasirov.rafael@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3683-0431>

Аннотация. В статье ставится сложный и сохраняющий свою актуальность вопрос о соотношении нравственности и закона. Термины «нравственность», «мораль» и «этика» употребляются в качестве синонимов. Констатируется, что носителями не только обыденного, но и доктринально-профессионального правосознания термин «закон» употребляется как в узком смысле (в значении нормативного правового акта высшей юридической силы), так и для определения всей системы норм позитивного (объективного) права.

Ключевые слова: нравственность, право, добро, зло, закон, формальное право, нормативный правовой акт, правосознание, законодательство, правовой (юридический) нигилизм, правовой (юридический) идеализм

Для цитирования: Губернаторова Э. В., Иванов А. В., Насыров Р. В. К вопросу о соотношении нравственности и закона // Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 5–11.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ № 20-511-18002 «Иерархия и координация источников права в национальных правовых системах России и Болгарии».

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN MORALITY AND LAW

Elina V. Gubernatorova¹, Aleksey V. Ivanov², Rafail V. Nasirov³

^{1, 2, 3} Altai State University, Barnaul, Russia

¹ gubernatorova@email.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8562-4450>

² avialtai@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0316-2801>

³ nasirov.rafael@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3683-0431>

Abstract. The article raises a complex and still relevant question about the relationship between morality and law. The terms «rectitude», «morality» and «ethics» are used as synonyms. It is stated that the bearers of not only ordinary, but also doctrinal and professional sense of justice use the term «law» both in a near sense (in the sense of a normative legal act of higher legal force), and in the sense of defining the entire system of norms of positive (civil) law.

Keywords: morality, law, good, evil, jus, formal law, regulatory legal act, legal consciousness, legislation, legal nihilism, legal idealism

For citation: Gubernatorova E. V., Ivanov A. V., Nasirov R. V. The question of the relationship between morality and law. Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2023;2:5–11 (In Russ.).

Funding. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research № 20-511-18002 «Hierarchy and coordination of sources of law in the national legal foundations of Russia and Bulgaria».

© Губернаторова Э. В., Иванов А. В., Насыров Р. В., 2023

Во всех правовых культурах ставится вопрос о назначении формального права (закона) в ценностно-нормативной системе общества. Решение этой проблемы в российской юридической науке усложняется особенностями её терминологии. Для обозначения специфического, юридического регулятора общественных отношений используется термин «право», который носит характер общего критерия оценки социальных явлений во всех сферах общественной жизни, а не только в рамках предмета формально-юридического регулирования. Так, в английском языке, как и в русском, «право» и «правый» обозначаются родственным словом *right*. Но концепт «объективное (формальное) право» — это *law* («закон»), а «правовой», «правовой порядок», «правовое регулирование» переводятся соответственно как *legal*, *legal order*, *legal regulation*, т. е. используется термин, имеющий значение «законный, юридический» [1, с. 333–335]. Известный пример «Случай в электричке», который приводит С. С. Алексеев (старушка требует от молодого человека, чтобы он уступил ей место, используя слово «право», под которым она понимает притязание, возникшее из обычая (правил этикета) и морали [2, с. 6–7]), показывает, что в русской речи словом «право» называется любое притязание, возникающее не только из юридических, но из всех социальных норм. Эта особенность лексики русского языка, с одной стороны, соответствует позитивному стремлению оценивать юридическую норму как с формальной, так и с содержательной, в т. ч. нравственной, точки зрения, но и одновременно создает склонность к смешению двух взаимосвязанных, однако не тождественных видов социальных норм — нравственных и юридических. Условно говоря, одним из «возвышенных» проявлений юридического нигилизма выступает альтернатива «По совести или по закону», «Если есть совесть, то законы не нужны» и т. п. С другой стороны, крайняя форма правового идеализма (также в абстрактно-пафосном стиле) провозглашает цель — обеспечить слияние нравственности и закона. Но при этом не учитывается, что, если формальное право (закон) в целом полностью подлежит нравственной оценке, то, по выражению Е. А. Лукашевой, за пределами сферы формально-юридического регулирования у морали есть «чистое» поле действия (отноше-

ния дружбы, любви, взаимопомощи и т. д.) [3, с. 14]. В итоге установки юридического нигилизма и правового идеализма не позволяют осознать необходимое, но все же условно-инструментальное назначение закона в общественной жизни. Это приводит к крайним и одинаково неконструктивным проявлениям как абстрактного морализаторства, так и бездушного формализма.

В русском языке термин «закон» используется для описания различных явлений действительности. В естественных науках фундаментальное значение приобрело понятие «закон природы» в значении постоянных свойств и устойчивых связей явлений окружающего мира. В общественной жизни слово «закон» вызывает коннотации с такими эпитетами, как обязательность, официальность, принудительность, нормативность и т. д. В связи с этим не стоит противопоставлять доктринально-профессиональное и обыденное понимание закона. С формально-юридической точки зрения, разумеется, необходимо различать закон как нормативный правовой акт высшей юридической силы и подзаконные нормативные правовые акты; но в контексте всей нормативно-ценностной системы общества носители обыденного правосознания склонны называть законом все акты, исходящие от органов публичной власти. Такое широкое понимание закона отражается и в юридической науке, в которой законодательство определяется как система всех нормативных правовых актов, а не только законов. В «Собрании законодательства Российской Федерации» публикуются федеральные законодательные акты, указы и распоряжения Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ, решения Конституционного Суда РФ. Поэтому допустимо и термин «закон» использовать для обозначения всей совокупности норм объективного (позитивного) права.

Обратим внимание на то, что в концепте «закон» такие признаки формального права, как нормативность, официальность и, соответственно, принудительность, непосредственно вытекают из сущности этого источника юридических норм. А. С. Пушкин писал, что «нарушать его [закон] или не исполнять его никто из нас не должен», но одновременно с этим поэт признавал: «Закон — дерево, в законе слышит человек что-то жестокое и небратское. С одним букваль-

ным исполнением закона не далеко уйдешь» [Цит. по: 4, с. 62]. Упрекать поэта в дефиците правопонимания и юридическом формализме нет оснований. Известный английский историк А. Семпсон заметил, что для большинства населения Британии слово «закон» вызывает ассоциации не с судом, а именно с полицией [5, с. 291].

Охранительно-принудительное назначение закона (формального права) косвенно подтверждают и лингвисты. Как известно, законодательный язык относится к субстилю (подвиду) официально-делового языка. С лингвистической точки зрения в основу этого стиля положено сочетание констатации и предписания, «официально-деловой текст отражает некоторое положение дел в определенной сфере и нацеливает адресата на необходимые, вытекающие из этого положения действия» [6, с. 62]. В основе языка закона императивные волеизъявления, выраженные в таких словах, как «разрешить, запретить, указать, обязать, постановить, назначить» [7, с. 66]. Эти суждения могут вызвать возражения, т. к. современные законодательные тексты пропитаны возвышенными идеологическими положениями и утрачено представление об охранительной природе государственной власти и закона.

Важно уяснить, что охранительно-принудительная сущность формального права проявляется и в нормах закона, закрепляющих права и свободы, т. к. в них имплицитно отражается основная цель такого рода законоположений — запрет на ограничение этих прав и свобод. Давно обосновано, что одним из признаков предмета формально-правового (юридического) регулирования выступают конфликтные отношения, требующие вмешательства государства. Так, человеку имманентно присуще стремление быть субъектом социальной коммуникации и выражать собственное мнение. Часть 1 ст. 29 Конституции РФ не порождает эту естественную (т. е. существующую независимо от воли власти) свободу слова, эта норма адресована тем, от кого исходит угроза ограничить эту свободу или злоупотребить ею.

Формально-правовое регулирование до такой степени проникло в общественную жизнь, что возложение на себя современным государством фундаментальной позитивной ответственности по реализации значимых социальных ценностей

(человек, его права и свободы, социальный мир, справедливость, нравственность и т. д.) воспринимается как явление позитивное. Но риторика о демократии и праве может заслонить истинную сущность и назначение государственной власти и закона, цель которых, по известному выражению В. С. Соловьёва, заключается в предотвращении явных проявлений зла: «Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [8, с. 452]. Используемое русским мыслителем словосочетание «минимум нравственности» является скорее образным и не должно вводить в заблуждение, т. к. нравственность есть понятие не количественное, а качественное. В этом суждении философ под правом имеет в виду именно формальное право (закон), которое обладает условно-инструментальной ценностью. На этом этапе размышлений о соотношении нравственности и права важно осознать, что закон должен быть нравственным, но это не означает, что формальное право становится адекватным воплощением самой нравственности. Закон должен соответствовать нравственности, но не как копия оригиналу (идеалу), а подобно тому, как средства достижения цели должны соответствовать самой цели.

«Принудительный закон, действительно не допускающий злую волю до таких крайних проявлений, разрушающих общество, *есть необходимое условие нравственного совершенствования и, как такое, требуется самим нравственным началом*, хотя и не есть его прямое выражение», — писал В. С. Соловьёв [8, с. 542]. Вполне допустимо для уяснения этой мысли провести аналогию назначения формального права в обществе с функцией этикета в межличностном общении: правила этикета по форме соответствуют нравственности, но соблюдение правил этикета еще не означает, что поведение является этичным (нравственным) по содержанию.

С точки зрения методологии научного исследования закон как явление юридическое характеризуется верифицируемостью; это означает, что закон является предметом рационально-научного исследования, возможно раскрыть содержание и объем этого понятия, т. е. сформулировать дефиницию закона и определить его виды. Но философы давно обосновали, что проявление

нием грубого сциентизма являются попытки на рационально-научном языке выразить сущность нравственности и нормативно определить её требования. В основе нравственности лежит различие добра и зла. Но известный философ Дж. Мур прямо указывает, что понятие «добро» не поддается дефиниции [9, с. 66]. Дело в том, что дефиниция всегда предполагает обобщение и определение признаков явления, но добро в своем проявлении и существовании всегда конкретно. Так, решение судьи по конкретному делу может соответствовать или не соответствовать требованиям добра, но принять закон, реализация которого всегда (инвариантно, автоматически) приводила бы только к добру, невозможно. В этом вопросе близки к истине сторонники социологического направления в юридической науке, которые считают, что нравственные и иные начала права реализуются в процессе воздействия на конкретные общественные отношения, а закон, соответствующий нравственности, создает для этого лишь предпосылку. Так, нравственность не допускает спокойное отношение к наличию в обществе беспризорных детей-сирот; закон и социальные службы, обеспечивающие помещение таких детей в детские дома, не решают эту проблему содержательно, но создают для этого необходимые юридические предпосылки; проблема с точки зрения нравственности решена тогда, когда ребенок оказывается внутри благополучной семьи в атмосфере заботы и любви, т. е. ценностей, реализация которых выходит за рамки непосредственного формально-юридического регулирования. Гегель указывал, что в основе семьи лежат внутренние (интимные) чувства единения; поэтому формальное (абстрактное) право «распространяется только на те вещи, которые по своей природе внешни и не обусловлены чувством» [10, с. 209].

В качестве возражения на тезис о невозможности дать общее определение нравственности приводится знаменитый категорический императив И. Канта с требованием, чтобы максимы поведения субъекта могли быть «всеобщими законами» [11, с. 98]. Но в этих словах содержится возвышенно звучащее требование быть нравственным, что соответствует древнему «золотому правилу морали» — «Поступайте по отношению к другому так, как вы хотели бы, чтобы он поступал по отношению к вам». Но

в реальной жизни вопрос о том, какой поступок является нравственным, очень сложный. Так, казалось бы, бесспорно нравственным является требование не подвергать человека физическому насилию, но потерявшего сознание человека бьют ладонью по лицу. Важно, чтобы эти исключения из общих правил истолковали не как отсутствие императивов вообще, а как осознание того, что на определение добра и зла влияют особенности конкретных ситуаций, которые требуют не только нормативно-формального оценивания, но и конкретно-эмоционального переживания.

Гегель критикует И. Канта и называет его категорический императив формальным, уклоняющимся от реальной сложности ситуаций нравственного выбора: «Если моральное сознание объявляет *чистый долг* сущностью своих поступков, то эта чистая цель есть подтасовка сути дела; ибо в том-то и состоит сама суть дела, что чистый долг заключается в простой абстракции чистого мышления, и свою реальность и содержание он имеет только в определенной действительности» [12, с. 489].

С определением В. С. Соловьёва закона как средства предотвращения открытых и наиболее опасных проявлений социального зла, по нашему мнению, согласятся работники правоохранительных органов, которые в своей деятельности, говоря образно, «выдвинуты во зло», т. е. в сегменты социального пространства с повышенной концентрацией негативных явлений. Обычно указывают на факт невольного отражения в жестах, манере говорить и т. д. работников правоохранительных органов особенностей поведения тех лиц, с которыми им приходится непосредственно сталкиваться в своей работе. Знатоки оперативно-розыскной деятельности признавали: «Оперативные работники, конфиденты, сотрудники часто сталкиваются с обманом, лицемерием, жестокостью, с коварством, другими проявлениями низменных сторон жизни. Повседневное соприкосновение с антиобщественными, преступными поступками чревато угрозой утраты веры в людей» [13, с. 61]. Это означает, что позитивно реализовать себя в этой сфере социального бытия могут только наиболее стойкие и достойные члены общества, которых следует считать его передовым отрядом, берущим на себя бремя непосредственного и систе-

матического соприкосновения с многообразными проявлениями социального зла.

Обсуждение вопроса о соотношении содержательной нравственности и формальной законности всегда завершается, с одной стороны, признанием общего принципа приоритета морали по отношению к закону, но, с другой стороны, констатацией невозможности сформулировать общее правило, следование которому будет однозначно нравственным. Нормы формального права всегда обеспечены государством, поэтому проблема соотношения нравственности и закона предполагает оценку известного принципа «цель оправдывает средства».

Недопустимость полного отделения политики от нравственности была очевидной и для автора «Государя», который был написан с надеждой на появление в родной Италии политика, который освободит страну от варваров «во славу себе и на благо отечества» [14, с. 117]. Стоит признать, что Н. Макиавелли был прав в том, что в сфере осуществления государственной власти неуместно и даже опасно плоское морализаторство с абстрактным призывом к правителю быть всегда нравственным, справедливым и милосердным. Понимание любого социального явления и института должно отражать некую двойственность и «напряженность» бытия человека, проявляющего свою активность в этом сегменте социального пространства. В работе «Политика как призвание и профессия» М. Вебер осознал и тонко прочувствовал эти противоречивые начала в деятельности носителя государственной власти: «Главное средство политики — насилие, а сколь важно напряжение между средством и целью с этической точки зрения» [15, с. 697]. Государственная власть всегда является «источником повышенной опасности», функционирование которого требует наличия специальных знаний. Сложность заключается в том, что государственной властью нельзя наделять только по критериям нравственности, но также недостаточен и формальный профессионализм, стремящийся заранее определить соотношение цели и средств её достижения. М. Вебер пишет: «Невозможно напялить один колпак на этику убеждения и этику ответственности или этически декретировать, какая цель должна освещать какое средство» [15, с. 699].

Представитель государственной власти не имеет права руководствоваться только эмоциями, какой бы возвышенный и гуманистический характер они не имели. История полна примеров того, как доброе и горячее сердце правителя сочеталось с тяжкими последствиями его правления для всего общества. Н. Макиавелли разъясняет: «Благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же — воздерживаться по мере сил, но не более» [14, с. 88]. Но одновременно возникает соблазн решить проблему однозначно и для обеспечения столь необходимого для правителя состояния холодной головы просто признать, что «цель оправдывает средства». Опасность отождествления решения проблемы лишь с ее адекватным рациональным восприятием, определением конечной цели и волевой решимостью во что бы то ни стало достичь эту цель заключается в том, что отодвигается на второй план или вообще игнорируется вопрос о нравственном переживании самого процесса достижения цели.

Проблемы соотношения как нравственности и закона, так и цели и средств в сфере политики решаются на основе личного выбора в контексте конкретной ситуации. Социальное зло может проявляться как в целях, так и в средствах их достижения, а установление «добрых» условий и средств еще не гарантирует наличия добра. Одной из лазеек для проявления зла и профанации добра может выступать убежденность в том, что нравственность и иные фундаментальные ценности могут быть формализованы. Отсутствие «минимума нравственности» (законности и правопорядка) как необходимого условия и предпосылки социального бытия приводит к невозможности достижения «максимума нравственности», но сам факт наличия «минимума нравственности» еще не является гарантией «максимума нравственности».

В заключение укажем, что данное исследование выполнено на стыке философии и теории права и адресовано практикующим юристам с учетом различия сфер правотворчества и реализации права. Законодатели всегда должны иметь в виду пределы формально-юридического регулирования общественных отношений и невозможность реализовать фундаментальные принципы права, в т. ч. и нравственности,

их простым закреплением в нормативных правовых актах. Тогда как субъекты применения права должны быть готовы к возникновению правовых отношений, юридическая квалификация которых должна основываться не только на принципе неукоснительного и единообразного следования закону, но и учете принципов нравственности и справедливости.

Список источников

1. Родионова З. В., Филатов В. П. Русско-английский словарь общественно-политической лексики. М., 1987.
2. Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999.
3. Лукашева Е. А. Взаимодействие права и морали: общее и особенное // Взаимодействие права и морали: мат-лы международной научной конф-ции. М., 2014. С. 11–17.
4. Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. Историко-религиозный очерк. СПб., 1994.
5. Семпсон А. Новая анатомия Британии. М., 1975.
6. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990.
7. Жукова Е. А. Особенности официально-делового стиля // Вестник МИТУ-МАСИ. 2018. № 1. С. 65–67.
8. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия: Сочинения в 2 томах. М., 1988. Т. 1.
9. Мур Дж. Принципы этики. М., 1984.
10. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.
11. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб., 1995.
12. Гегель Г. Ф. В. Феноменология духа. М., 2008.
13. Алексеев А. И., Синилов Г. К. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сборник научных трудов. М., 2017. С. 9–83.
14. Макиавелли Н. Сочинения. СПб., 1998.
15. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

References

1. Rodionova Z. V., Filatov V. P. Russko-anglijskij slovar' obshchestvenno-politicheskoy leksiki. M., 1987.
2. Alekseev S. S. Pravo: azbuka — teoriya — filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya. M., 1999.
3. Lukasheva E. A. Vzaimodejstvie prava i morali: obshchee i osobennoe // Vzaimodejstvie prava i morali: mat-ly mezhdunarodnoj nauchnoj konf-cii. M., 2014. S. 11–17.
4. Arhiepiscope Serafim (Sobolev). Russkaya ideologiya. Istoriko-religioznyj ocherk. SPb., 1994.
5. Sempson A. Novaya anatomiya Britanii. M., 1975.
6. Matveeva T. V. Funkcional'nye stili v aspekte tekstovyh kategorij. Sverdlovsk, 1990.
7. Zhukova E. A. Osobennosti oficial'no-delovogo stilya // Vestnik MITU-MASI. 2018. № 1. S. 65–67.
8. Solov'ev V. S. Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya: Sochineniya v 2 tomah. M., 1988. T. 1.
9. Mur Dzh. Principy etiki. M., 1984.
10. Gegel' G. V. F. Filosofiya prava. M., 1990.
11. Kant I. Osnovy metafiziki нравstvennosti. Kritika prakticheskogo razuma. Metafizika нравov. SPb., 1995.
12. Gegel' G. F. V. Fenomenologiya duha. M., 2008.
13. Alekseev A. I., Sinilov G. K. Aktual'nye problemy teorii operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Aktual'nye problemy teorii operativno-rozysknoj deyatel'nosti: sbornik nauchnyh trudov. M., 2017. S. 9–83.
14. Makiavelli N. Sochineniya. SPb., 1998.

15. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M., 1990.

Информация об авторах

Э. В. Губернаторова — кандидат филологических наук.

А. В. Иванов — кандидат философских наук.

Р. В. Насыров — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

E. V. Gubernatorova — Candidate of Science (Philology).

A. V. Ivanov — Candidate of Science (Philosophy).

R. V. Nasirov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 19.03.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 19.03.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 29.05.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 12–20.

Altai Law Journal. 2023. № 2 (42). P. 12–20.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.1(470)

КВОТА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Евгения Валерьевна Нефедова

Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия,

jenyaaanefedova@mail.ru

Аннотация. Автором подвергаются исследованию положения действующих нормативных правовых актов Российской Федерации, юридической доктрины, решений органов правоприменения относительно определения сущности и установления дефинитивных основ феномена «квота». Обращившись к различным точкам зрения ученых на функциональное назначение квот, их практическую реализацию в условиях современных государственно-правовых закономерностей, автор выдвигает положение о возможности восприятия квоты в качестве самостоятельного юридического средства, направленного на регулирование общественных отношений. Применяя разнообразие средств и методов познания, среди которых особая роль была отведена диалектическому методу, при помощи сравнительно-правового, формально-юридического методов аргументируются выводы, конкретизирующие учение о средствах правового регулирования, правовых преимуществах, стимулах и ограничениях в праве. Заключительные выводы автора расширяют юридическое знание о теории правового воздействия, а кроме того, создадут предпосылки для активизации научной дискуссии относительно самостоятельного восприятия квот в механизме правового регулирования.

Ключевые слова: правовое регулирование, квота, правовое преимущество, стимул, ограничение

Для цитирования: Нефедова Е. В. Квота в российском праве: понятие и виды // Алтайский юридический вестник. 2023. № 2. С. 12–20.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

QUOTA IN RUSSIAN LAW: CONCEPT AND TYPES

Evgeniya V. Nefedova

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, jenyaaanefedova@mail.ru

Abstract. The author examines the provisions of the current regulatory legal acts of the Russian Federation, legal doctrine, decisions of law enforcement bodies regarding the essence establishment and definitive foundations of «quota» phenomenon. Referring to scientists' various points of view on the functional purpose of quotas, their practical implementation in the conditions of modern state-legal laws, the author puts forward a provision on the possibility of perceiving quotas as an independent legal means aimed at regulating public relations. Applying a variety of cognition means and methods, among which a special role was assigned to the dialectical method, as well as using comparative legal, formal legal methods, conclusions are made that concretize the doctrine of the legal regulation means, legal advantages, indorsements and restrictions in law. The author's final conclusions expand legal knowledge about the legal impact theory, and in addition, predetermine the activation of scientific discussion regarding the independent perception of quotas in the legal regulation mechanism.

Keywords: legal regulation, quota, legal advantage, indorsement, restriction

For citation: Nefedova E. V. Quota in Russian law: concept and types. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;2:12–20 (In Russ.).

Полагаем, что ни для кого не будет открытием, что основные направления правовой политики Российской Федерации в современных условиях определяет глава государства. Между тем ключевые положения государственного строительства, укрепления основ социального и правового государства и формирования гражданского общества, на основании которых принимаются впоследствии управленческие решения, формулируются в числе прочего Председателем Правительства Российской Федерации.

Характерной тенденцией выступления главы исполнительной ветви власти перед депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 23 марта текущего года стало употребление термина «квота». Так, М. В. Мишустин докладывал о введенных специальных квотах на обучение за счёт средств федерального бюджета, квотировании рабочих мест для инвалидов и пр. [1]. Свыше пяти раз в рамках речи прозвучал данный термин.

При помощи использования института квот государство решает важнейшие стратегические задачи. Это касается как внутренних процессов (сбережение экологии и окружающей среды, забота о гражданах, нуждающихся в повышенной социальной опеке и пр.), так и внешних — геополитических направлений (поддержание политических связей, установление паритета интересов государств, обеспечение прорывных достижений в области науки и техники и др.). Однако научная концепция правового феномена «квота» до настоящего времени не разработана, унифицированный понятийный аппарат отсутствует. Попробуем, насколько это возможно в рамках публикации, восполнить данный пробел.

Популярной точкой зрения в рамках доктринальных исследований является позиция, согласно которой квота воспринимается строго примитивно, без раскрытия сущностной составляющей, т. е. сообразно и в границах общеязыкового толкования: как объем чего-либо [2, с. 559] или уровень [3, с. 374]. Остановимся на данном аспекте подробнее, поскольку, с одной стороны, видим положительный момент в подобном восприятии исследуемого нами феномена, а с другой — находим в нем резервы для развития и дополнения.

Позитивным в восприятии квоты в качестве уровня (объема) каких-либо благ либо, напро-

тив, доли их ограничения (например, в случае с загрязнением окружающей среды) выступает акцент на качественном (содержательном) выражении. Как известно, термин «уровень» в общенаучном смысле означает «качественное состояние, степень развития чего-либо» [4, с. 653], а «объем» — содержание чего-либо [5, с. 420]. Действительно, законодатель, указывая на допустимый уровень, например, выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, выдает соответствующие квоты, которые не распространяются на выбросы, содержащие радиоактивные вещества [6]. Однако количественный компонент в содержании квоты в таком случае выпадает, что представляется неверным. В этом видится резерв для улучшения, развития названной позиции.

Полагаем, что юридическая природа феномена «квота» базируется на сочетании количественного и качественного компонентов. Неслучайно в рамках приведенного ранее примера государство регулирует не только содержательный аспект допустимого загрязнения окружающей среды, но и количественный, основывающийся на максимально точных расчетах. Так, «правила квотирования выбросов загрязняющих веществ <...> устанавливают порядок определения и установления квот выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух <...> на основании результатов проведения сводных расчетов загрязнения атмосферного воздуха и оценки риска здоровью населения» [7].

В свете приведенных аргументов обратимся к позициям тех авторов, которые, напротив, в числе ключевых в содержании квоты позиционируют количественный компонент. Так, интересной видится точка зрения, согласно которой квота определяется посредством такого термина, как лимит. К примеру, С. И. Крохалева в своей работе данные слова употребляет как синонимичные, не останавливаясь на сущностном восприятии феноменов, возможных элементах их единства и различия, уделяя внимание лишь прикладным аспектам правового регулирования [8, с. 43–49]. Между тем названный аспект представляется актуальным не только с научной точки зрения, но и с позиции практической значимости. Это подтверждается тем, что субъекты правотворчества также нередко идут по пути смешения данных терминов, употребляя их в од-

ном значении: через запятую или посредством соединительного союза [9], а нередко и в скобках. Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 15.12.2000 № 972 определены порядок распределения «экспортных лимитов (квот) и выдача экспортных разрешений на поставку нитрата аммония в США» [10].

Нам импонирует точка зрения тех ученых, которые хотя и видят в квотах и лимитах элементы сходства, но все же полагают, что это различные средства воздействия [11, 12]. В числе аргументов данной гипотезы укажем как сугубо лингвистические, так и содержательные (общеправовые, нормативные).

В числе первых отметим, что слово «лимит» буквально означает «ограничение, предельная норма», а глагольная форма данного существительного «лимитировать» понимается как «ограничивать, стеснять условиями» [13, с. 1132]. В рамках второй группы аргументов укажем, что квота хотя и содержит в себе потенциал ограничения как метода воздействия на общественные отношения, однако характеризуется и качеством дозволения. Как известно, дозволения «призваны дать простор, возможность для "собственного", преимущественного по усмотрению, по интересу поведения участников общественных отношений» [14, с. 54]. Так, предоставленная квота открывает возможность журналисту получить аккредитацию для освещения работы Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [15].

Нередко квота предоставляет и дозволения особого рода, превышающие общеустановленный уровень приобретения или использования каких-либо благ, например открывая возможность для получения правовых преимуществ [16, с. 74–75]. К примеру, «дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей <...> имеют право на обучение по программам бакалавриата и программам специалитета за счет средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации в пределах установленной квоты» [17].

Следует отметить, что в науке присутствует точка зрения, согласно которой квота в содержательном аспекте представляет собой определенный предел [18]. Сообразно ранее апробированному подходу попробуем аргументировать подобную интерпретацию феномена «квота».

Так, толковые словари русского языка определяют слово «предел» как «границу, черту, разделяющую что-либо», а также «последняя, крайняя степень, грань чего-либо» [5, с. 963]. В такой интерпретации термина «предел» весьма сложно поставить знак равенства между содержанием, которое вложено в феномены «квота» и «предел». Первая хотя и ориентирует участников правоотношений на границы дозволенного, разрешенного, но в первую очередь все же определяет содержательные характеристики благ, их изначальные качественные, а затем и количественные объемы.

Наша точка зрения относительно категории «предел» в праве, ее соотношения согласуется с феноменом «квота» и с доктринальными позициями [19, 20]. Общее между квотой и пределом — это форма, т. е. фиксация в нормативном правовом акте ограничения блага, а особенное — это содержание. Квотой, как известно, определяются конкретные объемы благ, гарантии их получения, а также, возможно, и преимущества в пользовании и распоряжении ими. В свете изложенного представляется неверным понимание квоты исключительно в виде нормативно закреплённого количества чего-либо, несмотря на то, что данная позиция имеет место в науке.

Подобная точка зрения, например, высказывается в работе К. Н. Горбовой и В. С. Плотникова, полагающих, что «квотирование — это количественные ограничения импорта или экспорта определенной продукции путем установления максимально разрешенного их физического или стоимостного объема» [21, с. 163]. Понимая, что авторы в большей степени рассматривали квоту применительно к интересующей их проблематике, все же заметим, что данный правовой феномен обладает признаками универсальности, институциональным свойством, выступает родовым понятием, качество которого проецируется на иные отраслевые виды.

В свою очередь, ограничение качественных характеристик благ, распределяемых государством в рамках складывающихся правоотношений, — важная черта квоты. Данный институт позволяет в рамках одной группы отношений содержательно разделять долю гарантированных прав и законных интересов. К примеру, российское государство активно использует институт квот в рамках реализации права на получение

образования. Между тем, ограничивая не только количественную, но и в особенности качественную сторону потребления данного блага гражданами, органы публичной власти проводят соответствующую социальную и экономическую политику, направляя и стимулируя интересы граждан по обучению на востребованные профессии, распределяя впоследствии выпускников среди нуждающихся в квалифицированных кадрах регионов. Для примера: если в рамках специальности «Прикладная информатика» доля мест для приема, выделенных на целевое обучение в рамках квоты, составляет 10 и выпускники могут быть трудоустроены в любом регионе, то по специальности «Гидромелиорация» данная доля составляет 25 и трудоустроиться выпускник может лишь в 14 регионах Российской Федерации, среди которых Донецкая и Луганская Народные Республики [22].

В этой связи попробуем предложить операционное, или рамочное, понятие феномена «квота», которое впоследствии может быть уточнено: это *«нормативно установленная государством регламентация общественных отношений по ограниченному распределению благ, гарантированная определением их качественных и количественных объемов, путем предоставления правового преимущества во владении, пользовании и распоряжении ими конкретному субъекту»*.

Классифицировать квоты ввиду их сложного характера возможно по различным основаниям. К примеру, интересным критерием видовой деления будет являться *финансово-экономическая основа*, в соответствии с которой можно различать квоты:

- *безвозмездные*, предоставляемые государством для достижения социально значимых целей. К примеру, положения Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире», закрепляющего условия и преимущества отдельных хозяйствующих субъектов по получению квоты [23], нередко оспариваются. Однако высшая судебная инстанция указала, что «квоты распределяются безвозмездно», а критерием выбора субъекта — получателя квоты является ранее имевшийся опыт осуществления добычи водных биологических ресурсов в данной акватории, что «препятствует неконтролируемому расширению числа пользователей животным миром» [24];

- *приобретаемые*, основанием получения которых выступает либо их покупка, либо приобретение (выигрыш) в результате аукциона. К примеру, ряд авторов ранее акцентировали внимание на неудачной формулировке законодательства, регламентирующего приобретение квоты в рамках минимальной доли закупки товаров российского происхождения. В частности, речь идет о том, что заказчику необходимо приобретать ненужные товары из реестра для гарантированного приобретения необходимых товаров в рамках квоты [25].

В зависимости от формы правового воздействия на общественные отношения квоты могут быть классифицированы следующим образом:

- *уравнивающие*, обеспечивающие баланс и создающие условия для согласования (по возможности) интересов групп и участников правоотношений в какой-либо сфере. К примеру, выполняя решение Коллегии Евразийской экономической комиссии, касающееся определения квот в отношении отдельных видов сельскохозяйственных товаров [26], Российская Федерация придерживается принципа «сбалансированности товарных рынков и недопущения ускоренного роста цен на сельскохозяйственную и продовольственную продукцию» [27]. Подобная разновидность квот, несмотря на то, что нередко подвергается обжалованию с позиции ответственности принципам конкуренции и свободы рыночных отношений, согласно позициям Верховного Суда Российской Федерации, отвечает концепции государственной политики в области торговли и не «нарушает права и свободы» участников [28];

- *прерогативные*, улучшающие правовое положение отдельных участников правоотношений, создающие условия для приобретения ими дополнительного уровня социального и иного обеспечения, количества благ, превышающих общеустановленный уровень. Так, апелляционным определением Верховного Суда Российской Федерации тарифная квота дефинирована в качестве «льготы по уплате таможенной пошлины в отношении отдельных видов товаров, вывозимых за пределы территории Российской Федерации и территории государств — участников соглашений о Таможенном союзе» [29]. Характерно, что аналогично предыдущей разновидности так называемые прерогативные квоты

ты в силу возникновения условий для создания преимуществ отдельных участников отношений также нередко могут ассоциироваться у правоприменителя и в качестве инструмента дискриминации (может быть не явной, но латентной), нарушения принципа равноправия. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации однозначно указал на допустимость установления законодателем такой формы поддержки в отношении конкретных субъектов [30].

В качестве выводов по изложенному материалу хотелось бы отметить следующее:

1) для того чтобы квота не ассоциировалась с дискриминацией, злоупотреблениями со стороны политической власти, излишним улучшением правового положения отдельных участников правоотношений, служила эффективным инструментом претворения в жизнь правовой политики, она должна обладать:

а) прочной социальной основой, отражая и защищая интересы большинства членов общества;

б) легитимной основой установления, опирающейся на демократические процедуры и профессиональный подход при определении количественных и качественных объемов гарантируемых благ;

в) публичным организационно-правовым механизмом реализации, доступным для понимания и применения всеми участниками общественных отношений;

г) технико-юридические средства закрепления механизма квотирования должны избегать декларационных положений, коррупциогенных факторов, позволяющих субъекту, распределяющему квоты, осуществлять обход закона;

д) подконтрольностью (надзором) со стороны государства и гражданского общества;

2) ввиду высокой коррупциогенности сферы квотирования государственным институтам необходимо в большей степени задействовать прогрессивные (в первую очередь дистанционные) технологии формирования заявок и оформления квот, в т. ч. с использованием ведомственных сервисов электронного документооборота. Так, минимизация человеческого фактора в виде контактного общения, например при оформлении миграционной квоты, должна положительно сказаться на теневом секторе, в котором задействованы не только мигранты и государственные служащие, но и различного рода посредники;

3) для того чтобы быть эффективным инструментом воздействия на общественные отношения, квота, несомненно, должна учитывать их динамику развития, влияние на регулируемую сферу различных факторов и условий (политических, социальных, экономических и др.). Установленные в рамках квоты нормативы должны подвергаться периодической оценке с позиции целесообразности изменения, внесения корректировок.

Список источников

1. Стенограмма отчета М. Мишустина в Государственной Думе Российской Федерации о работе Правительства Российской Федерации // Российская газета. 2023. 23 марта.
2. Балыкин П. А., Буслов А. В., Терентьев Д. А., Бонк А. А. Распределение квот на вылов водных биоресурсов с учетом многовидового характера рыболовства // Вопросы рыболовства. 2007. Т. 8. № 3 (31). С. 559–568.
3. Щепкин А. В. Анализ механизма продажи квот // Управление большими системами: сборник трудов. 2015. № 55. С. 373–385.
4. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: около 160 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2006. Т. 3: Р–Я. 973 с.
5. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: около 160 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2006. Т. 2: М–П. 1160 с.
6. О порядке рассмотрения заявок на получение комплексных экологических разрешений, выдачи, переоформления, пересмотра, отзыва комплексных экологических разрешений и внесения в них изменений (вместе с «Правилами рассмотрения заявок на получение комплексных экологических разрешений, выдачи, переоформления, пересмотра, отзыва комплексных экологических разрешений и внесения в них изменений»): постановление Правительства РФ от 04.08.2022 № 1386, п. 21 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 33. Ст. 5902.

7. Об утверждении правил квотирования выбросов загрязняющих веществ (за исключением радиоактивных веществ) в атмосферный воздух: приказ Минприроды России от 29.11.2019 № 814, п. 1.1 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.12.2019).
8. Крохалева С. И. Лимиты и квоты добычи охотничьих ресурсов как элемент охраны животного мира на территории ЕАО // Архитектура многополярного мира в XXI веке: экология, экономика, геополитика, культура и образование: сборник мат-лов VI Международной научно-практ. конф-ции, Биробиджан, 30 апреля 2021 г. / под общ. ред. В. П. Макаренко. Биробиджан: Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, 2021. С. 43–49.
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (в ред. от 17.02.2023; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023), ч. 2 ст. 333.2 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340; Российская газета. 2023. 21 февраля.
10. О поставках нитрата аммония в Соединенные Штаты Америки: постановление Правительства Российской Федерации от 15.12.2000 № 972 (в ред. от 14.02.2009), п. 2 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 52 (ч. II). Ст. 5152; 2009. № 9. Ст. 1101.
11. Репьев А. Г. «Квота» как правовая категория: дефинитивный и содержательный аспекты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3. С. 34–46.
12. Згонников П. П. Государство как участник гражданско-правовых отношений // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 2–6.
13. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: около 160 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2006. Т. 1: А–Л. 1165 с.
14. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989. 288 с.
15. О средствах массовой информации: закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (в ред. от 29.12.2022), ст. 48 // Российская газета. 1992. 13 февраля; Собрание законодательства РФ. 2023. № 1. Ст. 32.
16. Репьев А. Г. Категории «привилегия» и «льгота» в системе правовых преимуществ: теория, практика, техника: монография / под ред. профессора И. Н. Сенякина. Барнаул: АЗБУКА, 2019. 164 с.
17. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (в ред. от 14.07.2022; с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023), ч. 1 ст. 6 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 52. Ст. 5880; URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.07.2022).
18. Ярошенко Н. В. Правовые проблемы создания и деятельности кредитных организаций с иностранным капиталом // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 40–49.
19. Зайцева Е. С. Проблема пределов правового регулирования в отечественной юридической науке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 10–17.
20. Репьев А. Г. «Предельность» как принцип законодательного установления правовых преимуществ // Юридическая техника: ежегодник. 2020. № 14: Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации. С. 499–502.
21. Горбова К. Н., Плотников В. С. Необходимость использования квот как инструмента регулирования внешнеторговой политики // ВЭД, логистика, таможня: достижения, проблемы и новые решения: сборник докладов III Всероссийской научно-практ. конф-ции, Хабаровск, 18–19 мая 2021 г. Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2021. С. 162–168.
22. Об установлении на 2023 год квоты приема на целевое обучение по образовательным программам высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета: распоряжение Правительства РФ от 17.11.2022 № 3502-р // Собрание законодательства РФ. 2022. № 48. Ст. 8513.
23. О животном мире: федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ (в ред. от 11.06.2021; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2021) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1462; 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8601.

24. Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 09.03.2004 № ГКПИ2004-166, которым было отказано в удовлетворении заявления о признании недействующими и не подлежащими применению абзацев 2 и 3 пункта 4 и подпункта «г» пункта 5 постановления Правительства РФ от 20.11.2003 № 704 «О квотах на вылов (добычу) водных биологических ресурсов» [Электронный ресурс]: определение Верховного Суда РФ от 10.08.2004 № КАС04-342. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. Байрашев В. Квотирование закупок по Закону № 223-ФЗ // Прогнозсказ. 2021. № 3. С. 32–44.

26. Об установлении на 2023 год тарифных квот в отношении отдельных видов сельскохозяйственных товаров, ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, а также объемов тарифных квот в отношении этих товаров, ввозимых на территории государств — членов Евразийского экономического союза: решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 23.08.2022 № 119 // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 30.08.2022).

27. О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 (в ред. от 15.11.2021, с изм. от 11.10.2022), подп. «в» ч. 2 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 32. Ст. 4470; 2021. № 47. Ст. 7824.

28. Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим подпункта «а» пункта 2 постановления Правительства РФ от 18.12.2014 № 1414 «О распределении объемов тарифных квот в отношении мяса крупного рогатого скота, свинины и мяса домашней птицы в 2015 году» [Электронный ресурс]: решение Верховного Суда РФ от 31.03.2015 № АКПИ15-129. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

29. Об оставлении без изменения Решения Верховного Суда РФ от 22.07.2020 № АКПИ20-266, которым было отказано в удовлетворении заявления о признании частично недействующими пункта 2, подпунктов «д», «ж» пункта 8 Правил распределения между участниками внешнеэкономической деятельности тарифных квот в отношении ели аянской, пихты белокорой и лиственницы даурской, вывозимых за пределы территории РФ в третьи страны, утв. Постановлением Правительства РФ от 12.12.2017 № 1520 [Электронный ресурс]: апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № АПЛ20-321. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

30. По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.1997 № 5-П // Собрание законодательства РФ. 1997. № 13. Ст. 1602.

References

1. Stenogramma otcheta M. Mishustina v Gosudarstvennoj Dume Rossijskoj Federacii o rabote Pravitel'stva Rossijskoj Federacii // Rossijskaya gazeta. 2023. 23 marta.

2. Balykin P. A., Buslov A. V., Terent'ev D. A., Bonk A. A. Raspredelenie kvot na vylov vodnyh bioresurov s uchetom mnogovidovogo haraktera rybolovstva // Voprosy rybolovstva. 2007. T. 8. № 3 (31). S. 559–568.

3. Shchepkin A. V. Analiz mekhanizma prodazhi kvot // Upravlenie bol'shimi sistemami: sbornik trudov. 2015. № 55. S. 373–385.

4. Efremova T. F. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 3 t.: okolo 160 000 slov. M.: AST: Astrel', 2006. T. 3: R–Ya. 973 s.

5. Efremova T. F. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 3 t.: okolo 160 000 slov. M.: AST: Astrel', 2006. T. 2: M–P. 1160 s.

6. О порядке рассмотрения заявочных документов на получение комплексных экологических разрешений, выдачи, переоформления, пересмотра, отзыва комплексных экологических разрешений и внесения в них изменений (вместе с «Правилами рассмотрения заявочных документов на получение комплексных экологических разрешений,

vydachi, pereoforneniya, peresmotra, otzyva kompleksnyh ekologicheskikh razreshenij i vneseniya v nih izmenenij»): postanovlenie Pravitel'stva RF ot 04.08.2022 № 1386, p. 21 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2022. № 33. St. 5902.

7. Ob utverzhdenii pravil kvotirovaniya vybrosov zagryaznyayushchih veshchestv (za isklyucheniem radioaktivnyh veshchestv) v atmosferyj vozduh: prikaz Minprirody Rossii ot 29.11.2019 № 814, p. 1.1 // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 26.12.2019).

8. Krohaleva S. I. Limity i kvoty dobychi ohotnich'ih resursov kak element ohrany zhivotnogo mira na territorii EAO // Arhitektura mnogopolyarnogo mira v XXI veke: ekologiya, ekonomika, geopolitika, kul'tura i obrazovanie: sbornik mat-lov VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii, Birobidzhan, 30 aprelya 2021 g. / pod obshch. red. V. P. Makarenko. Birobidzhan: Priamurskij gosudarstvennyj universitet imeni Sholom-Alejhema, 2021. S. 43–49.

9. Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 05.08.2000 № 117-FZ (v red. ot 17.02.2023; s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2023), ch. 2 st. 333.2 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2000. № 32. St. 3340; Rossijskaya gazeta. 2023. 21 fevralya.

10. O postavkah nitrata ammoniya v Soedinennye Shtaty Ameriki: postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15.12.2000 № 972 (v red. ot 14.02.2009), p. 2 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2000. № 52 (ch. II). St. 5152; 2009. № 9. St. 1101.

11. Rep'ev A. G. «Kvota» kak pravovaya kategoriya: definitivnyj i sodержatel'nyj aspekty // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 3. S. 34–46.

12. Zgonnikov P. P. Gosudarstvo kak uchastnik grazhdansko-pravovyh otnoshenij // Rossijskaya yusticiya. 2019. № 1. S. 2–6.

13. Efremova T. F. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 3 t.: okolo 160 000 slov. M.: AST: Astrel', 2006. T. 1: A–L. 1165 s.

14. Alekseev S. S. Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave. M.: Yurid. lit., 1989. 288 s.

15. O sredstvakh massovoj informacii: zakon RF ot 27.12.1991 № 2124-1 (v red. ot 29.12.2022), st. 48 // Rossijskaya gazeta. 1992. 13 fevralya; Sobranie zakonodatel'stva RF. 2023. № 1. St. 32.

16. Rep'ev A. G. Kategorii «privilegiya» i «l'gota» v sisteme pravovyh preimushchestv: teoriya, praktika, tekhnika: monografiya / pod red. professora I. N. Senyakina. Barnaul: AZBUKA, 2019. 164 s.

17. O dopolnitel'nyh garantiyah po social'noj podderzhke detej-sirot i detej, ostavshih'sya bez popecheniya roditel'ej: federal'nyj zakon ot 21.12.1996 № 159-FZ (v red. ot 14.07.2022; s izm. i dop., vstup. v silu s 11.01.2023), ch. 1 st. 6 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 52. St. 5880; URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 14.07.2022).

18. Yaroshenko N. V. Pravovye problemy sozdaniya i deyatel'nosti kreditnyh organizacij s inostrannym kapitalom // Predprinimatel'skoe pravo. 2021. № 3. S. 40–49.

19. Zajceva E. S. Problema predelov pravovogo regulirovaniya v otechestvennoj yuridicheskoj nauke // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 3 (95). S. 10–17.

20. Rep'ev A. G. «Predel'nost'» kak princip zakonodatel'nogo ustanovleniya pravovyh preimushchestv // Yuridicheskaya tekhnika: ezhegodnik. 2020. № 14: Sistema principov rossijskogo zakonodatel'stva: tekhnika zakrepleniya, interpretacii, realizacii. S. 499–502.

21. Gorbova K. N., Plotnikov V. S. Neobhodimost' ispol'zovaniya kvot kak instrumenta regulirovaniya vneshnetorgovoj politiki // VED, logistika, tamozhnya: dostizheniya, problemy i novye resheniya: sbornik dokladov III Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii, Habarovsk, 18–19 maya 2021 g. Habarovsk: Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet putej soobshcheniya, 2021. S. 162–168.

22. Ob ustanovlenii na 2023 god kvoty priema na celevoe obuchenie po obrazovatel'nym programmam vysshego obrazovaniya za schet byudzhetyh assignovanij federal'nogo byudzheta: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2022 № 3502-r // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2022. № 48. St. 8513.

23. O zhitovnom mire: federal'nyj zakon ot 24.04.1995 № 52-FZ (v red. ot 11.06.2021; s izm. i dop., vstup. v silu s 01.08.2021) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 17. St. 1462; 2020. № 52 (ch. I). St. 8601.

24. Ob ostavlenii bez izmeneniya resheniya Verhovnogo Suda RF ot 09.03.2004 № GKPI2004-166, kotorym bylo otkazano v udovletvorenii zayavleniya o priznanii nedejstvuyushchimi i ne podlezhashchimi primeneniyu abzacev 2 i 3 punkta 4 i podpunkta «g» punkta 5 postanovleniya Pravitel'stva RF ot 20.11.2003 № 704 «O kvotah na vylov (dobychu) vodnyh biologicheskikh resursov» [Elektronnyj resurs]: opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 10.08.2004 № KAS04-342. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

25. Bajrashev V. Kvotirovanie zakupok po Zakonu № 223-FZ // Progoszakaz. 2021. № 3. S. 32–44.

26. Ob ustanovlenii na 2023 god tarifnyh kvot v otnoshenii otdel'nyh vidov sel'skohozyajstvennyh tovarov, vvozimyh na tamozhennuyu territoriyu Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza, a takzhe ob'emov tarifnyh kvot v otnoshenii etih tovarov, vvozimyh na territorii gosudarstv — chlenov Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza: reshenie Kollegii Evrazijskoj ekonomicheskoy komissii ot 23.08.2022 № 119 // Oficial'nyj sayt Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza. URL: <http://www.eaeunion.org/> (data obrashcheniya: 30.08.2022).

27. O primenении otdel'nyh special'nyh ekonomicheskikh mer v celyah obespecheniya bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 06.08.2014 № 560 (v red. ot 15.11.2021, s izm. ot 11.10.2022), podp. «v» ch. 2 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2014. № 32. St. 4470; 2021. № 47. St. 7824.

28. Ob otkaze v udovletvorenii zayavleniya o priznanii chastichno nedejstvuyushchim podpunkta «a» punkta 2 postanovleniya Pravitel'stva RF ot 18.12.2014 № 1414 «O raspredelenii ob'emov tarifnyh kvot v otnoshenii myasa krupnogo rogatogo skota, svininy i myasa domashnej pticy v 2015 godu» [Elektronnyj resurs]: reshenie Verhovnogo Suda RF ot 31.03.2015 № AKPI15-129. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

29. Ob ostavlenii bez izmeneniya Resheniya Verhovnogo Suda RF ot 22.07.2020 № AKPI20-266, kotorym bylo otkazano v udovletvorenii zayavleniya o priznanii chastichno nedejstvuyushchimi punkta 2, podpunktov «d», «zh» punkta 8 Pravil raspredeleniya mezhdru uchastnikami vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti tarifnyh kvot v otnoshenii eli ayanskoj, pihty belokoroj i listvennicy daurskoj, vyvozimyh za predely territorii RF v tret'j strany, utv. Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 12.12.2017 № 1520 [Elektronnyj resurs]: apellyacionnoe opredelenie Apellyacionnoj kollegii Verhovnogo Suda RF ot 13.10.2020 № APL20-321. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

30. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij abzaca vtorogo punkta 2 stat'i 18 i stat'i 20 Zakona Rossijskoj Federacii ot 27 dekabrya 1991 g. «Ob osnovah nalogovoj sistemy v Rossijskoj Federacii»: postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 21.03.1997 № 5-P // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1997. № 13. St. 1602.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 11.05.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 11.05.2023; accepted for publication 29.05.2023.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ХРОНОДИСКРЕТНОГО МОНОГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ОЦЕНКЕ ПЕРСПЕКТИВ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПРЕРВАННЫХ ИНСТИТУТОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Татьяна Владимировна Полещенко¹, Алексей Александрович Чесноков²

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал, Барнаул, Россия

¹ poleshchenkova@alt.ranepa.ru

² chesnokovaa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4409-9340>

Аннотация. В статье исследуется применимость хронодискретного моногеографического инструментария к анализу эффективности возрождения ранее прерванных государственно-правовых явлений. С учетом особых внешних и внутренних условий существования нашей страны, постановки самого вопроса о выживаемости российской цивилизации возникает необходимость оперативной адаптации имеющихся или создания инструментов регулирования общественных отношений. Исследуется сам хронодискретный институт с комплексным анализом его среды, правоприменительной практики вопросов построения и функционирования; исследуется хроноразрыв в институте с сопоставлением его состояния на начало и конец хронопаузы; используется методология правовой компаративистики при сопоставлении соответствующего института и конкретных условий его существования в различные периоды.

Ключевые слова: хронодискретное моногеографическое исследование, государственно-правовой институт, прерывание правовой традиции, правовая реформа, адвокатура

Для цитирования: Полещенко Т. В., Чесноков А. А. К вопросу о роли хронодискретного моногеографического подхода в оценке перспектив возрождения прерванных институтов отечественной правовой системы // Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 21–26.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

ON THE ROLE OF THE CHRONODISCRETE MONOGEOGRAPHIC APPROACH IN ASSESSING THE PROSPECTS FOR REVIVING THE INTERRUPTED INSTITUTIONS OF THE DOMESTIC LEGAL SYSTEM

Tatiana V. Poleshenkova¹, Aleksey A. Chesnokov²

^{1,2} The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Altai Branch, Barnaul, Russia

¹ poleshchenkova@alt.ranepa.ru

² chesnokovaa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4409-9340>

Abstract. The article explores the applicability of chronodiscrete monogeographical toolkit (CMGT) to analyze the effectiveness of revival of previously interrupted state-legal phenomena. Taking into account special external and internal conditions of our country's existence, posing the question of survival of the Russian civilization there is a necessity of operative adaptation of available or creation of tools of public relations regulation. A greater prospect has the use of proven domestic institutions. The chronodiscrete institute itself is studied, with a comprehensive analysis of its environment, law enforcement practice of the issues of construction and functioning; chronodiscrete institute is studied with a comparison of its state at the beginning and end of chronopause; the methodology of legal comparativism in comparing the relevant institution and specific conditions of its existence in different periods is used.

Keywords: chronodiscrete monogeographical study, state-legal institution, interruption of legal tradition, legal reform, advocacy

For citation: Poleshenkova T. V., Chesnokov A. A. On the role of the chronodiscrete monogeographic approach in assessing the prospects for reviving the interrupted institutions of the domestic legal system. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;2:21–26 (In Russ.).

Сегодня происходит поступательный процесс обновления всех сфер общественной жизни, формируются на первый взгляд новые и адаптируются к потребностям мобилизационной экономики относительно старые государственно-правовые институты. Одним из инструментов развития становится воссоздание наиболее эффективного правового инструментария, но возникает вопрос о его эффективности и самой возможности включения в существующие общественные отношения.

Общество традиционно напоминает своим движением синусовый ритм маятника, с завидным постоянством сдвигаясь от одной крайности к другой, изменяя подход к своим ценностям, но возвращаясь по схожему маршруту. Так происходило с движением от абсолютной монархии к революционному безвластию и назад — к авторитарному управлению; воспеванием коллективных/соборных/общинных и т. п. ценностей и скатыванием к грубому потребительскому эгоизму/потребительству/стяжательству и т. п. мотивам «квазирыночных» периодов развития. Дальше все повторяется.

При этом можно выделить как сущностные элементы отечественного права и правовой культуры, в которых проявляется его сущность и относительная стабильность, так и институты, появление и исчезновение которых связывается с эволюционными и революционными изменениями общественных отношений.

Наш народ с его укоренившимся мессианским мировоззрением не может жить без крайностей. Историческое выживание среди необъятных просторов с практически неизмеримыми природными ресурсами, с одной стороны, и в рамках зон рискованного земледелия, под угрозой постоянного нападения как с запада, так и с востока, с другой стороны, вызвало особое патерналистское отношение и почти бескрайний кредит доверия населения к публичным институтам, что, к сожалению, поощряет привычку к их нескончаемым и часто бесплодным реформам, не всегда проработанным. Так, авторы, анализируя развитие отечественной системы управления миграционными процессами, насчитали три реформы, связанные со значительным перераспределением полномочий между органами государственной власти в период с 1802 по 1917 г., три реформы с 1917 по

1989 г. и семь подобных изменений всего лишь за последующие 34 года!

Государственная власть, не имея эффективных механизмов обратной связи в виде реакции рынка, формировала «сдаточно-раздаточные» отношения, суть которых заключается в сборе, а затем в точечном административном распределении имеющихся ресурсов. Это влекло массовую коррупцию в царской и, хотя и в меньшей мере, советской России, перегибы на местах, волюнтаристский подход к имеющимся средствам взаимодействия с населением, на которые практически не оставалось действенного ответа, кроме массовых выступлений. Только в последние десятилетия появились такие инструменты, как законность, права человека, институты гражданского общества, способные заполнить разрывы обратной связи власти и населения.

Мы любим максимумы, «нельзя пересечь пропасть в два прыжка/нельзя быть немножко беременной и проч.» — манипулятивные, но точные по отношению к общественному восприятию изречения одного из премьеров новейшего времени. Психологически проще не оттачивать имеющиеся инструменты, а просто придумать или позаимствовать новые. По вышеназванным причинам можно отметить некую цикличность развития отечественных государственно-правовых институтов, постоянные реформы/эксперименты/перестановки мест слагаемых государственного аппарата, но с сохранением наработанных традиций и опыта, чтобы не исключить возможности возврата к ним при необходимости. А вот новые институты на нашей земле приживаются значительно хуже. И следует согласиться с профессором В. Н. Синюковым, что иностранные бездумные включения в правовую систему склонны превращаться в малоэффективные квазигирические феномены [1, с. 94].

Сама государственность своими символами и структурой законодательной и исполнительной власти показывает возобновление прерванной на 70 лет традиции. Если же мы посмотрим на современное право, то увидим возрождение публичных институтов судебных приставов, мирового суда, частного нотариата и т. п., частно-правовых: норм о собственности на землю, ипотеке, кредитной кооперации и пр.

Отсюда можно сделать вывод, что хронодискретная моногеографическая правовая компа-

ративистика (ХМСП), разработанная в рамках научной школы профессора А. А. Демичева, буквально предназначена для анализа отечественных государственно-правовых явлений, позволяет создать целостную картину их генезиса и места в упорядочивании общественных отношений [2, с. 13–15].

При этом в рамках традиционной правовой компаративистики соотносятся относительно схожие правовые феномены разных государств, цивилизаций, проявляющиеся в один период или в разные периоды, но в схожих условиях. Здесь важен критерий сравнимости. В рамках подхода научной школы ХМСП термин «моногеографическое» (*μόνος* — с греческого) означает соотношение государственно-правовых институтов в одной стране, при этом «хронодискретное» (от *χρόνος* — время с греческого и *discretus* — разделение с латинского) означает, что сравниваются родственные институты, разорванные во времени. Конечно, с нашей точки зрения, не совсем удачно в одном слове соотносить корни различных языков, но сама конструкция может быть признана верной. Важно, что в истории исследуемых феноменов имеется не просто перерыв, а разрывание традиций, при этом сравнивается не один и тот же государственно-правовой институт, который эволюционировал на протяжении длительного времени, а аналогичные явления, возникшие без прямой преемственности в разные исторические периоды.

Так же как по законам рыночной экономики спрос определяет предложение, возникновение определенных государственно-правовых институтов становится ответом на вызовы, которые ставит современность перед обществом и публичной властью. Учитывая цикличность вызовов, исторический процесс более склонен повторять уже апробированные модели и формы. При этом адекватность и скорость ответа прямо зависят от масштабов вызовов, отсутствие ответа на локальном уровне влечет социальные потрясения, глобальный же уровень ставит под сомнение само существование социума как отдельной цивилизации.

После отпадения потребности в реализации конкретной функции, выполнении поставленной задачи государственно-правовой институт может идти по одному из трех основных вариантов: адаптируется и встраивается в реализацию

повседневных потребностей регулирования (мутирует); постепенно затухает, уходя на все более вторичные роли, но продолжает существовать в виде рудимента правовой системы (аннигилирует); прекращает свое существование до момента возникновения в нем потребности вновь (прерывается). Именно последний вариант описывает хронодискретная моногеографическая правовая компаративистика.

Хронодискретная пауза — явление, заслуживающее отдельного внимания. Это полное отсутствие исторической традиции прерванного института, отсутствие развития до самого момента возникновения в нем потребности. Если фактическое прерывание института (отсутствие функции) и формально-юридическое (отсутствие формы) совпадают, то речь идет о классическом ХМСП-институте.

Классическим хронодискретным институтам приписывают следующие важнейшие признаки: их основу составляет взаимосвязанная система правовых норм; имеет место их проявление на одной территории в разные исторические периоды, при этом происходит пауза в их развитии, историческая традиция также прерывается. Так, хроноразрыв в истории суда присяжных длился 76 лет, судебных приставов — 80 лет, апелляции — 83 года и т. п. [3, с. 47]. Подобное явление свойственно как государственным институтам (Государственная Дума), государственно-правовым образованиям (прокурорский надзор и контроль), так и материально-правовым или процессуальным институтам и субинститутам (например, апелляционное обжалование) и отдельным проявлениям правовой культуры (в частности, влияние правовой доктрины и судебной практики как квазиисточников права).

Неклассические ХМСП-институты, такие, например, как адвокатура и прокуратура, не исчезают полностью, их функция подхватывается другими образованиями, и развитие не прекращается. Неклассические ХМСП-институты с меньшим успехом описываются представленной методологией, т. к. фактическая пауза, будучи менее заметна на фоне формально-юридической, значительно больше ее по времени, и при возникновении нового вызова мы видим значительно измененный правовой феномен.

Интересна специфическая методология ХМСП-подхода, которая включает в себя ряд

принципов: исследуется только хронодискретный институт с комплексным анализом его среды, правоприменительной практики вопросов построения и функционирования; исследуется хроноразрыв в институте с сопоставлением его состояния на начало и конец хронопаузы; используется методология правовой компаративистики при сопоставлении соответствующего института и конкретных условий его существования в различные периоды и осуществляется детальная проработка историко-графических, источниковых и методологических аспектов; на основе сравнительного анализа даются рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Идея хроноразрыва позволяет проследить детерминированность реформ внешними и внутренними факторами, выделить ключевые точки формирования конкретных институтов, с наименьшими затратами помочь в их возрождении и пр. Вместе с тем хотелось бы выделить некоторые направления дальнейшего развития и инструментального применения ХМСП-методологии.

Первый момент, притягивающий внимание, — необходимость диалектического развития категории хронодискретного института (под ним понимаются конкретные элементы правовой системы, государственно-правовые институты, существовавшие в рамках одной государственности или территории, но в различные исторические периоды, при этом имело место их прерывание (хронодискретная пауза), создавшее временной разрыв правовой традиции) [4, с. 23–24]. Важным наблюдением здесь будет вопрос преемственности указанных институтов — как правило, их последующее появление происходит в состоянии, непосредственно предшествующем прерыванию. Иначе говоря, государственно-правовое явление «ставится на паузу» до момента, пока потребность в нем не возникнет вновь.

Конечно, в изначальном варианте данный подход представляется чрезмерно узким для понимания роли конкретного института. Скорее, здесь можно говорить о функциональной роли института, которая даже при его приостановлении/отмене в долгосрочной перспективе не исчезает, но может быть замещена деятельностью смежных или вновь образованных государственных

органов или общественных организаций, иных правовых феноменов.

Так, отмена и роспуск адвокатуры в 1917 г. как обслуживающего буржуазию института и ее возрождение в схожем функционале в 1939 г. [5] не прерывали соответствующую функцию, которая перешла в 1918 г. к коллегиям правозащитников при Советах рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Эти же коллегии вполне замещали функции прокуратуры, которая была воссоздана после четырехлетнего перерыва в 1922 г. [6]. Но и здесь мы можем говорить о неклассической форме ХМСП-института, где соответствующая методология применима для анализа фактического прерывания.

Некоторые институты в силу их общественной значимости просто не могут быть заменены. Роспуск судебных органов 1917 г. также показал невозможность процессуальной реализации «революционного правосознания». И судьи как знатоки процессуальных норм были возвращены, но с двумя народными заседателями, которые всегда могли голосованием настоять на принятии «истинно пролетарского» судебного акта. Само ослабление правосудия в 1990-х гг. и деградация формальных институтов привели к возникновению неформальных и даже противоправных форм разрешения споров в форме крышевания и разборок «по криминальным понятиям» [7, с. 210].

В российской истории наиболее чувствительный разрыв государственно-правовых институтов создало существование Советского государства, оно прервало значительный объем традиций, возрождаемых уже с 1991 г. по сегодняшний день. Но и прерывание Советской правовой системы — ничто иное, как глобальный классический хроноразрыв, при котором форма и функциональное содержание просто могут быть поставлены на паузу до возникновения соответствующего вызова. Россия дала миру принципиально новый тип правовой системы — социалистическое право с присущими ему институтами демократического управления, социальной заботой о гражданах, особым статусом государственной собственности, переданной в оперативное управление и пр. Оно оказало существенное воздействие на законодательство десятков государств мира, воздействие культурного пласта, созданного в России, также трудно

переоценить. Современная же правовая система находится в состоянии перманентного кризиса, преодолеть который возможно лишь посредством осознания и использования собственного пути развития.

Наверное, политическому и правовому менталитету российского общества свойственны экстремумы. Требуется серьезное экзистенциальное переживание, ситуация, часто трагедия на грани существования, чтобы зажечь социальную пассионарность. Подобных вызовов сегодня очень много, остается надеяться, что правдива поговорка и том, «что мы долго запрягаем, но быстро едем». Здесь нам видится возможность возрождения ряда институтов, прерванных строительством «рыночной экономики». Какие это будут институты, напрямую зависит от возникающих перед нами глобальных вызовов.

С точки зрения значимости прерываемых институтов можно говорить об их прерывании как без передачи или с минимальной трансляцией функционала (суд присяжных, банкротство физических лиц в условиях советского государства), так и с возможностью полного замещения исполняемой функции, пусть и в преломлении к конкретной политико-правовой действительности (полиция-милиция, церковный брак — светский брак и т. п.).

Поэтому при анализе генезиса институтов в рамках ХМСП-подхода будет полезным рас-

сматривать: исполняемую ими социальную функцию, ее соотношение с функционированием других институтов и возможность трансферта при исчезновении первых; изменение среды и регулятивной ценности прерываемого института в новых условиях; уровень потребности общества в возрождении института на прежних условиях и т. п.

Именно институциональный подход в его ХМСП-интерпретации позволяет выявить среду и условия действия права, его эффективность, результативность и даже приемлемость. Важное значение имеет определение точки прерывания государственно-правового института, т. к. в случае его восстановления можно будет двигаться в развитии, не повторяя прошлых ошибок.

Юриспруденция в силу ряда объективных и субъективных причин всегда отстает от реальных общественных отношений. И сегодня за исключением редких вкраплений законодательство и судебная практика пока не замечают очевидного запроса на принципиальную перестройку самой правовой системы, которая будет направлена на выживание и дальнейшее процветание российской цивилизации. Наша задача — помочь позитивным изменениям, в первую очередь на основе переосмысленной отечественной традиции государственно-правового строительства.

Список источников

1. Синюков В. Н., Григорьев Ф. А. Правовая система: вопросы правореализации: учебное пособие. Саратов: СВШ МВД России, 1995. С. 94–95.
2. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: проблемы методологии: монография / А. А. Демичев, К. А. Демичев, В. А. Илюхина [и др.]; под ред. А. А. Демичева. М.: РУСАЙНС, 2021.
3. Большакова В. М. Методология хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения в изучении судебных преобразований в Российской Империи и Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 4. С. 46–50.
4. Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: мат-лы первой Всероссийской научной конференции / под ред. А. А. Демичева, К. А. Демичева. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018.
5. Положение об адвокатуре СССР: утв. пост. СНК СССР от 16 августа 1939 г. // СП СССР. 1939. № 49. Ст. 394.
6. Положение о прокурорском надзоре: утверждено III сессией Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва 28 мая 1922 г. // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937). М., 1940. С. 131–133.
7. Гражданский процесс: учебник для студентов средних специальных учебных заведений / А. А. Демичев, О. В. Исаенкова, М. В. Карпычев. М.: Форум, 2009. 301 с.

References

1. Sinyukov V.N., Grigoryev F.A. Pravovaya sistema: voprosi pravorealizatsii: uchebnoe posobie. Saratov: SVS MVD Russii, 1995. S. 94–95.
2. Chronodiscretnoe monogeographicheskoe sravnitelnoe pravovedenie: problemi metodologii / A. A. Demichev, K. A. Demichev, V. A. Ilyukhina [i dr.]; pod red. A. A. Demicheva. M.: RUSAINS, 2021.
3. Bolshakova V. M. Metodologiya chronodiscretnogo monogeographicheskogo sravnitel'nogo pravovedeniya v izuchenii sudebnih preobrazovaniy v Rossiyskoy Inperii i Rossiskoy Federacii // Russiyskiy jurnal pravovih issledovaniy. 2018. № 4. S. 46–50.
4. Actualnie problemi and perspective razvitia nauchnoy shkoli Chronodiscretnogo monogeographicheskogo sravnitel'nogo pravovedeniya: mat-li pervoy Vserossiyskoy nauchnoy conf-cii / pod red. A. A. Demicheva, K. A. Demicheva. Nizhny Novgorod: NIU RANHiGS, 2018.
5. Polojenie ob advokature SSSR: utv. post. SNK SSSR ot 16 Augusta 1939 g. // SP SSSR 1939. № 49. St. 394.
6. Polojenie o prokurorskom nadzore: utverjdено III sessiey Vserossiyskogo Centralnogo Iсполnitelnogo Komiteta IX soziva 28 maya 1922 g. // Constitutiya I constitutionnie acti PSFSR (1918-1937). M., 1940. S. 131–133.
7. Grajdanskiy process: uchebnyk dlya studentov srednih specialnih uchebnih zavedeniy / A. A. Demichev, O. V. Isayenkova, M. V. Karpychev. M.: Forum, 2009. 301 s.

Информация об авторах

T. V. Poleshenkova — кандидат юридических наук, доцент.

A. A. Chesnokov — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

T. V. Poleshenkova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

A. A. Chesnokov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.03.2023; одобрена после рецензирования 26.04.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 31.03.2023; approved after reviewing 26.04.2023; accepted for publication 29.05.2023.

БАЛАНС ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ

Альфир Мисхатович Хужин^{1,2}, Салават Мисхатович Хужин³, Михаил Владимирович Карпычев⁴

¹ Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, alfirhuzhin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8026-2822>

² Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

³ Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия, Нижний Новгород, Россия, salavat888@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5261-191X>

⁴ Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, jurius-nn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3341-734X>

Аннотация. В статье оценивается современный правотворческий процесс под призмой поиска баланса публичного и частного интереса. Особое внимание уделяется процессу внесения изменений и дополнений в действующее законодательство в условиях санкционного давления недружественных стран. Авторы формулируют методологические подходы в понимании и соотношении публичных и частных интересов в современном праве, указывают на проблемы правотворчества в контексте соблюдения баланса публичных и частных интересов на уровне принятия как законов, так и подзаконных нормативных правовых актов. Делаются выводы и предложения по совершенствованию механизма поиска баланса публичного и частного интереса в правотворческой деятельности современной России.

Ключевые слова: баланс, публичный интерес, частный интерес, правотворчество, правовопонимание, законодательство

Для цитирования: Хужин А. М., Хужин С. М., Карпычев М. В. Баланс публичного и частного интереса в современном правотворчестве // Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 27–33.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

THE BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE INTEREST IN MODERN LAW-MAKING

Alfir M. Khuzhin^{1,2}, Salavat M. Khuzhin³, Mikhail V. Karpychev⁴

¹ Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia, alfirhuzhin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8026-2822>

² National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

³ Volga Branch of the Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod, Russia, salavat888@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5261-191X>

⁴ National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, jurius-nn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3341-734X>

Abstract. The article evaluates the modern law-making process under the prism of the search for a balance between public and private interest. Particular attention is paid to the process of making amendments and additions to the current legislation in the face of sanctions pressure from unfriendly countries. The authors formulate methodological approaches in understanding and correlation of public and private interests in modern law, point at the problems of lawmaking in the context of maintaining a balance of public and private interests, at the level of adoption of both laws and subordinate regulatory legal acts. Conclusions and suggestions are made to improve the mechanism for finding a balance of public and private interest in the law-making activities of modern Russia.

Keywords: balance, public interest, private interest, law-making, legal understanding, legislation

For citation: Khuzhin A. M., Khuzhin S. M., Karpychev M. V. The balance of public and private interest in modern law-making. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;2:27–33 (In Russ.).

Изначально определимся, что для нас представляет частный и публичный интерес, его баланс и как он интегрирован в сферу творчества. Если не уходить в глубокие философско-правовые рассуждения о сущности частных и публичных интересов в юриспруденции и оттолкнуться от глубокой мысли русского философа В. С. Соловьева, что само право есть «исторически подвижное определение принудительного равновесия между двумя нравственными интересами: формально нравственным интересом личной свободы и материально нравственным интересом общего блага» [1, с. 547], можно сделать следующие методологические умозаключения.

Первое. Частные и публичные интересы всегда находятся в диалектической взаимосвязи относительно сферы правового регулирования. При этом «частным является интерес, осуществление которого определяется собственной волей субъекта в пределах, установленных тем сообществом, целостным социальным образованием, в которое данный субъект включен. Публичным же будет интерес, осуществляемый по воле данного сообщества» [2, с. 22].

Второе. В зависимости от выбранной сферы общественных отношений частные и публичные интересы могут проявляться по-разному. Если, к примеру, брать за основу всю систему права России, то частный интерес будет отождествляться с плоскостью частного права, с характерными его особенностями предмета и метода регулирования, тогда как публичный интерес будет отображать «полюс» публичного права с вытекающими особенностями императивного метода и государственными охранительными интересами.

В самой сфере частного права также можно структурировать две противоположные, но взаимосвязанные системы координат интересов — частных и публичных. В первом случае такие интересы продиктованы личными интересами отдельных субъектов права, основанные на свободе волеизъявления, тогда как вторые включают механизм обеспечения и защиты интересов публично-правовых образований и групп лиц. В этой связи прав Э. А. Кузбагаров, что в таком понимании публичный интерес воспринимается в «виде круга общественно значимых целей о защите основ конституционного строя, нравствен-

ности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, признаваемый публично-правовым образованием, обеспеченный правом и выгодоприобретателями которых является неопределенный круг лиц». [3, с. 190]. Именно с этих методологических позиций *сфера частного права как источник формирования и реализации частного интереса должна находиться в постоянной динамической соразмерной взаимосвязи с публичным интересом, охраняющим общественно значимые цели государства.*

Третье. Безусловно, «водораздел» между публичными и частными интересами носит условный и взаимопроникающий характер с учетом сложившихся реалий действительности, конвергенции отношений. Однако сама связь публичных и частных интересов находится в состоянии единства и борьбы противоположностей, стремясь к равновесию. *Именно баланс публичных и частных интересов выступает в качестве естественной потребности в идеальной форме правового регулирования.* От того, насколько оперативно и обоснованно право будет реагировать на данное состояние равновесия, зависит его качественное состояние и эффективность всего механизма правового регулирования.

Сам баланс частных и публичных интересов не должен искажаться и восприниматься как сугубый индивидуалистическо-государственный паритет. Публичный интерес выражен как интересами публично-правовых образований, так и интересами и запросами самого общества. В свою очередь, частный интерес не следует смешивать с сугубо индивидуалистическими (партикулярными) интересами отдельных лиц и их групп. Как верно отмечает Л. В. Щенникова, «по большому счету гражданское право — право потребностей, потребностей удовлетворенных, и, главное, удовлетворенных потребностей большинства» [4, с. 40]. В этой связи баланс публичных и частных интересов выступает как равновесная форма сосуществования государства и личности в срезе достижения всеобщего блага и дальнейшего развития.

Четвертое. Как было ранее отмечено, историческая обусловленность государственного развития, его приоритеты и роль в обустройстве общества, экономико-политические процессы и иные факторы требуют постоянной баланси-

ровки публичных и частных интересов с учетом складывающихся реалий. Объективным запросом здесь выступает консенсус публичной власти с обществом в целях достижения так называемого усредненного — общественного интереса, удовлетворяющего большинство его членов. Именно от того, насколько выстроен этот диалог, зависит и сам баланс публичных и частных интересов, его устойчивость и самодостаточность.

Разбалансировка системы публичных и частных интересов непосредственно сказывается на состоянии как права, так и государства. Любой крен в ту или иную плоскость чреват самым существованием такого паритета со всеми вытекающими последствиями. С одной стороны, при расширении границ доминирования частных интересов в праве возрастает вседозволенность, коррупциогенность и искаженность восприятия в общественных отношениях, с другой — при необоснованном усилении публичных интересов страдает инициативность, доверие и свобода волеизъявления отдельных лиц в таких правоотношениях.

Пятое. Баланс публичных и частных интересов не должен восприниматься как постоянный процесс борьбы и взаимного вытеснения. Наоборот, это процесс взаимодействия, диалога, где публичный интерес «слышит» частный интерес. Даже в условиях усиления публичных интересов должен происходить взаимный процесс в условиях предоставления равновесных сил для проявления частного интереса. В связи с этим интересно яркое высказывание В. Д. Зорькина о том, что «баланс публичных и частных интересов предполагает осознанное и открытое отступление из того или иного пункта, с тем, однако, условием, чтобы всегда компенсировать его наступлением с другого плацдарма. Такой баланс есть правовой континуум, в котором в общем и целом ничего не убавляется и не прибавляется, а лишь перетекает из одной формы в другую, без ущерба для общего объема» [5].

Определив установочный методологический базис баланса публичных и частных интересов, перейдем к анализу современного правотворческого процесса в России.

Сразу следует оговориться, что та ситуация, которая возникла в отечественной государственной политико-правовой и экономической сферах на фоне беспрецедентного санкционного давле-

ния недружественных стран, требует, с одной стороны, действенных и моментальных мер по защите суверенных публичных интересов, с другой — предоставления возможностей для альтернативной самореализации частных интересов. Такая ситуация «турбулентности» не является стабильно показательной относительно предмета нашего анализа, однако выступает в качестве наглядного маркера процесса балансировки системы публичных и частных интересов. Наиболее наглядными нормативными правовыми актами, указывающими на процесс балансировки системы частнопубличных отношений, следует считать следующие.

Федеральный закон от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», по своей сути, явился экстренным актом государства в поддержку бизнеса и населения в стране в условиях санкций [6]. В гражданско-правовой сфере эти меры были связаны: с параллельным импортом товаров, предоставлением права ООО и АО снизить стоимость чистых активов ниже размера уставного капитала, предоставлением кредитных каникул, права строительным СРО на выдачу займов участникам за счет средств компенсационного фонда и других антисанкционных мер. Отдельно следует выделить право творческие решения на подзаконном уровне по параллельному импорту отдельных групп иностранных товаров. Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. № 506 [7] был легализован параллельный импорт отдельных оригинальных товаров без согласия правообладателей. Путем введения данных мер публичной власти в кратчайший срок удалось обеспечить внутренний рынок востребованными импортными товарами и стабилизировать цены на них. Такая мера позволила не только динамично среагировать на спрос по отдельной продукции, но и простимулировать частный бизнес на деятельность по альтернативному ввозу и реализации такой продукции.

Особо следует отметить наличие «окна возможностей» по защите национальных интересов Российской Федерации в рамках контрсанкционной деятельности за счет создания правовых барьеров офшорным компаниям и транснациональным корпорациям в отдельных сферах, имеющих критичное значение для национальной

безопасности государства, в частности снижения участия иностранных энергетических компаний в области газо- и нефтедобычи на российских месторождениях. Такое участие стало возможным в рамках действия Федерального закона от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» [8], принятого в совсем других политико-экономических условиях и носящего явно кабальный характер для нашего государства. Формально не отменяя его, были сделаны красивые технико-юридические шаги как на законодательном, так и на подзаконном уровнях.

Так, Федеральным законом от 28 июня 2022 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О недрах"» [9] было закреплено положение о том, что пользователями недр могут быть юридические лица, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации, индивидуальные предприниматели, являющиеся гражданами Российской Федерации, если иное не установлено федеральными законами. Тем самым была исключена ситуация, когда в качестве недропользователя выступала офшорная компания, зарегистрированная где-нибудь на Каймановых островах.

Параллельно был принят Указ Президента РФ от 30 июня 2022 г. № 416 «О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» [10], в соответствии с которым меняется управляющая компания для исполнения Соглашения о разработке Пильгун-Астохского и Лунского месторождений нефти и газа на условиях раздела продукции, заключенного 22 июня 1994 г. (проект Сахалин-2) с «Sakhalin Energy Investment Company Ltd.», инкорпорированной на Бермудских островах, на вновь создаваемое российское общество с ограниченной ответственностью (ООО «Сахалинская Энергия»).

Балансировка публичных и частных интересов происходит в высокотехнологичном секторе. Постановлением Правительства РФ от 27 марта 2023 г. № 486 был принят ряд мер по обеспечению технологического суверенитета страны [11]. Так, производители электроники на российской элементной базе получили преимущество при проведении государственных закупок на данную

продукцию. В настоящее время действует трехуровневый механизм допуска электроники: с приоритетом первого уровня для российской техники, работающей на российских процессорах, второй уровень вводится, если на отечественной технике установлены компоненты иностранного производства, и лишь третий уровень отводится иностранной технике. Данная мера позволяет определять приоритеты в финансировании отечественного производства и приобретении технической продукции со стороны государства и стимулировать частный бизнес в этом процессе, что также свидетельствует о правотворческом выстраивании публичного и частного интересов.

В несколько иной плоскости относительно нашей проблематики можно оценить Указ Президента Российской Федерации от 3 марта 2023 г. № 139 «О некоторых вопросах осуществления деятельности хозяйственных обществ, участвующих в выполнении государственного оборонного заказа» [12]. Данный нормативный правовой акт позволяет при нарушении государственного оборонного заказа приостанавливать права участников (акционеров) хозяйственного общества и полномочия его органов управления и вводить процедуру внешнего управления со стороны государства. Здесь мы наблюдаем отчетливый сигнал органов публичной власти о возможности безапелляционного воздействия, в т. ч. на частный бизнес, в условиях нарушения интересов государства. Такая мера, с одной стороны, показывает «красную линию» публичного интереса, с другой — стимулирует частный интерес проявлять максимальную степень исполнения взятых на себя обязательств. На наш взгляд, *баланс публичных и частных интересов, связанных со стратегическими задачами государства в особых условиях, должен происходить посредством максимального создания финансовых и организационных условий со стороны органов публичной власти с одновременной инициативностью и исполнительностью со стороны представителей частного интереса.*

Отдельно следует подчеркнуть роль Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (далее — Совет), который, являясь экспертным фильтром всех вносимых изменений, руководствуется не сиюминутной и временной потребностью корректировки,

а взвешенной прагматической потребностью стабильности законодательства, в т. ч. в целях сохранения баланса публичных и частных интересов. В этой связи весьма показательной является инициатива Совета по сосредоточению временных мер в Вводном законе, а не в тексте ГК РФ, а также в рекомендациях принятия специальных законов либо подзаконных актов, вводящих особый порядок на определенный период.

Отрицательные заключения на законопроекты в связи с нарушением базиса равенства участников гражданских правоотношений также свидетельствуют о кардинальной роле Совета в сохранении баланса публичных и частных интересов. Так, в экспертном заключении по проекту федерального закона, предлагающего ввести временные особенности применения отдельных положений ГК РФ, регулирующих вопросы прекращения обязательств и ответственности за их нарушение, а также установить основание для неприменения положений ГК РФ о выборе права сторонами договора и положений об определении применимого права при отсутствии соглашения сторон, Совет отмечает следующее: «Предрешая вопрос о применении либо неприменении конкретных норм гражданского права исключительно по субъектному составу, соответствующие положения ведут к нарушению принципа равенства субъектов гражданского оборота (пункт 1 статьи 1 ГК РФ), являются противоречивыми, необоснованно широко описывают круг субъектов, права которых ограничиваются, и ситуации, в которых та или иная норма подлежит или не подлежит применению» [13]. Отстаивание равного положения всех участников гражданского оборота в сложных экономических условиях, в т. ч. требующих отдельных законодательных ограничений, свидетельствует о превалировании частного интереса над публичным и поиске соответствующего баланса.

Другой пример отрицательного заключения Совета связан с проектом, предлагавшим дополнить п. 2 ст. 235 ГК РФ новым подпунктом 10, устанавливающим возможность принудительного изъятия у собственника имущества «в иных случаях, предусмотренных федеральным законом», в целях противодействия в отношении действий «недружественных стран». Совет указал, что наличие такого основания противоречит как принципу неприкосновенности собственности, так и самим поименованным основани-

ям прекращения права собственности. В целях обеспечения публичного интереса в данной сфере экспертами предлагается использовать механизм реторсии, который позволяет «умалить на территории Российской Федерации гражданские права физических и юридических лиц иностранных государств, в том числе путем изъятия у них объектов права собственности, если эти государства допускают аналогичные ущемления по отношению к гражданам Российской Федерации» [14]. Мы видим, что в целях сохранения баланса публичного и частного интересов предлагаются действительно оправданные и действенные меры гражданско-правового регулирования.

Имеется в законотворческой практике последнего периода и обратная ситуация, когда публичный интерес влияет на законодательные инициативы, одобренные Советом. Так, проект федерального закона № 92282-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусматривающий применение к некоторым отношениям гражданского оборота последствий невозможности исполнения обязательства и непреодолимой силы, а также последствий влияния иных внешних по отношению к контрагентам по обязательству обстоятельств, получив одобрение Совета с рекомендацией принятия с замечаниями путем включения в текст Вводного закона в ГК (части первой и четвертой), тем не менее был отозван инициатором ввиду отстаивания публичной властью в лице Министерства финансов РФ. В частности, в данном ведомстве указывалось, что категории «объективно» и «окончательно невозможно» носят неопределенный, оценочный характер и приведут к злоупотреблению правом уже со стороны представителей бизнеса [15]. Указанный пример свидетельствует и об обратном давлении публичного интереса на частный при возникновении неопределенных ситуаций при правореализации.

Таким образом, исходя из анализа отдельных нормативных правовых актов последнего времени, регулирующих отношения в сфере экономического оборота, законотворческой и экспертно-правовой деятельности, можно отметить, что учет сочетания публичных и частных интересов происходит на постоянной динамической основе, носит характер сдержек и противовесов в поисках оптимального их сочетания для реализации общего блага для государства и личности.

Список источников

1. Соловьев В. С. Собрание сочинений. СПб., 1914. Т. 8. 763 с.
2. Першин М. В. Частно-правовой интерес: Понятие, правообразование, реализация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. 35 с.
3. Кузбагаров Э. А. Категория «публичный интерес» в гражданском праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131). С. 186–191.
4. Щенникова Л. В. Гражданско-правовое регулирование: публичные интересы, общие пользы, добрые нравы: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 144 с.
5. Зорькин В. Д. Конституционный контроль в контексте современного правового развития. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=84> (дата обращения: 15.04.2023).
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О соглашениях о разделе продукции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О недрах» [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 218-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 30 июня 2022 г. № 416. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 27.03.2023 № 486. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303300053> (дата обращения: 15.04.2023).
12. О некоторых вопросах осуществления деятельности хозяйственных обществ, участвующих в выполнении государственного оборонного заказа [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 03.03.2023 № 139. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Экспертное заключение по проекту федерального закона «О внесении изменения в Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"». URL: https://privlaw.ru/codification/meetings-of-the-council/?ELEMENT_ID=4961 (дата обращения: 15.04.2023).
14. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 103072-8 «О внесении изменения в статью 235 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и регулировании отдельных правоотношений по принудительному изъятию имущества». URL: https://privlaw.ru/codification/meetings-of-the-council/?ELEMENT_ID=4320 (дата обращения: 15.04.2023).
15. Законопроект № 92282-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (об антисанкционных поправках)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/92282-8> (дата обращения: 15.04.2023).

References

1. Solov'ev V. S. Sbranie sochinenij. SPb., 1914. T. 8. 763 s.
2. Pershin M. V. Chastno-pravovoj interes: Ponyatie, pravoobrazovanie, realizaciya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2004. 35 s.
3. Kuzbagarov E. A. Kategoriya «publichnyj interes» v grazhdanskom prave // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii. 2019. № 6 (131). S. 186–191.

4. Shchennikova L. V. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie: publichnye interesy, obshchie pol'zy, dobrye nrawy: monografiya. M.: Norma: INFRA-M, 2020. 144 s.

5. Zor'kin V. D. Konstitucionnyj kontrol' v kontekste sovremennogo pravovogo razvitiya. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=84> (data obrashcheniya: 15.04.2023).

6. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: federal'nyj zakon ot 8 marta 2022 g. № 46-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

7. O tovarah (gruppah tovarov), v otnoshenii kotoryh ne mogut primenyat'sya otdel'nye polozheniya Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o zashchite iskluchitel'nyh prav na rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti, vyrazhennye v takih tovarah, i sredstva individualizacii, kotorymi takie tovary markirovany [Elektronnyj resurs]: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29 marta 2022 g. № 506. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

8. O soglasheniyah o razdele produkcii [Elektronnyj resurs]: federal'nyj zakon ot 30 dekabrya 1995 g. № 225-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

9. O vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federacii «O nedrah» [Elektronnyj resurs]: federal'nyj zakon ot 28 iyunya 2022 g. № 218-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

10. O primenenii special'nyh ekonomicheskikh mer v toplivno-energeticheskoy sfere v svyazi s nedruzhestvennymi dejstviyami nekotoryh inostrannyh gosudarstv i mezhdunarodnyh organizacij [Elektronnyj resurs]: Ukaz Prezidenta RF ot 30 iyunya 2022 g. № 416. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

11. O vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva Rossijskoj Federacii: postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 27.03.2023 № 486. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303300053> (data obrashcheniya: 15.04.2023).

12. O nekotoryh voprosah osushchestvleniya deyatel'nosti hozyajstvennyh obshchestv, uchastvuyushchih v vypolnenii gosudarstvennogo oboronno go zakaza [Elektronnyj resurs]: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 03.03.2023 № 139. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

13. Ekspertnoe zaklyuchenie po proektu federal'nogo zakona «O vnesenii izmeneniya v Federal'nyj zakon ot 08.03.2022 № 46-FZ "O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii"». URL: https://privlaw.ru/codification/meetings-of-the-council/?ELEMENT_ID=4961 (data obrashcheniya: 15.04.2023).

14. Ekspertnoe zaklyuchenie po proektu federal'nogo zakona № 103072-8 «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 235 chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i regulirovanii otdel'nyh pravootnoshenij po prinuditel'nomu iz'yatiyu imushchestva». URL: https://privlaw.ru/codification/meetings-of-the-council/?ELEMENT_ID=4320 (data obrashcheniya: 15.04.2023).

15. Zakonoproekt № 92282-8 «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii (ob antisankcionnyh popravkah)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/92282-8> (data obrashcheniya: 15.04.2023).

Информация об авторах

А. М. Хужин — доктор юридических наук, доцент.

С. М. Хужин — кандидат юридических наук, доцент.

М. В. Карпычев — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. M. Khuzhin — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

S. M. Khuzhin — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

M. V. Karpuchev — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.03.2023; одобрена после рецензирования 26.04.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 17.03.2023; approved after reviewing 26.04.2023; accepted for publication 29.05.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 34–43.

Altai Law Journal. 2023. № 2 (42). P. 34–43.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 341.23

**ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА,
СВЯЗАННЫЕ С ВЫХОДОМ РОССИИ ИЗ СОВЕТА ЕВРОПЫ¹**

Андрей Евгеньевич Чечётин¹, Иван Дмитриевич Шатохин²

^{1,2} Барнаульский юридический институт МВД России, Россия, Барнаул

¹ achechetin@mail.ru

² sha_to_hin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются правовые проблемы реализации конституционного права на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, возникшие в связи с выходом России из Совета Европы и Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Авторы на основе анализа судебной практики реагирования на решения комитетов ООН о признании нарушений международных норм приходят к выводу о том, что при отсутствии прямых законодательных предписаний о необходимости их исполнения решения Конституционного Суда закладывают определенные предпосылки для этого. Однако эффективность работы механизма реализации рассматриваемой конституционной гарантии во многом будет зависеть от позиции Верховного Суда по оценке юридической силы решений межгосударственных правозащитных органов.

Ключевые слова: Конституция, Конституционный Суд, Верховный Суд, судебная защита, Конвенция о защите прав человека, Европейский Суд, Совет Европы

Для цитирования: Чечётин А. Е., Шатохин И. Д. Проблемы судебной защиты прав человека, связанные с выходом России из Совета Европы // Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 34–43.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

**PROBLEMS OF JUDICIAL PROTECTION OF HUMAN RIGHTS ASSOCIATED
WITH THE WITHDRAWAL OF RUSSIA FROM THE COUNCIL OF EUROPE**

Andrey E. Chechetin¹, Ivan D. Shatokhin²

^{1,2} Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

¹ achechetin@mail.ru

² sha_to_hin@mail.ru

Abstract. The article examines the legal problems of the implementation of the constitutional right to appeal to interstate bodies for the protection of human rights and freedoms that arose in connection with Russia's withdrawal from the Council of Europe and the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. The authors, based on the analysis of judicial practice in responding to decisions of UN Committees on the recognition of violations of international norms, come to the conclusion that in the absence of direct legislative prescriptions on the need for their execution, the decisions of the Constitutional Court engage certain prerequisites for this. However, the effectiveness of the mechanism for implementing the constitutional guarantee under consideration will largely depend on the Supreme Court's position in assessing the legal force of decisions of interstate human rights bodies.

Keywords: Constitution, Constitutional Court, Supreme Court, judicial protection, Human rights Conventions, European Court of Justice, Council of Europe

For citation: Chechetin A. E., Shatokhin I. D. Problems of judicial protection of human rights associated with the withdrawal of Russia from the Council of Europe. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;2:34–43 (In Russ.).

© Чечётин А. Е., Шатохин И. Д., 2023

¹ Данная работа является продолжением ранее опубликованной статьи авторов. См.: Чечётин А. Е., Шатохин И. Д. Россия без ЕСПЧ: новая парадигма защиты прав личности // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 41–47.

Приняв политическое решение о выходе из Совета Европы, очень важно «не выплеснуть с водой ребенка», т. е. не отбросить то подлинное правовое начало жизни общества, которое является главным достижением западной культуры и ее особым вкладом в общецивилизационное развитие человечества [1].

В. Д. Зорькин

Выход России из Совета Европы и денонсация ею международных договоров, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее — Европейская конвенция, Конвенция), без преувеличения стал одним из значимых исторических событий для российского права начала XXI в. Само по себе это политическое решение, если исходить из принципа государственного суверенитета, вполне укладывается в правовые рамки Конституции РФ. Не носит оно и фатального характера, поскольку граждане многих стран, в т. ч. азиатского континента, а также близкой нам Беларуси, тоже не имеют возможности жаловаться в ЕСПЧ, но это не мешает им нормально жить в рамках национальных правовых систем.

На фоне конфликтного разрыва отношений с Советом Европы ушел в тень запущенный конституционной реформой 2020 г. процесс ликвидации конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, которые были упразднены с 1 января 2023 г. Несмотря на более чем скромный вклад в правозащитную функцию государства, они, тем не менее являясь самостоятельным звеном судебной системы России, выполняли определенную роль в механизме судебной защиты прав граждан [2, с. 452]. Думается, что это событие тоже наложило свой, хотя и не столь заметный, отпечаток на затронутую нами тему.

Денонсация Европейской конвенции и уход из-под юрисдикции Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ, Европейский Суд) породили ряд серьезных правовых проблем, связанных с реализацией гарантированного ч. 3 ст. 46 Конституции РФ права каждого на обращение «в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты». Механизм реализации этого права был ориентирован прежде всего

на Европейский Суд, поскольку Россия, ратифицировав Европейскую конвенцию и признав юрисдикцию ЕСПЧ, в своем процессуальном законодательстве предусмотрела порядок пересмотра судебных решений национальных судов на основании его постановлений. И этот механизм в основном исправно работал, позволяя ежегодно переоценивать более полутора сотен вступивших в законную силу судебных актов в связи с решениями ЕСПЧ о нарушении положений Конвенции [3].

В ходе возникшей дискуссии о негативных последствиях выхода из-под юрисдикции ЕСПЧ активные сторонники такого решения ссылались на то, что, кроме ЕСПЧ, существуют иные международные институты, позволяющие его безболезненно заменить [4]. Действительно, содержащееся в конституционной норме понятие «межгосударственные органы по защите прав и свобод человека», как разъяснил в 2018 г. Верховный Суд Российской Федерации (далее — Верховный Суд), помимо ЕСПЧ, включает в себя также международные договорные органы ООН, действующие в сфере защиты прав и свобод человека [5]. К ним в первую очередь относится Комитет ООН по правам человека (далее — КПЧ), который принимает индивидуальные жалобы на нарушение прав, гарантированных Международным пактом о гражданских и политических правах (далее — Пакт). Помимо него, при ООН существуют другие наблюдательные институты: Комитет против пыток, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет по правам ребенка, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет по правам инвалидов.

Несмотря на многообразие правозащитных органов ООН, их участие в механизме реализации положений ч. 3 ст. 46 Конституции РФ вряд ли можно признать существенным. Так, за два десятка лет, по состоянию на 1 января 2023 г.,

Комитет по правам человека принял 102 обращения о нарушении Российской Федерацией прав заявителей, 62 из которых были рассмотрены по существу с выводами о нарушении положений Пакта или их отсутствии [6]. За этот же период Комитет против пыток принял 9 обращений, поданных в отношении Российской Федерации, из которых 3 рассмотрены по существу с констатацией факта нарушения прав [7]. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин — 8 сообщений, в 5 из которых установлены нарушения Российской Федерацией отдельных положений Конвенции [8]. Комитет по ликвидации расовой дискриминации рассмотрел лишь два сообщения в отношении России, которые признаны неприемлемыми [9]. Таким образом, всеми комитетами ООН принято около 70 решений в отношении Российской Федерации о нарушении ею прав заявителей. За этот же период ЕСПЧ вынесено более трех тысяч постановлений в отношении России [4].

Незначительное количество обращений в комитеты ООН в значительной степени связано с неопределенностью юридической силы принимаемых ими решений, которые, в отличие от постановлений ЕСПЧ, носят рекомендательный характер. Если решения ЕСПЧ обязательны для выполнения государствами — участниками Конвенции, иначе следует штраф, то исполнение решения комитетов ООН остается на усмотрение государства. Кроме того, международные договоры не предполагают каких-либо компенсационных выплат заявителям за выявленные нарушения их прав со стороны государства. Видимо, учитывая указанные особенности, российский законодатель не предусмотрел возможности пересмотра судебных решений в отношении лиц, чьи права признаны нарушенными решением квазисудебного межгосударственного органа. Отсюда следует, что комитеты ООН согласно действующему российскому законодательству вряд ли могут рассматриваться в качестве полноценной альтернативы Европейскому Суду в механизме судебной защиты граждан.

В качестве примера этому в нашей первой публикации [10] на рассматриваемую тему упоминалось «Дело Хорошенко», по обращению которого КПЧ признал нарушение его прав и высказал соображение о необходимости повторного судебного разбирательства при соблюдении

всех гарантий справедливого правосудия. После отказа Верховного Суда в пересмотре его приговора на основании Соображений КПЧ последовала жалоба в Конституционный Суд, который в своем определении сформулировал ряд весьма либеральных правовых позиций, расширяющих возможность реализации положений ч. 3 ст. 46 Конституции РФ.

Раскрывая содержание конституционного права на судебную защиту, Конституционный Суд уточнил, что «это не только право на обращение в суд, но и право на эффективное восстановление нарушенных прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости», а «отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт <...> умаляет и ограничивает данное право». Далее Конституционный Суд признал, что «...Международный пакт о гражданских и политических правах (пункт 6 статьи 14), предусматривающий возможность пересмотра окончательных решений судов, <...> закрепляет более широкие возможности для исправления судебных ошибок, чем уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации», а приведенная международно-правовая норма «имеет приоритет перед внутренним законодательством по вопросам защиты прав и свобод, нарушенных в результате судебных ошибок» [11].

С учетом ряда других доводов в этом определении было указано, что «Российская Федерация не вправе уклоняться от адекватного реагирования на Соображения Комитета по правам человека», потому его решение «является достаточным поводом (выделено авт. — А. Ч., И. Ш.) для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств, если выявленные Комитетом нарушения положений Международного пакта о гражданских и политических правах не могут быть исправлены в другом порядке» [11].

Содержащиеся в определении Конституционного Суда правовые позиции содержали предпосылки для прямого применения в отечественном уголовном процессе решений комитетов ООН по аналогии с постановлениями ЕСПЧ в качестве оснований для пересмотра вступивших в силу приговоров. Однако нельзя не отметить, что такое решение поддержали не все судьи и позиция несогласных нашла отражение в Особом мнении

Судьи Конституционного Суда Н. С. Бондаря. В нем отстаивался тезис о неосновательности каких-либо аналогий, касающихся последствий для Российской Федерации решений Европейского Суда по правам человека, с одной стороны, и Комитета ООН — с другой. Такой взгляд привлек немало сторонников в судейской среде, поскольку, несмотря на заданные определением Конституционного Суда по «Делу Хорошенко» ориентиры, его приговор в конце концов так и не был пересмотрен судами общей юрисдикции.

Не менее наглядным примером неэффективности решений комитетов ООН в механизме реализации права на судебную защиту является «Дело Матвеева», рассмотренное в 2013 г. Рабочей группой по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека, которая признала, что лишение свободы заявителя противоречило нормам международного права, и рекомендовала освободить его с предоставлением права на компенсацию. Попытка добиться пересмотра приговора в Президиуме Верховного Суда на основании мнения Рабочей группы, так же как и в предыдущем примере, была безуспешной и привела заявителя в Конституционный Суд, который вновь вынес определение об отказе в принятии его жалобы к рассмотрению, повторив сделанный им ранее по «Делу Хорошенко» вывод о том, что нормы уголовно-процессуального закона «не исключают возобновления ввиду новых обстоятельств производства по уголовному делу в отношении лица, ссылающегося на мнение Рабочей группы по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека» [12]. При этом мотивировочная часть определения была заметно смягчена, на что, видимо, повлияла ранее состоявшаяся по данной теме дискуссия.

В отличие от приведенного выше императивного вывода по «Делу Хорошенко», Конституционный Суд в решении по «Делу Матвеева» отметил, что «принятие Рабочей группой по произвольным задержаниям мнения с просьбой (призывом) к Российской Федерации принять меры по исправлению положения лица... *может стать поводом*, достаточным для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств, *если выявленные нарушения нашли подтверждение...*» (выделено авт. — А. Ч., И. Ш.) [12]. Отсюда следует, что прокурор не обязан, а только

вправе инициировать возобновление производства по уголовному делу и лишь при условии, если он найдет подтверждение выявленным нарушениям. Иными словами, прокурору по существу предлагается проверить обоснованность выводов международного органа, с которыми он может и не согласиться.

Специалист, участвовавший в независимой правовой оценке материалов «Дела Матвеева», по этому поводу с сожалением отмечал, что позиция Конституционного Суда фактически «относит акты международных квазисудебных органов к числу "второсортных"», а «перевод имплементации Мнений Рабочей группы в плоскость прокурорского усмотрения, хотя и не лишает заявителей судебной защиты, снижает уровень предоставленных им российским законодательством процессуальных гарантий и повышает риски неисполнения Мнений» [13, с. 93–107]. Неудивительно, что определение Конституционного Суда по «Делу Матвеева» не дало заявителю никаких дополнительных шансов для исполнения решения Рабочей группы путем пересмотра его приговора. Об этом свидетельствует поступившее в Конституционный Суд через семь лет новое обращение гражданина Матвеева, в котором он потребовал принять меры по обеспечению исполнения вынесенного по его жалобе определения от 9 июня 2015 г. № 1276-О [14]. Таким образом, в уголовном судопроизводстве какой-либо реальной замены постановлениям ЕСПЧ, позволявшим пересматривать приговоры, пока не появилось.

Вместе с тем наше исследование показало, что в отечественной практике гражданского судопроизводства встречаются противоположные примеры оценки юридической значимости решений межгосударственных органов по защите прав и свобод человека, которые вселяют определенную надежду на возможность функционирования механизма реализации положений ч. 3 ст. 46 Конституции РФ после разрыва отношений с ЕСПЧ. В качестве такового выступает «Дело Светланы Медведевой», по которому Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин признал нарушение ее трудовых прав и принял Мнение с рекомендацией в адрес Российской Федерации возместить заявителю понесенный ущерб и обеспечить ей доступ к работам, для выполнения которых она имеет со-

ответствующую квалификацию [15]. Поскольку районный, а вслед за ним областной суды отказались пересмотреть на основании Мнения Комитета ООН прежние судебные решения об отказе в удовлетворении ее исков к работодателю, С. Медведева обратилась в Верховный Суд, который ее доводы поддержал. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда со ссылкой на упомянутую выше правовую позицию Конституционного Суда по «Делу Хорошенко» был сделан вывод, что Мнение Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин по «Делу Светланы Медведевой» обязательно для исполнения Российской Федерацией и может являться новым обстоятельством для пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления [16]. Этим судебным актом прежние судебные решения были отменены, и дело направлено на новое рассмотрение с учетом Мнения Комитета ООН.

Данный пример свидетельствует, что решение Комитета ООН все-таки может быть признано в качестве основания для пересмотра вступившего в силу судебного решения. Однако при этом не следует упускать из виду особенности «Дела Светланы Медведевой», которое, во-первых, привлекло внимание СМИ, а потому его разрешение имело имиджевый характер для Верховного Суда в глазах международных институтов, а также российских граждан; во-вторых, это было гражданское, а не уголовное дело и оно впервые рассматривалось Верховным Судом в кассационном порядке, а потому он не был связан своими прежними выводами; в-третьих, не последнюю роль, полагаем, сыграл здесь и сопровождавший его адвокат, сумевший на основе глубоких знаний международного и конституционного права [13, с. 37–47] выстроить аргументированную правовую позицию, убедившую суд принять решение в пользу заявительницы.

Таким образом, можно констатировать, что правовые позиции Конституционного Суда закладывают определенные предпосылки для функционирования механизма реализации положения ч. 3 ст. 46 Конституции РФ, но эффективность работы этого механизма во многом будет зависеть от позиции Верховного Суда по оценке юридической силы решений межгосударственных органов по защите прав человека. Нельзя

в связи с этим не вспомнить разъяснение Пленума Верховного Суда о том, что неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта [17]. На это разъяснение ссылался и Конституционный Суд в мотивировочной части своего определения по «Делу Хорошенко». Однако разъяснений Верховного Суда 20-летней давности, как мы видим, пока явно недостаточно для изменения судебной практики, а потому с учетом вышеописанных правовых реалий реагирования судов общей юрисдикции на предписания комитетов ООН и их рабочих групп представляется необходимым получить на уровне постановления Пленума Верховного Суда более конкретные разъяснения о практике реагирования на решения таких органов с учетом выхода России из Совета Европы и Европейской конвенции. Тем более что Верховному Суду неизбежно придется пересматривать либо отменять постановления своих Пленумов от 10 октября 2003 г. № 5 и от 27 июня 2013 г. № 21, разъясняющих судебную практику исполнения решений ЕСПЧ.

В юридической прессе по этому поводу было высказано более радикальное предложение о внесении в главу 49 УПК РФ дополнения о признании новыми обстоятельствами установленного межгосударственными органами по правам человека нарушения положений международного права, допущенного судами Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел [18, с. 60–68]. Однако в условиях современной внешнеполитической ситуации реализация такой инициативы представляется маловероятной.

Еще одна отмечавшаяся нами ранее правовая проблема обеспечения судебной защиты прав человека, обусловленная выходом России из Совета Европы, связана с законодательным запретом исполнения Российской Федерацией постановлений Европейского Суда, вступивших в силу после 15 марта 2022 г. [19] — дня подачи официальной заявки России о выходе из Совета Европы. Эта дата затем была подтверждена в Федеральном законе от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы», денонсировавшем 21 международный договор, включая Устав Со-

вета Европы и Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

Однако с такой датировкой разрыва конвенционных отношений не согласился Европейский Суд, который принял решение о своей компетентности продолжать рассматривать жалобы против Российской Федерации в отношении действий, нарушающих положения Конвенции, которые имели место до 16 сентября 2022 г. [20]. Дата прекращения действия Конвенции в отношении России определена ЕСПЧ на основании ч. 1 ст. 58 этого международного акта, согласно которой государство-участник может денонсировать ее, т. е. отказаться от дальнейшего исполнения, лишь по истечении шести месяцев после направления соответствующего уведомления Генеральному секретарю Совета Европы, что было сделано согласно официальному заявлению МИД России 15 марта 2022 г. [21].

Ключевое значение для понимания проблемы, связанной с отказом от выполнения постановлений ЕСПЧ, имеет ч. 2 указанной статьи, согласно которой денонсация не освобождает государство от его обязательств по Конвенции «в отношении любого действия, которое могло явиться нарушением таких обязательств и могло быть совершено ею до даты вступления денонсации в силу» [22] (выделено авт. — А. Ч., И. Ш.). Иными словами, даже если считать датой прекращения действия Конвенции 15 марта 2022 г., как решил законодатель, то Россия не освобождается от обязательства исполнения постановлений ЕСПЧ по жалобам на действия, нарушившие права человека, имевшим место до указанной даты. Свое согласие на выполнение этого обязательства, в т. ч. после прекращения действия Конвенции, наша страна дала при ее ратификации, а потому, по мнению специалистов по европейскому праву, она не может от него избавиться «задним числом» путем принятия федерального закона [23].

Принятое Европейским Судом решение означает, что он будет не только продолжать рассмотрение всех ранее зарегистрированных жалоб, которых накопилось около 18 тысяч, но и принимать новые обращения на факты нарушений конвенционных прав, имевших место до 16 сентября 2022 г. По подсчетам специалистов, такие обращения могут поступать весь 2023 год, а их рассмотрение ЕСПЧ сможет завершиться не ранее конца текущего десятилетия [24]. В прини-

маемых же в настоящее время решениях включается напоминание, что даже если государство перестало быть стороной Европейской конвенции, оно в соответствии с ч. 2 ст. 58 этого международного договора не освобождается от обязательств по Конвенции в отношении действий, совершенных им до момента выхода из нее [25].

В то же время нельзя не отметить, что после выхода России из-под юрисдикции ЕСПЧ процедура рассмотрения поступающих к нему обращений утратила священный для европейских судей принцип состязательности, поскольку российские власти не дают своих пояснений и опровержений по сути жалоб, а с 16 сентября 2022 г. в процессах отсутствует представитель государства-ответчика. С учетом этого обстоятельства легитимность решений ЕСПЧ с позиций принятых им самим стандартов справедливого правосудия, по оценкам специалистов, вызывает серьезные сомнения, [24] что, в свою очередь, может дать юридический повод для обоснованного отказа от их исполнения российской стороной без нарушения норм международного права.

Одним из возможных путей разрешения указанной проблемы могло бы стать вмешательство в сложившуюся ситуацию Конституционного Суда путем рассмотрения жалоб граждан на федеральные законы от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ и № 183-ФЗ, запрещающие исполнять постановления Европейского Суда и порождающие, по убеждению адвокатского сообщества, неопределенность в вопросе об их соответствии Конституции РФ [26]. Наше исследование показало, что жалобы на эти законы уже начали поступать в Конституционный Суд, который за первые девять месяцев действия законов вынес по ним пока четыре определения, два из которых не представляют большого интереса для правоведов. В то же время мотивировочные части двух других его решений не могут не привлечь внимания исследователей рассматриваемой проблемы.

Поводом для обращений в Конституционный Суд обоих заявителей стали уведомления судей Верховного Суда об отсутствии оснований для возобновления производства по их уголовным делам ввиду новых обстоятельств, поскольку решения ЕСПЧ, на которые они ссылались, приняты после 15 марта 2022 г. Заявители просили признать не соответствующими статьям 15 (часть 4), 46 (часть 3) и 55 (часть 2) Конституции РФ статьи 1 и 2 Федерального закона от 11 июня

2022 г. № 180-ФЗ, поскольку они воспрепятствовали исполнению решений Европейского Суда, принятых после 15 марта 2022 г. Как известно, ст. 15 Конституции РФ закрепляет приоритет правил международного договора, а не федеральных законов, что имеет непосредственное отношение к упомянутой выше ч. 2 ст. 58 Конвенции, согласно которой денонсация не освобождает государство от взятых на себя обязательств. В свою очередь, ч. 2 ст. 55 Конституции РФ запрещает издавать законы, отменяющие или умаляющие права граждан, а оспариваемые в жалобах нормы лишили заявителей права на исполнение вынесенного в их пользу решения межгосударственного органа.

В определениях об отказе в принятии жалоб к рассмотрению Конституционный Суд, к сожалению, никак не мотивировал свои решения, ограничившись ссылкой на то, что принятие оспариваемого закона обусловлено прекращением членства Российской Федерации в Совете Европы, а потому федеральный законодатель не вышел за пределы своих полномочий [27]. Сравнительно-правовой анализ этих судебных актов показывает, что обычные «отказные определения» Конституционного Суда в подавляющем большинстве случаев аргументируются обстоятельствами, содержащими ответ на вопрос, почему оспариваемая норма не может расцениваться в качестве нарушающей конституционные права заявителя. Здесь же такого ответа не содержится, что дает заявителям повод расценить это как уклонение от поставленного ими вопроса. Более того, Конституционный Суд рискует получить упрек в невыполнении собственных правовых позиций об обязательной мотивированности любых судебных решений. По этому поводу оста-

ется лишь предположить, что указанные особенности анализируемых определений обусловлены отчасти отсутствием внятной правовой позиции самих заявителей, не сумевших обосновать нарушение своих прав, а отчасти отсутствием достаточной судебной практики, позволяющей делать обобщенные выводы по поставленной ими проблеме. Думается, что дискуссия о конституционности федеральных законов № 180-ФЗ и № 183-ФЗ в юридическом сообществе не завершится до тех пор, пока Конституционный Суд, получив более обоснованное обращение, позволяющее принять его к рассмотрению, не вынесет по нему постановления с внятной и аргументированной правовой позицией по этому вопросу, отвечающей стандартам конституционного правосудия.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что механизм реализации конституционного права граждан на обращение в межгосударственные органы подвергся существенному демонтажу в связи с выходом России из Совета Европы. Это обстоятельство с неизбежностью порождает риски обострения правовых конфликтов государства с гражданами, чьи права оказались незащищенными национальной судебной системой. В этих условиях представляется необходимым, с одной стороны, поднимать правовой статус решений международных правозащитных институтов, признаваемых российской стороной, а с другой — совершенствовать работу отечественного правосудия, чтобы, как отмечал Председатель Конституционного Суда, все вопросы, которые некогда заставляли наших граждан обращаться в ЕСПЧ, могли найти свое полное и окончательное разрешение в рамках российской судебной системы [28].

Список источников

1. Зорькин В. Д. Право России: альтернативы и риски в условиях глобальной кризисности. Лекция на Петербургском международном юридическом форуме (Санкт-Петербург, 29 июня 2022 г.). URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/default.aspx> (дата обращения: 07.12.2022).
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.
3. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2021 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел. URL: <https://vsrf.ru/documents/statistics/30794/> (дата обращения: 17.03.2023).
4. Яшина В. Десять месяцев спустя: как Россия живет без ЕСПЧ. URL: <https://pravo.ru/story/244313/> (дата обращения: 13.01.2023).
5. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1 (2018). URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/27226/ (дата обращения: 17.03.2023).

6. Обзор практики Комитета ООН по правам человека по рассмотрению индивидуальных сообщений, поданных в отношении Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/32003/ (дата обращения: 17.03.2023).

7. Обзор практики Комитета ООН против пыток по рассмотрению индивидуальных сообщений, поданных в отношении Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/32006/ (дата обращения: 17.03.2023).

8. Обзор практики Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин по рассмотрению индивидуальных сообщений, в том числе поданных в отношении Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/32216/ (дата обращения: 17.03.2023).

9. Обзор практики Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений. URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/32236/ (дата обращения: 17.03.2023).

10. Чечетин А. Е., Шатохин И. Д. Россия без ЕСПЧ: новая парадигма защиты прав личности // Алтайский юридический вестник. № 4 (40). 2022. С. 41–47.

11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 1248-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2015 г. № 1276-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Вайпан Г. В. Исполнять нельзя игнорировать: о юридическом значении Мнений Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям для российского правопорядка // Международное правосудие. 2015. № 3.

14. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2021 г. № 3017-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 июля 2017 г. № 46-КГ17-24 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Иванов А. В. Использование принципа *pacta sunt servanda* при защите прав и свобод человека // Адвокат. 2016. № 9 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»: федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/68648> (дата обращения: 15.01.2023).

20. Информация Европейского Суда по правам человека от 16 сентября 2022 г. «Российская Федерация перестает быть участником Европейской конвенции о правах человека». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405205651/?ysclid=1ben013jfn441600507> (дата обращения: 07.12.2022).

21. Заявление МИД России о запуске процедуры выхода из Совета Европы. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379/ (дата обращения: 20.02.2023).

22. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 года) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. Анищик О. О. Решения ЕСПЧ не будут исполняться в РФ: Законопроект. URL: <https://europeancourt.ru/2022/05/17/36465/> (дата обращения: 07.12.2022).

24. Исполинов А. Долгие проводы: последствия выхода России из Совета Европы. URL: https://zakon.ru/blog/2022/03/28/dolgie_provody_posledstviya_vyhoda_rossii_iz_soveta_evropy_zaskobkami_iz_vto_i_g20?ysclid=lc64cgqebh504390048 (дата обращения: 07.12.2022).

25. Пименова С. ЕСПЧ о жалобах российских заявителей. URL: https://zakon.ru/blog/2023/3/10/espch_o_zhalobah_rossijskih_zayavitelej_abhazii_i_kompensacii_zatrat_na_advokatov (дата обращения: 16.03.2023).
26. Охотин С. Замена ЕСПЧ: альтернативные средства защиты прав россиян. URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/zamena-espch-alternativnye-sredstva-zashchity-prav-rossiyan/> (дата обращения: 07.12.2022).
27. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2022 г. № 3565-О и от 31 января 2023 г. № 23-О. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 21.03.2023).
28. Зорькин В. Д. Судебная власть перед вызовами времени. Тезисы доклада на X Съезде судей (Москва, 29 ноября 2022 г.). URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/default.aspx> (дата обращения: 07.12.2022).

References

1. Zor'kin V. D. Pravo Rossii: al'ternativy i riski v usloviyah global'noj krizisnosti. Lekciya na Peterburgskom mezhdunarodnom yuridicheskom forume (Sankt-Peterburg, 29 iyunya 2022 g.). URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/default.aspx> (data obrashcheniya: 07.12.2022).
2. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii / pod red. V. D. Zor'kina. 3-e izd., peresmotr. M.: Norma: INFRA-M, 2013.
3. Obzor statisticheskikh dannyh o rassmotrenii v Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii v 2021 godu administrativnyh, grazhdanskikh del, del po razresheniyu ekonomicheskikh sporov, del ob administrativnyh pravonarusheniyah i ugovolnyh del. URL: <https://vsrf.ru/documents/statistics/30794/> (data obrashcheniya: 17.03.2023).
4. Yashina V. Desyat' mesyacev spustya: kak Rossiya zhivet bez ESPCh. URL: <https://pravo.ru/story/244313/> (data obrashcheniya: 13.01.2023).
5. Obzor praktiki mezhdunarodnykh organov po zashchite prav i osnovnyh svobod cheloveka № 1 (2018). URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/27226/ (data obrashcheniya: 17.03.2023).
6. Obzor praktiki Komiteta OON po pravam cheloveka po rassmotreniyu individual'nyh soobshchenij, podannyh v otnoshenii Rossijskoj Federacii. URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/32003/ (data obrashcheniya: 17.03.2023).
7. Obzor praktiki Komiteta OON protiv pytok po rassmotreniyu individual'nyh soobshchenij, podannyh v otnoshenii Rossijskoj Federacii. URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/32006/ (data obrashcheniya: 17.03.2023).
8. Obzor praktiki Komiteta OON po likvidacii diskriminacii v otnoshenii zhenshchin po rassmotreniyu individual'nyh soobshchenij, v tom chisle podannyh v otnoshenii Rossijskoj Federacii. URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/32216/ (data obrashcheniya: 17.03.2023).
9. Obzor praktiki Komiteta OON po likvidacii rasovoj diskriminacii, svyazannoj s rassmotreniem individual'nyh soobshchenij. URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/32236/ (data obrashcheniya: 17.03.2023).
10. Chechetin A. E., Shatohin I. D. Rossiya bez ESPCh: novaya paradigma zashchity prav lichnosti // Altajskij yuridicheskij vestnik. № 4 (40). 2022. S. 41–47.
11. Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 28 iyunya 2012 g. № 1248-О [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
12. Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 9 iyunya 2015 g. № 1276-О [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
13. Vajpan G. V. Ispolnyat' nel'zya ignorirovat': o yuridicheskom znachenii Mnenij Rabochej grupy OON po proizvol'nym zaderzhaniyam dlya rossijskogo pravoporyadka // Mezhdunarodnoe pravosudie. 2015. № 3.
14. Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 21 noyabrya 2021 g. № 3017-О [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
15. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 2 (2016) (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 06.07.2016) [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

16. Opređenje Sudebnoj kolegii po graždanskim delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24 iyulya 2017 g. № 46-KG17-24 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
17. O primenenii sudami obshchej yurisdikcii obshchepriznannyh principov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh dogovorov Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 10 oktyabrya 2003 g. № 5. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
18. Ivanov A. V. Ispol'zovanie principa pacta sunt servanda pri zashchite prav i svobod cheloveka // Advokat. 2016. № 9 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
19. O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii», Federal'nyj zakon ot 11 iyunya 2022 g. № 183-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu otdel'nyh polozhenij zakonodatel'nyh aktov Rossijskoj Federacii»: federal'nyj zakon ot 11 iyunya 2022 g. № 180-FZ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/68648> (data obrashcheniya: 15.01.2023).
20. Informaciya Evropejskogo Suda po pravam cheloveka ot 16 sentyabrya 2022 g. «Rossijskaya Federaciya perestaet byt' uchastnikom Evropejskoj konvencii o pravah cheloveka». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405205651/?ysclid=lben013jfn441600507> (data obrashcheniya: 07.12.2022).
21. Zayavlenie MID Rossii o zapuske procedury vyhoda iz Soveta Evropy. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1804379/ (data obrashcheniya: 20.02.2023).
22. Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod (Rim, 4 noyabrya 1950 goda) [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
23. Anishchik O. O. Resheniya ESPCh ne budut ispolnyat'sya v RF: Zakonoproekt. URL: <https://europeancourt.ru/2022/05/17/36465/> (data obrashcheniya: 07.12.2022).
24. Ispolinov A. Dolgie provody: posledstviya vyhoda Rossii iz Soveta Evropy. URL: https://zakon.ru/blog/2022/03/28/dolgie_provody_posledstviya_vyhoda_rossii_iz_soveta_evropy_za_skobkami_iz_vto_i_g20?ysclid=lc64cgqebh504390048 (data obrashcheniya: 07.12.2022).
25. Pimenova S. ESPCh o zhalobah rossijskih zayavitelej. URL: https://zakon.ru/blog/2023/3/10/espch_o_zhalobah_rossijskih_zayavitelej_abhazii_i_kompensacii_zatrat_na_advokatov (data obrashcheniya: 16.03.2023).
26. Ohotin S. Zamena ESPCh: al'ternativnye sredstva zashchity prav rossiyan. URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advice/zamena-espch-alternativnye-sredstva-zashchity-prav-rossiyan/> (data obrashcheniya: 07.12.2022).
27. Opređeniya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27 dekabrya 2022 g. № 3565-O i ot 31 yanvarya 2023 g. № 23-O. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (data obrashcheniya: 21.03.2023).
28. Zor'kin V. D. Sudebnaya vlast' pered vyzovami vremeni. Tezisy doklada na H S"ezde sudej (Moskva, 29 noyabrya 2022 g.). URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/default.aspx> (data obrashcheniya: 07.12.2022).

Информация об авторах

А. Е. Чечётин — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

И. Д. Шатохин — кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. E. Chechetin — Doctor of Science (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

I. D. Shatokhin — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 16.03.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 16.03.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 29.05.2023.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 44–51.

Altai Law Journal. 2023. № 2 (42). P. 44–51.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.951:351.82

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КОНТРОЛЕРОВ-РАСПОРЯДИТЕЛЕЙ

Александр Геннадьевич Бачурин¹, Иван Иванович Самсонов²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, vooky22@yandex.ru

² Центр спортивной подготовки сборных команд Алтайского края, Алтайский институт труда и права (филиал) ОУП ВО «АТиСО», Барнаул, Россия, sii2009@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются требования, предъявляемые к контролерам-распорядителям, изучаются различия между частной охранной деятельностью и деятельностью контролеров-распорядителей. Сравниваются права и обязанности частных охранников и контролеров-распорядителей. Затрагиваются вопросы административной ответственности за нарушение правопорядка и безопасности на спортивных мероприятиях. Раскрываются порядок и содержание программ специальной подготовки контролеров-распорядителей и профессионального обучения частных охранников. Предлагаются новеллы в действующие нормативные правовые акты.

Ключевые слова: контролер-распорядитель, общественная безопасность, общественный порядок, организаторы спортивных мероприятий, собственники (пользователи) объектов спорта, специальная подготовка, спорт, спортивные соревнования, частный охранник, частная охранная организация

Для цитирования: Бачурин А. Г., Самсонов И. И. Административно-правовое регулирование отдельных аспектов специальной подготовки контролеров-распорядителей // Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 44–51.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF CERTAIN ASPECTS OF SPECIAL TRAINING OF MANAGING CONTROLLERS

Alexander G. Bachurin¹, Ivan I. Samsonov²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, vooky22@yandex.ru

² Sports training center for national teams of the Altai Territory, Altai Institute of Labor and rights (branch) OUP VO «АТиСО», Barnaul, Russia, sii2009@yandex.ru

Abstract. The article discusses the requirements for managing controllers, examines the difference between private security activities and the activities of managing controllers. The rights and obligations of private security guards and managing controllers are compared. The issues of administrative responsibility for violation of law and order and security at sports events are touched upon. The procedure and content of special training programs for controllers and vocational training of private security guards are disclosed. The work suggests novelties to the current regulatory legal acts.

Keywords: managing controller, public security, public order, organizers of sports events, owners (users) of sports facilities, special training, sports, sports competitions, private security guard, private security organization

For citation: Bachurin A. G., Samsonov I. I. Of administrative and legal regulation of certain aspects of special training of managing controllers. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2023;2:44–51 (In Russ.).

© Бачурин А. Г., Самсонов И. И., 2023

Спорт — это важная сфера общественной жизни нашей страны. Миллионы наших сограждан регулярно занимаются спортом, активно участвуя в различного рода спортивных мероприятиях. Так, по итогам 2022 г. в Российской Федерации было проведено более 9000 соревнований, 700 из которых международного уровня, 3800 всероссийских, 2200 региональных [1].

Соответственно, на сегодняшний день не требует доказательств актуальность вопросов обеспечения общественного порядка и безопасности при проведении официальных физкультурных и спортивных соревнований (далее — соревнований). Согласимся с мнением Е. А. Пулова, который констатировал, что разработка и реализация комплекса эффективных мер, направленных на предупреждение и противодействие противоправным деяниям на спортивных мероприятиях, являются сегодня одной из главных задач государства [2, с. 22].

Решается данная задача в том числе посредством соответствующей правовой регламентации. Так, в 2013 г. путем принятия федерального закона внесены значительные изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с обеспечением общественного порядка и общественной безопасности при проведении официальных спортивных соревнований [3].

Данные изменения направлены на повышение роли организаторов физкультурных мероприятий и спортивных соревнований, в т. ч. регулятора общественных отношений в физической культуре и спорте (далее — ФКиС) в части решения вопросов обеспечения безопасности организации и проведения официальных физкультурных и спортивных соревнований. Это обусловлено необходимостью обеспечения профилактики хулиганского поведения зрителей, устранения террористических угроз, иных нарушений общественного порядка в ФКиС.

Новеллами закона стало следующее:

- наделение организаторов физкультурных или спортивных мероприятий, а также собственников спортивных объектов обязанностями по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности;

- установление ответственности за нарушение правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований;

- определение ответственности зрителей;
- закрепление того, что для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении официальных спортивных соревнований организаторы таких соревнований и (или) собственники, пользователи объектов спорта могут привлекать контролеров-распорядителей.

Итак, во-первых, порядок обеспечения организаторами соревнований общественного порядка и общественной безопасности при их проведении установлен постановлением Правительства Российской Федерации [4]. Данный порядок предусматривает:

- наличие определенных требований к инфраструктуре безопасности мест проведения соревнований. Данные требования прописаны в приказе МВД России [5];

- детализацию алгоритмов обеспечения общественного порядка и общественной безопасности в соответствии с инструкцией и планом мероприятий. Типовая инструкция и план приведены в приказе Минспорта России [6];

- закрепление прав и обязанностей собственников (пользователей) объектов спорта;

- закрепление прав и обязанностей организатора соревнований;

- определенные особенности обеспечения безопасности проведения соревнований на отдельных территориях.

Во-вторых, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях закреплена статья 20.32 «Нарушение правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований».

В-третьих, указано, что нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований — это административно наказуемое деяние, предусмотренное ст. 20.31 КоАП РФ. Указанные правила утверждены постановлением Правительства РФ [7].

Юридическая ответственность организаторов, собственников (пользователей) объектов спорта, а также зрителей применяется за нарушения, совершенные исключительно на официальных спортивных соревнованиях, т. е. включенных в Единый календарный план межрегиональных, всероссийских и международных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий, календарные планы физкультурных мероприятий

и спортивных мероприятий субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (далее — План). Данный план формируется Министерством спорта Российской Федерации [1].

В-четвертых, появился такой новый субъект обеспечения общественного порядка и общественной безопасности на спортивных мероприятиях, как контролер-распорядитель. Контролер-распорядитель — это физическое лицо, которое на договорной основе привлекается для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении официального спортивного соревнования. Практика задействования контролеров-распорядителей (стюардов) — это общемировая тенденция. Впервые профессия стюарда появилась в английской футбольной премьер-лиге после трагедии на стадионе «Хиллсборо», в которой погибло 96 человек. Именно тогда в Великобритании были пересмотрены стандарты безопасности на стадионах. Согласно данным стандартам безопасностью на стадионах, кроме полиции, должны заниматься специально профессионально подготовленные люди. В настоящее время это закреплено на международном уровне в Регламенте ФИФА по охране правопорядка и обеспечению безопасности стадионов [8].

Контролер-распорядитель, согласно общемировой практике, а также положениям российских нормативных правовых актов, должен соответствовать определенным требованиям. К ним относятся:

1. Возраст не моложе 18 лет.
2. Наличие российского гражданства.
3. Отсутствие судимости.
4. Отсутствие хронических заболеваний, препятствующих деятельности, в т. ч. хронический алкоголизм и наркомания.
5. Прохождение специальной подготовки.

Приказом Минспорта России утверждены требования к содержанию программы специ-

альной подготовки контролеров-распорядителей (далее — Программа) [9]. Данная программа предполагает прохождение теоретической подготовки. Теоретическая подготовка включает в себя изучение собственных прав и обязанностей; нормативной правовой регламентации обеспечения безопасности и общественного порядка при проведении официальных спортивных соревнований; административной ответственности за совершение правонарушений на спортивных мероприятиях; правил обеспечения безопасности и поведения зрителей. Проводится определенная психологическая подготовка с изучением особенностей поведения зрителей на соревнованиях. Даются азы первой медицинской помощи и противопожарной безопасности. Доводятся алгоритмы взаимодействия с сотрудниками правоохранительных органов. Программа реализуется в течение 24 учебных часов. По окончании обучения и после прохождения итоговой аттестации гражданам в течение 10 дней выдается удостоверение контролера-распорядителя установленного образца [10].

Обучать по программе специальной подготовки контролеров-распорядителей вправе общероссийские и региональные спортивные федерации, профессиональные спортивные лиги, а также иные организации, действующие на основании договора с какой-либо общероссийской спортивной федерацией.

Однако маркетинговый анализ организаций, осуществляющих специальную подготовку контролеров-распорядителей, в поисковой системе «Яндекс» (первая страница на десктопе) по запросу «обучиться на контролера-распорядителя» позволяет сделать вывод, что из выявленного списка организаций всего две имеют договоры с какой-либо общероссийской спортивной федерацией на специальную подготовку контролеров-распорядителей (таблица 1).

Таблица 1

Маркетинговый анализ организаций, реализующих услуги дополнительного профессионального образования, в поисковой системе «Яндекс» (первая страница на десктопе) по запросу «обучиться на контролера-распорядителя»

№ п/п	Наименование образовательной организации. Адрес организации в сети Интернет	Замечания
1	Учебный центр «Перспектива». URL: http://b2c.perspekt174.ru/education/professional-education/rabochie-spetsialnosti/kontroler-rasporjaditel/	Информации о наличии договора с общероссийской федерацией о делегировании прав на реализацию данной программы на официальном сайте нет.

№ п/п	Наименование образовательной организации. Адрес организации в сети Интернет	Замечания
2	Учебный центр профессионального образования «Купол». URL: https://kupol24.ru/omsk/study/kontroler-rasporyaditel/	Информации о наличии договора с общероссийской федерацией о делегировании прав на реализацию данной программы на официальном сайте нет.
3	Центр сертификации «Сертификат-М». URL: https://sertifika.ru/omsk/kontroler-rasporyaditel/	Информации о наличии договора с общероссийской федерацией о делегировании прав на реализацию данной программы на официальном сайте нет.
4	Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение Тюменской области «Тюменский колледж производственных и социальных технологий». URL: https://tkpst.ru/dpo/paid/kontroler-rasporyaditel/	Информации о наличии договора с общероссийской федерацией о делегировании прав на реализацию данной программы на официальном сайте нет.
5	Академия Дистанционного Образования. URL: https://ooo-ado.ru/eb-courses/контролер-распределитель-на-различн/	Информации о наличии договора с общероссийской федерацией о делегировании прав на реализацию данной программы на официальном сайте нет.
6	ЧУДПОУЦСП «Славяне». URL: https://slavyanin.ru/?page_id=967	На официальном сайте указано, что в настоящее время заключен договор между Общероссийской спортивной федерацией рукопашного боя и НОУ «Учебный центр специальной подготовки "Славяне"».
7	АНО ДПО «Сибирский корпоративный университет». URL: https://sib-univer.ru/distantionnye-programmy/kursy-povysheniya-kvalifikatsii/podgotovka-kontrolerov-rasporyaditelej/	На официальном сайте указано, что в настоящее время заключен договор между Общероссийской спортивной федерацией по спортивному ориентированию и АНО ДПО «Сибирский корпоративный университет».

Таким образом, исходя из положений норм права, деятельность иных организаций, не имеющих договоров, но осуществляющих специальную подготовку контролеров-распорядителей, не соответствует установленным требованиям.

По нашему мнению, подготовка контролеров-распорядителей должна быть направлена на получение определенных навыков и умений, позволяющих осуществлять профессиональную деятельность (профессиональный стандарт) [11]. Вполне логично, что подготовка к профессиональной деятельности должна осуществляться в рамках профессионального обучения, т. е. образования, формирующего компетенции, необходимые для выполнения определенных трудовых или служебных функций. Прямая аналогия здесь — это профессиональное обучение частных охранников [12]. Считаем, что деятельность контролеров-распорядителей, связанная с охраной общественного порядка и безопасности на конкретном объекте, во многом идентична деятельности частных охранников. Это можно подтвердить исходя из анализа правового статуса частных охранников и контролеров-рас-

порядителей. Так, к услугам, предоставляемым частными охранниками, относится обеспечение порядка в местах проведения массовых мероприятий. В свою очередь, контролер-распорядитель имеет право принимать необходимые меры по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности при проведении официальных спортивных соревнований, а также меры по пресечению неправомерных действий зрителей.

Кроме того, в судебной практике [13, 14, 15, 16, 17, 18], например в решениях арбитражных судов Нижегородской области, Дальневосточного округа, Сахалинской области, рассматривались ситуации, связанные с конкурсными процедурами на выбор организаций, оказывающих охранные услуги на объектах спорта. Однако следует отметить, что в приведенных выше судебных решениях указывалось на отсутствие тождества между сферами деятельности частных охранников и контролеров-распорядителей. Рассмотрим это более подробно.

Истцы, частные охранные организации, отстаивали свое право на оказание услуг, т. к. соответ-

ствуют конкурсным требованиям, имеют в своем штате сотрудников, имеющих удостоверения охранника и компетенция частных охранников идентична и даже превосходит компетенцию контролеров-распорядителей. Ответчики, собственники объектов спорта, не соглашались с подобными требованиями. С одной стороны, это оправданно, т. к. частные охранники в ходе своей подготовки проходят следующие дисциплины:

- правовая подготовка;
- тактико-специальная подготовка;
- техническая подготовка;
- психологическая подготовка;
- использование специальных средств;
- оказание первой помощи;
- специальная физическая подготовка;
- противодействие терроризму.

Подготовка частных охранников определено более разносторонняя и позволяет получать больший объем профессиональных компетенций. Кроме того, данное профессиональное обучение осуществляется в образовательных организациях, имеющих соответствующую лицензию. Такие организации должны соответствовать лицензионным требованиям, их деятельность контролируется лицензирующим органом. Разберем направления деятельности подобной организации на примере частного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Профи-Центр» (ЧОУ ДПО «Профи-центр») [19]. ЧОУ ДПО «Профи-Центр» обладает материально-технической базой, кадровым составом, соответствующими установленным требованиям, и предлагает следующие образовательные услуги:

- подготовка частных охранников;
- повышение квалификации частных охранников;
- повышение квалификации руководителей частных охранных организаций;
- подготовка работников военизированных подразделений ФГУП «Охрана МВД России»;
- безопасное владение оружием.

Всего в г. Барнауле находится пять лицензированных образовательных организаций, осуществляющих функции по обучению частных охранников: «Факультет», «Охранник б», «Профи-центр», «Динамо-центр». Все они предлагают идентичные образовательные услуги, среди которых, однако, нет специальной подго-

товки контролеров-распорядителей. Подготовка контролеров-распорядителей имеет определенную специфику по изучаемым дисциплинам, например это правовая регламентация вопросов обеспечения общественного порядка и безопасности на спортивных мероприятиях, психология толпы, методы профайлинга и т. д. Соответственно, для получения удостоверения контролера-распорядителя частный охранник должен пройти специальную подготовку, но в «сторонних» организациях, не имеющих отношения к подготовке охранников, что не совсем оправданно. Такая подготовка, по нашему мнению, не отвечает принципу профессионализма и должна быть пересмотрена. Например, это возможно при повышении квалификации частных охранников в образовательных учреждениях дополнительного профессионального образования. Для этого необходимо дополнить типовую программу профессионального обучения для работы в качестве частных охранников дисциплиной «Деятельность контролера-распорядителя».

Также считаем необходимым пересмотреть требования к подготовке контролеров-распорядителей, изменив её на профессиональное обучение. Это создаст правовую основу для привлечения квалифицированных лиц из числа профессорско-преподавательского состава, в т. ч. из образовательных организаций, находящихся в ведомственном подчинении МВД России. Например, подготовку контролеров-распорядителей можно организовать на базе региональных училищ олимпийского резерва, имеющих статус государственных бюджетных профессиональных образовательных учреждений.

Кроме того, понятие «контролер-распорядитель» должно быть включено и в правовое поле закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» путем его закрепления в статье 1.1 «Основные понятия» в следующей редакции: контролер-распорядитель — сотрудник частной охранной организации, прошедший профессиональное обучение и привлеченный для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении официального спортивного мероприятия.

Однако нельзя забывать, что в условиях серьезного дефицита региональных и местных бюджетов организаторы физкультурных меро-

приятый и спортивных соревнований не всегда имеют возможность задействовать должное число квалифицированных частных охранников, в т. ч. прошедших специальную подготовку контролеров-распорядителей. Полагаем, что в перспективе необходимо разработать четкую, ясную и понятную классификацию контролеров-распорядителей, зависящую от значимости мероприятия, особенностей объекта спорта, ожидаемой массовости участников и зрителей и т. п.

Подводя итог, отметим, что в настоящее время прослеживаются определенные правовые

пробелы в законодательстве о порядке охраны общественного порядка и общественной безопасности на спортивных мероприятиях, в т. ч. касающиеся статуса таких субъектов, как контролеры-распорядители, их специальной подготовки. Соответственно, нормы права, действующие в изучаемой сфере, нуждаются в совершенствовании и уточнении. Совершенно очевидно, что понятие «контролер-распорядитель» должно быть соотнесено с частной охранной деятельностью, с содержанием программ профессионального обучения.

Список источников

1. Официальный сайт Министерства спорта Российской Федерации. URL: http://minsport.gov.ru/2023/doc/18012023/%D0%95%D0%9A%D0%9F%202023_20.01.23.pdf (дата обращения: 31.01.2023).

2. Пулов Е. А. Обеспечение правопорядка при проведении спортивных и физкультурно-массовых мероприятий // Спорт: экономика, право, управление. 2013. № 2. С. 21–24.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с обеспечением общественного порядка и общественной безопасности при проведении официальных спортивных соревнований [Электронный ресурс]: федеральный закон от 23.07.2013 № 192-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 18.04.2014 № 353. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об утверждении Требований к отдельным объектам инфраструктуры мест проведения официальных спортивных соревнований и техническому оснащению стадионов для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 17.11.2015 № 1092. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об утверждении Типовой инструкции по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности на объекте спорта при проведении официальных спортивных соревнований [Электронный ресурс]: приказ Минспорта России от 26.11.2014 № 948. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 16.12.2013 № 1156. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Мир. Российская премьер-лига. URL: premierliga.ru/netcat_files/86/58/REGLEMENT_FIFA (дата обращения: 31.01.2023).

9. Об утверждении требований к содержанию программы специальной подготовки контролеров-распорядителей [Электронный ресурс]: приказ Минспорта России от 30.10.2015 № 998. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Об утверждении порядка выдачи и учета удостоверений контролеров-распорядителей и формы удостоверения контролера-распорядителя [Электронный ресурс]: приказ Минспорта России от 30.10.2015 № 996. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Об утверждении профессионального стандарта «Контролер-распорядитель» [Электронный ресурс]: приказ Минтруда России от 13.04.2017 № 357н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Об утверждении типовых программ профессионального обучения для работы в качестве частных охранников [Электронный ресурс]: приказ Росгвардии от 30.11.2019 № 396. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18 марта 2022 г. № Ф01-644/22 по делу № А43-16622/2021. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 31.01.2023).
14. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14 января 2022 г. № Ф03-6693/21 по делу № А59-1491/2021. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 31.01.2023).
15. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 26 ноября 2021 г. № 01АП-7964/21 по делу № А43-16622/2021. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 31.01.2023).
16. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 1 сентября 2021 г. № 05АП-5061/21 по делу № А59-1491/2021. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 31.01.2023).
17. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 10 сентября 2021 г. по делу № А43-16622/2021. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 31.01.2023).
18. Решение Арбитражного суда Сахалинской области от 10 июня 2021 г. по делу № А59-1491/2021. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 31.01.2023).
19. Официальный сайт ЧОУ ДПО «Профи-Центр». URL: <https://profi-centr22.ru/svedeniya-ob-obrazovatelnoj-organizaczii/osnovnye-svedeniya/> (дата обращения: 31.01.2023).

References

1. Oficial'nyj sajt Ministerstva sporta Rossijskoj Federacii. URL: http://minsport.gov.ru/2023/doc/18012023/%D0%95%D0%9A%D0%9F%202023_20.01.23.pdf (data obrashcheniya: 31.01.2023).
2. Pulov E.A. Obespechenie pravoporyadka pri provedenii sportivnyh i fizkul'turno-massovyh meropriyatij // Sport: ekonomika, pravo, upravlenie. 2013. № 2. S. 21–24.
3. O vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s obespecheniem obshchestvennogo poryadka i obshchestvennoj bezopasnosti pri provedenii oficial'nyh sportivnyh sorevnovanij [Elektronnyj resurs]: federal'nyj zakon ot 23.07.2013 № 192-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
4. Ob utverzhdenii Pravil obespecheniya bezopasnosti pri provedenii oficial'nyh sportivnyh sorevnovanij [Elektronnyj resurs]: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 18.04.2014 № 353. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
5. Ob utverzhdenii Trebovanij k otдел'nym ob'ektam infrastruktury mest provedeniya oficial'nyh sportivnyh sorevnovanij i tekhnicheskomu osnashcheniyu stadionov dlya obespecheniya obshchestvennogo poryadka i obshchestvennoj bezopasnosti [Elektronnyj resurs]: prikaz MVD Rossii ot 17.11.2015 № 1092. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
6. Ob utverzhdenii Tipovoj instrukcii po obespecheniyu obshchestvennogo poryadka i obshchestvennoj bezopasnosti na ob'ekte sporta pri provedenii oficial'nyh sportivnyh sorevnovanij [Elektronnyj resurs]: prikaz Minsporta Rossii ot 26.11.2014 № 948. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
7. Ob utverzhdenii Pravil povedeniya zritelej pri provedenii oficial'nyh sportivnyh sorevnovanij [Elektronnyj resurs]: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 16.12.2013 № 1156. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
8. Mir. Rossijskaya prem'er-liga. URL: premierliga.ru/netcat_files/86/58/REGLAMENT_FIFA (data obrashcheniya: 31.01.2023).
9. Ob utverzhdenii trebovanij k sodержaniyu programmy special'noj podgotovki kontrolerov-rasporyaditelej [Elektronnyj resurs]: prikaz Minsporta Rossii ot 30.10.2015 № 998. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
10. Ob utverzhdenii poryadka vydachi i ucheta udostoverenij kontrolerov-rasporyaditelej i formy udostovereniya kontrolera-rasporyadatelya [Elektronnyj resurs]: prikaz Minsporta Rossii ot 30.10.2015 № 996. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
11. Ob utverzhdenii professional'nogo standarta «Kontroler-rasporyaditel'» [Elektronnyj resurs]: prikaz Mintruda Rossii ot 13.04.2017 № 357n. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
12. Ob utverzhdenii tipovyh programm professional'nogo obucheniya dlya raboty v kachestve chastnyh ohrannikov [Elektronnyj resurs]: prikaz Rosgvardii ot 30.11.2019 № 396. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

13. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 18 marta 2022 g. № F01-644/22 po delu № A43-16622/2021. URL: <https://sudrf.ru/> (data obrashcheniya: 31.01.2023).
14. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Dal'nevostochnogo okruga ot 14 yanvarya 2022 g. № F03-6693/21 po delu № A59-1491/2021. URL: <https://sudrf.ru/> (data obrashcheniya: 31.01.2023).
15. Postanovlenie Pervogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 26 noyabrya 2021 g. № 01AP-7964/21 po delu № A43-16622/2021. URL: <https://sudrf.ru/> (data obrashcheniya: 31.01.2023).
16. Postanovlenie Pyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 1 sentyabrya 2021 g. № 05AP-5061/21 po delu № A59-1491/2021. URL: <https://sudrf.ru/> (data obrashcheniya: 31.01.2023).
17. Reshenie Arbitrazhnogo suda Nizhegorodskoj oblasti ot 10 sentyabrya 2021 g. po delu № A43-16622/2021. URL <https://sudrf.ru/> (data obrashcheniya: 31.01.2023).
18. Reshenie Arbitrazhnogo suda Sahalinskoj oblasti ot 10 iyunya 2021 g. po delu № A59-1491/2021. URL: <https://sudrf.ru/> (data obrashcheniya: 31.01.2023).
19. Oficial'nyj sajt ChOU DPO «Profi-Centr». URL: <https://profi-centr22.ru/svedeniya-ob-obrazovatelnoj-organizaczii/osnovnye-svedeniya/> (data obrashcheniya: 31.01.2023).

Информация об авторах

А. Г. Бачурин — кандидат юридических наук.

И. И. Самсонов — кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

A. G. Bachurin — Candidate of Science (Law).

I. I. Samsonov — Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 04.03.2023; одобрена после рецензирования 14.04.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 04.03.2023; approved after reviewing 14.04.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 52–58.

Altai Law Journal. 2023. № 2 (42). P. 52–58.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 355:351.74(599)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ ФИЛИППИН

Алексей Федорович Вербилов¹, Виталий Витальевич Ковалёв², Айнур Айдарович Даминов³

^{1,2} Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

¹ verbilov-alex@yandex.ru

² 79095020200@yandex.ru

³ Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, arturakbarov0@gmail.com

Аннотация. Применение силы и оружия сотрудниками правоохранительных органов строго регламентировано международными и локальными нормативными правовыми документами. В статье рассмотрены законодательные основы применения огнестрельного оружия сотрудниками Национальной полиции Филиппин. Приводится обзор национальных нормативных правовых документов, регламентирующих данный аспект в процессе выполнения сотрудниками Национальной полиции Филиппин своих функций и полномочий. Приводится анализ национальной нормативной правовой базы Республики Филиппины в сравнении с соответствующими положениями российского законодательства.

Ключевые слова: законодательство, правоохранительные органы, деятельность полиции, применение огнестрельного оружия, Национальная полиция Филиппин

Для цитирования: Вербилов А. Ф., Ковалёв В. В., Даминов А. А. Правовое регулирование применения огнестрельного оружия сотрудниками Национальной полиции Филиппин // Алтайский юридический вестник. 2022. № 2 (42). С. 52–58.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

LEGAL REGULATION OF THE USE OF FIREARMS BY OFFICERS OF THE PHILIPPINE NATIONAL POLICE

Alexey F. Verbilov¹, Vitaly V. Kovalev², Ainur A. Daminov³

^{1,2} Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

¹ verbilov-alex@yandex.ru

² 79095020200@yandex.ru

³ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, arturakbarov0@gmail.com

Abstract. The use of force and weapons by law enforcement officers is strictly regulated by international and local regulatory legal documents. The article considers the legislative basis for the use of firearms by officers of the National Police of the Philippines. An overview of the national regulatory legal framework governing this aspect in the process of fulfilling their functions and powers by members of the National Police of the Philippines is presented. An analysis of the national regulatory framework of the Republic of the Philippines is given in comparison with the relevant Russian legislation.

Keywords: legislation, law enforcement, police activities, use of firearms, Philippine National Police

For citation: Verbilov A. F., Kovalev V. V., Daminov A. A. Legal regulation of the use of firearms by officers of the Philippine National police. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2023;2:52–58 (In Russ.).

© Вербилов А. Ф., Ковалёв В. В., Даминов А. А., 2023

Деятельность любого государства по поддержанию внутреннего правопорядка является одним из важнейших аспектов, отражающих благополучие и безопасность страны в целом. Во всех странах правоохранительную функцию выполняют специальные органы, наделенные особыми правами и полномочиями. При этом такие органы отличает применение их сотрудниками силы, специальных средств и оружия. Это накладывает особую ответственность за свои действия на представителей правоохранительных органов, т. к. в условиях исполнения своих служебных обязанностей по пресечению противоправных действий, предотвращению преступлений следует выдержать тот самый баланс необходимости применения исключительных мер и соблюдения прав человека. С другой стороны, в ряде случаев неприменение силы, специальных средств или оружия также может привести к непоправимым последствиям, опасным для обычных граждан либо самих сотрудников.

При осуществлении различных действий по обеспечению правопорядка международные нормы предусматривают несколько правил, которые могут использоваться правоохранительными органами в качестве руководящих принципов для обеспечения защиты прав человека. Статьи 2 и 8 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (ООН, 1979 г.) [1], например, гласят, что при выполнении своих задач сотрудники правоохранительных органов должны соблюдать закон, уважать человеческое достоинство и защищать права человека. Кроме того, эти руководящие принципы требуют от сотрудников правоохранительных органов применять силу только в случае крайней необходимости для выполнения поставленной задачи (Статья 3) [1].

Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка изложены в международном руководящем документе, принятом восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившим 27 августа — 7 сентября 1990 г. в Гаване (Куба) [2].

Практически в каждом государстве принят ряд законодательных документов, регламентирующих деятельность правоохранительных органов в целом, а также применение силовых

мер их сотрудниками в исключительных ситуациях. Как правило, локальные нормативные правовые документы базируются на общепринятых международных правовых актах. В данном контексте представляет интерес изучение и анализ систем правового регулирования применения сотрудниками полиции силы, специальных средств и оружия, принятых в различных странах. В исследованиях ряда авторов [3–6] приводится сравнительный анализ действующего законодательства некоторых европейских стран и США с соответствующими отечественными нормами. В настоящей работе мы предлагаем рассмотреть нормативные правовые акты, принятые в Республике Филиппины и регулирующие вопросы применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции.

Национальная полиция Филиппин (далее — НПФ) является основным правоохранительным органом в республике. Она была создана в соответствии с Конституцией Республики Филиппины (далее — Конституция) [7] и Законом Республики от 13.12.1990 № 6975 «О создании Национальной полиции Филиппин в рамках реорганизованного Министерства внутренних дел и самоуправления» (далее — Закон № 6975) [8]. Исходя из пункта 21 статьи 10 Конституции, «за сохранение мира и порядка в районах отвечают местные органы полиции, которые должны быть организованы, содержаться, контролироваться и использоваться в соответствии с применимыми законами». НПФ находится под управлением и контролируется национальной полицейской комиссией. Предусматривается, что полномочия местных исполнительных органов в отношении находящихся в их ведении подразделений полиции устанавливаются законом.

В Республике Филиппины существует ряд внутренних норм, регламентирующих деятельность полиции, а также регулирующих применение силы и оружия сотрудниками полиции, которые в целом соответствуют международному праву и направлены в первую очередь на защиту прав и свобод граждан. Основные права человека защищены статьей III (Билль о правах).

В соответствии с разделом 1 этой статьи «никто не может быть лишен жизни, свободы или имущества без надлежащей правовой процедуры, и никому не может быть отказано в равной защите закона» [7].

Помимо Конституции и Закона № 6975, основными нормативными правовыми документами, которыми руководствуется в своей деятельности НПФ, являются:

Уголовный кодекс Республики Филиппины (Закон Республики от 08.12.1930 № 3815).

Оперативные процедуры Национальной полиции Филиппин (Руководящий документ Национальной полиции Филиппин № PNPM-DO-DS-3-2-13).

В соответствии с пересмотренным Уголовным кодексом [8] и Оперативными процедурами НПФ [9] сотрудник полиции должен сделать устное предупреждение, прежде чем он сможет применить силу против правонарушителя. Кроме того, разрешается применять только такую силу, которая необходима и разумна для преодоления сопротивления правонарушителя; для устранения явной и неминуемой опасности, исходящей от него; для оправдания силы/действия в соответствии с принципами самообороны или защиты других.

Применение огнестрельного оружия оправданно только в том случае, если подозреваемый представляет непосредственную опасность причинения смерти или ранения сотруднику полиции или другим лицам. Однако офицеры могут использовать средства самообороны только тогда, когда существует реальная угроза их жизни и когда опасность, которую стараются избежать, неизбежна и реальна.

В Оперативных процедурах также указано, что в случае, когда подозреваемый проявляет насилие или угрожает и иные меры физического воздействия безрезультатны или признаны неуместными, могут быть использованы более крайние, но нелетальные меры, такие как дубинка, газовый баллончик, электрошокер и другое нелетальное оружие. Это необходимо, чтобы взять подозреваемого под контроль или произвести арест.

Порядок применения огнестрельного оружия сотрудником полиции регламентирован Правилом 8 «Применение огнестрельного оружия во время полицейских операций» Оперативных процедур [9]. В соответствии с п. 8.1 Оперативных процедур применение огнестрельного оружия оправданно, если правонарушитель представляет непосредственную опасность причинения смерти или ранения сотруднику полиции

или другим лицам. Использование огнестрельного оружия также обусловлено доктринами самообороны, защиты родственника и защиты постороннего лица. Однако только в случае реальной угрозы для своей жизни сотрудник может прибегнуть к самообороне, и опасность, которую стремятся предотвратить, должна быть действительной, неминуемой и реальной. То есть именно наличие реального факта агрессивных действий может считаться оправдывающим обстоятельством для самообороны.

Особое место в Оперативных процедурах отведено стрельбе по движущимся транспортным средствам. В соответствии с п. 8.2 названного документа запрещено стрелять по движущемуся транспортному средству, за исключением случаев, когда его пассажиры представляют непосредственную опасность причинения смерти или ранения сотруднику полиции или любому другому лицу и применение огнестрельного оружия не создает общественной опасности и перевешивает вероятные последствия от его неприменения.

При этом необходимо учитывать следующие факторы (п. 8.3 Оперативных процедур):

- а) намерение подозреваемого (подозреваемых) причинить вред сотруднику полиции или другим лицам;
- б) непосредственная попытка подозреваемого (подозреваемых) нанести вред сотруднику полиции или другим лицам;
- в) дистанция между подозреваемым (подозреваемыми) и сотрудником полиции и другими лицами.

Действия, которые необходимо предпринять сотруднику НПФ сразу же после вооруженного инцидента, регламентированы п. 8.5 Оперативных процедур:

1. Обезопасить место происшествия.
2. Сфотографировать место происшествия.
3. Проверить, представляет ли ситуация по-прежнему неминуемую опасность.
4. Эвакуировать раненых в ближайший госпиталь.
5. Обеспечить, чтобы все лица, погибшие на месте, не были перемещены с их первоначального положения.
6. Арестованные подозреваемые должны содержаться в изоляции.
7. Провести опрос всех задействованных оперативников НПФ.

8. Отправить послеоперационный отчет.

9. Обеспечить консультирование по вопросам психологического стресса для всех задействованных сотрудников НПФ.

Как и в большинстве стран мира, в Республике Филиппины сотрудник обязан составить рапорт после каждого инцидента, связанного с применением огнестрельного оружия. Так, в соответствии с п. 8.4 Оперативных процедур сотрудник полиции, применивший свое служебное огнестрельное оружие во время инцидента с правонарушителем (правонарушителями), должен предоставить отчет о происшествии с изложением обстоятельств, вызвавших необходимость применения его огнестрельного оружия.

Несмотря на наличие достаточно обоснованной нормативной правовой базы, регламентирующей деятельность полиции, следует отметить, что превышение полномочий при применении огнестрельного оружия сотрудниками НПФ сегодня является одной из актуальных проблем Филиппин. В средствах массовой информации встречается описание случаев, когда такие действия полиции инициировали недовольство населения и приводили к массовым беспорядкам. В конечном итоге правоохранительные органы теряли контроль над ситуацией и были не в состоянии поддерживать и обеспечивать общественный порядок. Все это в совокупности формировало у населения негативное отношение к сотрудникам полиции.

Так, с приходом к власти нового Президента Республики Филиппины Родриго Дутерте в июле 2016 г., с началом политики непримиримой борьбы с распространением наркотиков всего за несколько недель с её начала было убито около 2 тыс. человек. В это время замечен рост производства полиции и неоправданного применения насилия и огнестрельного оружия. В конечном итоге это вызвало массовые акции протеста населения.

Один из случаев, переполнивших чашу терпения народа, — дело с убийством сотрудниками полиции 17-летнего старшеклассника в 2017 г. Киан Лойд Делос Сантос был застрелен в августе 2017 г. [10]. Он был найден мертвым в переулке с пистолетом в левой руке. В полиции заявили, что убили его в порядке самообороны. Камеры видеонаблюдения зафиксировали, как офицеры агрессивно сопровождали

мужчину, похожего на Делоса Сантоса, в направлении места, где он был убит. Это убийство привлекло беспрецедентное внимание общественности к тому, что, по словам активистов, является систематическим злоупотреблением со стороны полиции, которую неизменно поддерживает Президент Дутерте. Суд на Филиппинах признал трех офицеров полиции виновными в убийстве 17-летнего старшеклассника, что стало первым подобным приговором в связи с тактикой, использованной Президентом Родриго Дутерте в войне с наркотиками.

В итоге трое полицейских были приговорены региональным судом первой инстанции Калукана к 40 годам тюремного заключения без права на условно-досрочное освобождение, что стало первым обвинительным приговором во внесудебном убийстве за 29-месячную кампанию по борьбе с наркотиками.

В настоящее время руководство НПФ неоднократно призывает сотрудников полиции применять огнестрельное оружие ответственно. В своем последнем обращении начальник Национальной полиции Филиппин генерал Дионардо Карлос напомнил всему своему персоналу о необходимости проявлять должную осмотрительность при использовании выданного им огнестрельного оружия [11]. Это произошло после того, как полицейский застрелил собственную жену и ребенка в их доме в Вираке, Катандуанес, 15 января 2021 г. В сообщениях говорится, что сотрудник полиции 25-летний Пэт Джеймар Маласа пришел домой с пьяной вечеринки. После возникшей между ним и супругой ссоры подозреваемый выхватил табельное оружие и застрелил жену. Пуля пробила тело жены, задев ребенка. Затем полицейский застрелился. «Мы сожалеем о гибели людей. С грустью мы слышим о подобных обстоятельствах. Пусть это послужит уроком для наших полицейских, чтобы они принимали меры предосторожности и никогда не брали правосудие в свои руки. Вы прошли инструктаж по безопасному обращению с оружием. Используйте все полученные знания, чтобы эффективно и ответственно выполнять свои обязанности», — сказал Карлос в заявлении, подчеркнув, что каждый сотрудник НПФ несет ответственность за свои действия.

В заключение следует отметить, что в целом требования нормативных правовых документов,

регламентирующих применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции Филиппин и Российской Федерации, совпадают. Это обусловлено тем фактом, что они разработаны на основе международных принципов и доктрин в области защиты прав человека, а также международных руководящих документов в области применения силы и огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов. Однако есть и некоторые различия, обусловленные существующими системами права и историческими закономерностями. В Российской Федерации применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции регламентировано Федеральным законом от 07.03.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее — ФЗ «О полиции») [12], который по сравнению с аналогичными нормативными актами Республики Филиппины имеет более четкую детализацию перечня оснований применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции. Следует также отметить, что российское законодательство, регламентирующее деятельность полиции, непрерывно совершенствуется. Например, п. 3 ст. 23

ФЗ «О полиции» дополнен параграфом, разрешающим применение огнестрельного оружия «для пресечения нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве в целях, предусмотренных пунктом 40 части 1 статьи 13 настоящего Федерального закона, если иными средствами прекратить их нахождение в воздушном пространстве не представляется возможным».

Вместе с тем следует отметить, что после применения огнестрельного оружия сотрудником полиции в Российской Федерации, особенно в отношении граждан, велика вероятность неблагоприятных правовых последствий для него.

В Республике Филиппины основания применения огнестрельного оружия приведены в более общей форме. Кроме того, проведенный анализ показал отсутствие в филиппинских руководящих документах какой-либо конкретизирующей информации о том, в каких случаях оружие может применяться по животным, предметам, а также в качестве предупредительного выстрела.

Список источников

1. Code of Conduct for Law Enforcement Officials (Adopted by General Assembly resolution 34/169 of 17 December 1979). URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/codeofconduct.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).
2. Basic Principles on the Use of Force and Firearms by Law Enforcement Officials (Adopted by the Eighth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, Havana, Cuba, 27 August to 7 September 1990). URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/Firearms/Basic_Principles.pdf (дата обращения: 01.03.2023).
3. Хазов Е. Н., Бодарев В. А., Несмелов П. В., Саудаханов М. В. Правовые основы применения силы и огнестрельного оружия сотрудниками национальной полиции Королевства Испания // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 1. С. 61–64.
4. Коноплева И. Н. Применение оружия правоохранительными органами разных стран // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2004. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-oruzhiya-pravoohranitelnyimi-organami-raznyh-stran> (дата обращения: 01.03.2023).
5. Яковлева А. В., Васильев Г. В., Шаманина Е. А. Правовые основы применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции России и США // Вопросы российского и международного права. 2017. Vol. 7. Is. 5A.
6. Каримов А. А. Полиция России и США. Компаративный анализ по вопросам применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // Полицейская деятельность. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politsiya-rossii-i-ssha-komparativnyy-analiz-po-voprosam-primeneniya-fizicheskoy-sily-spetsialnyh-sredstv-i-ognestrelnogo-oruzhiya> (дата обращения: 01.03.2023).
7. The 1987 Constitution of the Republic of the Philippines. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/research/Philippines/PHILIPPINE%20CONSTITUTION.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).
8. Act Establishing the Philippine National Police under Reorganized Department of the Interior and Local Government, and for Other Purposes. Republic Act No. 6975, December 13, 1990. URL: <https://>

www.studocu.com/ph/document/sti-college/it-practicum/ra-6975-ewewewee/35068191 (дата обращения: 01.03.2023).

9. Revised Philippine National Police Operational Procedures / Philippine National Police Hadbook № PNPМ-DO-DS-3-2-13, December 2013. URL: <https://www.policinglaw.info/country/philippines> (дата обращения: 01.02.2023).

10. Philippines police jailed for murdering teenager in Duterte's drug war // The Guardian, November 29, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/nov/29/philippines-police-jailed-for-murdering-teenager-in-dutertes-drug-war> (дата обращения: 01.03.2023).

11. Use firearms responsibly, PNP chief reminds cops // Philippine News Agency. 2022. January 17. URL: <https://www.pna.gov.ph/articles/1165633> (дата обращения: 01.03.2023).

12. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Code of Conduct for Law Enforcement Officials (Adopted by General Assembly resolution 34/169 of 17 December 1979). URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/codeofconduct.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).

2. Basic Principles on the Use of Force and Firearms by Law Enforcement Officials (Adopted by the Eighth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, Havana, Cuba, 27 August to 7 September 1990). URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/Firearms/Basic_Principles.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

3. Hazov E. N., Bodarev V. A., Nesmelov P. V., Saudahanov M. V. Pravovye osnovy primeneniya sily i ognestrel'nogo oruzhiya sotrudnikami nacional'noj policii Korolevstva Ispaniya // Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava. 2018. № 1. S. 61–64.

4. Konopleva I. N. Primenenie oruzhiya pravoohranitel'nymi organami raznyh stran // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2004. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-oruzhiya-pravoohranitel'nymi-organami-raznyh-stran> (дата обращения: 01.03.2023).

5. Yakovleva A. V., Vasil'ev G. V., Shamanina E. A. Pravovye osnovy primeneniya ognestrel'nogo oruzhiya sotrudnikami policii Rossii i SShA // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2017. Vol. 7. Is. 5A.

6. Karimov A. A. Policiya Rossii i SShA. Komparativnyj analiz po voprosam primeneniya fizicheskoy sily, special'nyh sredstv i ognestrel'nogo oruzhiya // Policejskaya deyatelnost'. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politsiya-rossii-i-ssha-komparativnyy-analiz-po-voprosam-primeneniya-fizicheskoy-sily-spetsialnyh-sredstv-i-ognestrel'nogo-oruzhiya> (дата обращения: 01.03.2023).

7. The 1987 Constitution of the Republic of the Philippines. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/research/Philippines/PHILIPPINE%20CONSTITUTION.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).

8. Act Establishing the Philippine National Police under Reorganized Department of the Interior and Local Government, and for Other Purposes. Republic Act No. 6975, December 13, 1990. URL: <https://www.studocu.com/ph/document/sti-college/it-practicum/ra-6975-ewewewee/35068191> (дата обращения: 01.03.2023).

9. Revised Philippine National Police Operational Procedures / Philippine National Police Hadbook №PNPM-DO-DS-3-2-13, December 2013. URL: <https://www.policinglaw.info/country/philippines> (дата обращения: 01.02.2023).

10. Philippines police jailed for murdering teenager in Duterte's drug war // The Guardian, November 29, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/nov/29/philippines-police-jailed-for-murdering-teenager-in-dutertes-drug-war> (дата обращения: 01.03.2023).

11. Use firearms responsibly, PNP chief reminds cops // Philippine News Agency. 2022. January 17. URL: <https://www.pna.gov.ph/articles/1165633> (дата обращения: 01.03.2023).

12. О полиции [Elektronnyj resurs]: federal'nyj zakon ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».

Информация об авторах

А. Ф. Вербилов — кандидат технических наук, доцент.

В. В. Ковалёв — кандидат технических наук, доцент.

Information about the authors

A. F. Verbilov — Candidate of Science (Technic), Associate Professor.

V. V. Kovalev — Candidate of Science (Technic), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 14.04.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 14.04.2023; accepted for publication 29.05.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 59–69.

Altai Law Journal. 2023. № 2 (42). P. 59–69.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 351.86:355.58

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ БИОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА (ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ)

Владимир Владимирович Головко¹, Александр Иванович Сахно², Иван Евгеньевич Отчешский³

¹ Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

^{2,3} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Исследуются актуальные проблемы правового регулирования и особенности организации системы государственного управления при возникновении чрезвычайных ситуаций биологического характера в условиях мирного времени. На основе анализа законодательства о гражданской обороне, биологической безопасности и защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций рассматриваются новые вызовы и угрозы биологического характера, предлагается единая система классификации чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: правовое регулирование, государственное управление, стратегическое планирование, функции права, гражданская оборона, чрезвычайные ситуации, биологическая безопасность, полномочия полиции

Для цитирования: Головко В. В., Сахно А. И., Отчешский И. Е. Государственное управление при возникновении чрезвычайных ситуаций биологического характера (правовые и организационные аспекты) // Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 59–69.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-411-720006.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

PUBLIC ADMINISTRATION UPON OCCURRENCE OF BIOLOGICAL EMERGENCIES (LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS)

Vladimir V. Golovko¹, Aleksandr I. Sakhno², Ivan E. Otchesky³

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

^{2,3} Tyumen State University, Tyumen, Russia

Abstract. The paper studies the actual problems of legal regulation and the peculiarities of the organization of the public administration system in the event of emergencies of a biological nature in peacetime. Based on the analysis of legislation on civil defense, on biological safety and on the protection of the population and territories from emergencies, new challenges and threats of a biological nature are considered, and a unified classification system for emergencies is proposed.

Keywords: legal regulation, public administration, strategic planning, functions of law, civil defense, emergencies, biosecurity, police powers

For citation: Golovko V. V., Sakhno A. I., Otchesky I. E. Public administration upon occurrence of biological emergencies (legal and organizational aspects). *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;2:59–69 (In Russ.).

Funding. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Tyumen Region within the framework of the scientific project № 20-411-720006.

Комплексное исследование российского законодательства в сфере биологической безопасности свидетельствует о необходимости обновления и систематизации правовых основ государственного управления при возникновении чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) эпидемиологического характера, которое рассматривается как важная часть системы государственного управления в сфере национальной безопасности Российской Федерации.

Государственная политика Российской Федерации в области защиты населения и территорий от угроз биологического характера должна осуществляться с учетом целей и задач современной доктрины биологической безопасности [1], базовых положений законодательства о стратегическом планировании [2], новых вызовов и угроз глобального характера [3], биологических угроз в области обеспечения химической и биологической безопасности [4].

Появление новых вызовов и угроз вызывает необходимость научного анализа и переосмысления сложившихся подходов к формированию законодательства и организационным основам государственного управления при возникновении ЧС биологического характера.

Серьезным испытанием органов власти, систем общественного здравоохранения и санитарно-эпидемиологического надзора всех стран мира стала глобальная пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19. Только благодаря экстренным мерам темпы распространения опасного инфекционного заболевания в мире удалось несколько снизить в 2022 г. Однако, по мнению большинства исследователей, вирус SARS-CoV-2 будет мутировать и дальше, темп этого процесса сложно предсказать. Такими прогнозы известного вирусолога, член-корреспондента Российской академии наук (РАН) Александра Лукашева и экспертов ВОЗ, утверждающих, что «...вирус продолжит видоизменяться и ближайшие годы будет циркулировать в обществе» [5].

В этих условиях особую тревогу вызывают не только традиционные природные источники известных патогенных инфекций, таких как «Эбола», лихорадка Западного Нила (ЛЗН), COVID-19, обезьянья оспа, но и активная деятельность отдельных государств по исследованию опасного биологического материала (имею-

щего двойное назначение) в закрытых лабораториях и институтах, работающих вне зоны международного контроля. До сих пор ООН и ВОЗ, ОБСЕ не дана международно-правовая оценка деятельности специальных биологических лабораторий США, использующих опасные патогенные материалы в закрытых исследованиях, проводимых на территориях ряда государств, вблизи границ Российской Федерации.

Проведенные в 2021–2022 гг. комплексные генетические исследования показали, что на территории Москвы и Московской области, в Краснодарском крае, Республике Крым, Волгоградской области было как минимум три заноса вируса лихорадки разных генетических вариантов, в т. ч. ранее не известных науке популяций (многие вирусы не имеют гомологов в международных генетических базах данных) [6, с. 285–286].

Разработка, производство и использование потенциально опасных биологических агентов в качестве биологического оружия, равно как и появление новых инфекций, вызываемых неизвестными патогенами, занос редких или ранее не встречавшихся на территории Российской Федерации инфекционных и паразитарных заболеваний являются опасными угрозами биологической безопасности Российской Федерации.

Основами государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 г. и дальнейшую перспективу (утв. Указом Президента РФ от 11.03.2019 № 97) [7] установлено: наличие опасных биологических факторов, формирующих недопустимый риск и способных привести к возникновению эпидемий, эпизоотий, эпифитотий и массовых отравлений, ухудшению ситуации в области биологической безопасности или перерастанию ее в чрезвычайную ситуацию биологического характера, представляет собой биологическую угрозу.

Все это подтверждает актуальность и своевременность совершенствования правовых и организационных основ государственного управления по защите населения и территорий от ЧС биологического характера.

Государственное управление в чрезвычайных ситуациях биологического характера: особенности и проблемы. Сложившаяся система государственного управления при возникновении ЧС унаследовала характерные черты

организации гражданской обороны СССР, что нашло свое отражение не только в правовой терминологии, но и в подходах законодателя, сохранившего приоритет подготовки органов государственной власти и населения к действиям в условиях военного времени. Единым центром управления и подготовки государственной системы сил и средств гражданской обороны к действиям по защите населения и территорий страны было Минобороны СССР (начальник Гражданской обороны СССР), правопреемником которого стало Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). К функциям гражданской обороны страны после реформирования ГКЧС России и образования МЧС России добавились функции защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в условиях мирного времени.

В рамках обновленной доктрины гражданской обороны и защиты населения от ЧС было проведено перераспределение функций управления и полномочий между Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации и другими органами публичной власти. Согласно ст. 6 ФЗ от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне» Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение единой государственной политики в области гражданской обороны, руководит организацией и ведением гражданской обороны [8]. Таким образом, теоретически Председатель Правительства Российской Федерации определен руководителем системы гражданской обороны и защиты населения от ЧС природного и техногенного характера, однако анализ законодательства свидетельствует, что это положение относится в значительной части к событиям военного времени (военного характера), а также к опасным стихийным бедствиям природного или техногенного характера. Такой же подход был сохранен законодателем и в новом Федеральном конституционном законе от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», сохранившем полномочия Правительства Российской Федерации по руководству гражданской обороной (ст. 24), обеспечению санитарно-

эпидемиологического благополучия населения (ст. 16), координации деятельности по предотвращению стихийных бедствий, аварий и катастроф, уменьшению их опасности и ликвидации их последствий (ст. 22) [9]. Но и в новом законе биологические угрозы не упоминаются.

Ввиду отсутствия точной научно обоснованной и общепринятой классификации законодателем в перечень ЧС природного характера не были включены опасные явления биологического (эпидемиологического) вида. Вследствие этого функция предупреждения и ликвидации ЧС биологического (эпидемиологического) характера в условиях мирного времени, как показала пандемия, оказалась вне компетенции и поля зрения органов управления действующих федеральных и региональных штабных структур ГО и ЧС.

Таким образом, «ведомственная принадлежность» этого направления деятельности нормативно в ФЗ от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [10] не была определена, т. к. эпидемиологические заболевания не входили в понятие ЧС и предмет ведения МЧС России. Только в 2021 г. ФЗ от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [11] было внесено дополнение понятия чрезвычайной ситуации, к которой были отнесены «распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих».

В российском законодательстве гражданская оборона традиционно понимается как система мероприятий по подготовке к защите и по защите населения, материальных и культурных ценностей на территории Российской Федерации от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера. Федеральным законом «О гражданской обороне» установлено, что реализация мер гражданской обороны на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях начинается с момента введения в действие Президентом Российской Федерации Плана гражданской обороны и защиты населения Российской Федерации.

Постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2019 г. № 1274 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» внесено важное уточнение, что выполнение мероприятий по гражданской обороне и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в *мирное время* осуществляется в соответствии с планами действий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций [12]. Уточним, что это два разных вида планирующих документов, предназначенных для различных ЧС: мирного времени и при военных конфликтах. Поэтому существующая система государственного управления ГО и ЧС, ориентированная в большей степени на выполнение задач при военных конфликтах, оказалась малоэффективной в условиях мирного времени особенно при возникновении угроз биологического характера. Это и вызвало потребность в оперативном дополнении законодательства и экстренном создании новой, практически параллельной системы (подсистемы) государственного управления в условиях ЧС природно-биологического характера.

Реформирование системы планирования и управления гражданской обороной и защитой населения и территорий от ЧС природного и техногенного характера в мирное время вызвало необходимость критического анализа правовых и организационных основ, а также сложившейся практики деятельности органов публичной власти, органов здравоохранения и санитарного надзора на всех уровнях государственного управления. Практика свидетельствует: первый период предупреждения и распространения пандемии 2019–2021 гг., а также эффективность и своевременность мер, предпринятых органами публичной власти, показали, что:

- в отечественном законодательстве отсутствует единая научно обоснованная система критериев и классификаций чрезвычайных обстоятельств, что в определенной степени негативно повлияло не только на эффективность федеральной и ведомственной нормативной базы, но и на формирование сложившейся системы государственного управления при возникновении ЧС;

- существовавшая модель государственного управления в чрезвычайных ситуациях оказалась неготовой к оперативному и своев-

ременному решению задач такой сложности, система оперативного управления и реагирования не в полной мере отвечала новым реалиям;

- отсутствовала необходимая законодательная база противодействия вызовам и угрозам ЧС природно-биологического характера, прежде всего, как показала практика, в социальной и экономической сферах деятельности;

- выявились многочисленные проблемы правового регулирования складывающихся отношений, а также взаимодействия ведомств и ресурсного обеспечения медико-санитарной деятельности: наличия, создания и использования стратегических запасов медикаментов, средств защиты и медицинского оборудования, массово востребованных в условиях пандемии.

В этих условиях оказались актуальными исследования по совершенствованию мер публичного управления и законодательства о здравоохранении и санитарно-эпидемиологическом благополучии населения [13, с. 85–96].

Для эффективного выполнения функций государственного управления при ЧС природно-биологического характера с учетом специфики решаемых задач создана новая система субъектов управляющего воздействия на общественные отношения, складывающиеся в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в условиях пандемии.

Наряду с действующим Национальным центром управления в кризисных ситуациях, осуществляющим координацию деятельности органов повседневного управления единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и органов управления гражданской обороной¹, создан и функционирует Координационный совет при Правительстве Российской Федерации по предупреждению угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, связанных с заносом на территорию Российской Федерации и распространением на территории Российской Федерации опасных инфекционных заболеваний, при котором по инициативе Роспо-

¹ Создается в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 30.11.2016 № 1272 (ред. от 30.09.2019) (Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6932).

требнадзора создан и функционирует одноименный оперативный штаб¹.

Аналогичные координационные органы и оперативные штабы созданы и функционируют в субъектах Российской Федерации для координации деятельности органов публичной власти по предупреждению угрозы санитарно-эпидемиологическому благополучию населения, заноса и распространения на территории субъекта Российской Федерации опасных инфекционных заболеваний и в целях оперативного реагирования на складывающуюся санитарно-эпидемиологическую обстановку. Созданная система управления по предупреждению и ликвидации последствий возникновения чрезвычайных ситуаций, как показала практика, играет важную роль в предупреждении и ликвидации ЧС биологического характера, обеспечении санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Актуальные проблемы правового регулирования отношений, складывающихся в условиях ЧС биологического характера. Большое значение в правовом регулировании государственного управления, как показало проведенное исследование, приобретают научно обоснованные понятия, классификации, принципы и нормы права, а также правила юридической техники. В законотворческой деятельности при подготовке правовых актов, документов стратегического планирования, при согласовании целей, задач и содержания государственной стратегии, доктрин или концепций обеспечения безопасности в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций (ЧС) любого типа целесообразно использовать единую систему нормативно закрепленных понятий, общую классификацию ЧС и унифицированную терминологию.

В современном российском законодательстве, регулирующем отношения при возникновении ЧС и введении специальных правовых режимов, как в федеральных законах, так и в ведомственных правовых актах часто используются термины и понятия, не в полной мере согласо-

¹ Координационный центр при Правительстве РФ и оперативный штаб создаются и функционируют в соответствии с Указом Президента РФ от 04.01.2021 № 12 «Об утверждении Порядка действий органов публичной власти по предупреждению угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, связанных с заносом на территории Российской Федерации и распространением на территории Российской Федерации опасных инфекционных заболеваний» (Собрание законодательства РФ. 2021. № 2 (ч. I). Ст. 379).

ванные между собой по содержанию, целевому назначению и области применения. Все это затрудняет точное и единое понимание содержания основных норм-дефиниций законодателем, должностными лицами и гражданами, влечет необходимость принятия временных актов, дополнительного толкования, частой корректировки принятых актов управления.

Правоприменительная практика последних лет подтверждает, что отсутствие научно обоснованных и единых понятий и классификаций не только имеет теоретическое значение, но и существенно затрудняет организационную деятельность органов государственного управления на стадиях прогнозирования, планирования и исполнения необходимых организационных, технических, медицинских, координационных и иных мероприятий, что наиболее ярко проявилось в период пандемии COVID-19.

В научной литературе за основу классификации ЧС, как правило, берутся три основные группы причин (источников) их возникновения, это чрезвычайные ситуации: 1) природного характера; 2) техногенного характера; 3) социального характера. Иные классификации можно рассматривать как производные, характеризующие их определенные особенности [14, 15]. По нашему мнению, законодателю целесообразно использовать данную классификацию в законотворческой деятельности при разработке и корректировке правовых актов, регулирующих исследуемую область отношений.

Отсутствие научно обоснованного правового инструментария и слабая нормативная оснащенность в полной мере проявились во время применения мер административного воздействия, в т. ч. мер административного принуждения, для обеспечения установленных ограничений в условиях пандемии. В нормативных актах МЧС России, органов здравоохранения и органов федерального эпидемиологического контроля случаи возникновения опасных инфекционных заболеваний — эпидемий и пандемий — рассматриваются как природно-биологические (природно-социальные, биолого-социальные и др.) явления, которые до сих пор не имеют единой классификации, критериев и точного нормативного определения в федеральном законодательстве и медико-санитарных документах.

Для совершенствования российского законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения при возникновении ЧС биологического характера представляется целесообразным использование отечественных научных разработок [16, с. 216–227] и положительно зарекомендовавших себя международных правовых актов, в т. ч. Международных медико-санитарных правил (2005 г.)¹, содержащих нормативное закрепление основных понятий и форм сотрудничества, понятие чрезвычайной ситуации международного значения. Положительной оценки заслуживает и опыт применения Временного руководства ВОЗ по контролю за распространением COVID-19 на автомобильных пунктах пропуска через границу, определивших порядок совместного назначения пунктов въезда автотранспорта сопредельными государствами и наделения их функциями принятия установленных мер по профилактике и борьбе с опасными инфекциями [17].

Представляется, что законодатель до сих пор не предпринял все необходимые усилия по совершенствованию федеральных законов и иных правовых актов Российской Федерации для создания эффективного механизма правового регулирования отношений при возникновении ЧС биологического характера. На многочисленные пробелы и противоречия федерального законодательства в исследуемой сфере обращают внимание специалисты, анализирующие актуальные проблемы управления в условиях чрезвычайных ситуаций [18, с. 20–22], изучающие проблемы обеспечения конституционных прав граждан в условиях пандемии [19, с. 143–147] и особенности применения мер уголовной и административной ответственности в условиях ограничений, связанных с пандемией [20, с. 215–231] и др.

Практика и правомерность применения мер обеспечения режима готовности, предусмотренного п. «б» ч. 6 ст. 4.1. ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», до сих пор вызывают много вопросов у юристов и граждан. Например, почему вводится *режим готовности* в случае официального объявления эпидемии или пандемии, а не *режим чрезвычайной ситуации*?

¹ Приняты в г. Женеве 23 мая 2005 г. Резолюцией ВНА58.3 на 8-ом пленарном заседании 58-ой сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения.

чайной ситуации, вводимый при возникновении и ликвидации самой чрезвычайной ситуации (пандемии), который предусмотрен п. «в» ч. 6 ст. 4.1 рассматриваемого закона? Почему в полном объеме не вводятся правовой режим и меры карантина, каким силами и средствами, кто и в каком порядке должен осуществлять ограничительные мероприятия, каким правовым статусом обладают новые, в т. ч. электронные, документы, каков статус исполнителей решений многочисленных актов управления и других участников ограничительных мероприятий. Все эти вопросы имеют непосредственное отношение к основным правам и свободам граждан, соблюдению законности при применении мер принуждения для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Много проблем возникает при применении правовых норм, закрепленных в ст. 1, 29, 31 федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», других нормативных правовых актах, где до сих пор нет единого алгоритма деятельности органов публичной власти, медицинских организаций, других задействованных организаций и учреждений по предупреждению распространения инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний. Федеральным законом детально не определены и не разграничены понятия «карантин» и «ограничительные мероприятия», «самоизоляция» и другие нормы, нарушение которых влечет наступление юридической ответственности и ограничение прав граждан, хотя многие международные акты и правила ВОЗ дают точное определение большинству медико-санитарным терминам, применяемым в отечественном и зарубежном законодательстве.

Несовершенство правовых конструкций и противоречивость ст. 6.3, 20.6.1, 10.1-2, 13.15 КоАП РФ, принятых без достаточной проработки, создают почву для конкуренции с нормами уголовного права, например с нормами ст. 207.1, 207.2, 236 УК РФ, и требуют доработки и согласования, на что обоснованно обращают внимание многие исследователи [20, с. 221–222]. Отсутствие надлежащей организационной и правовой готовности субъектов обеспечения безопасности к ЧС биоло-

гического характера, особенно на начальном этапе глобальной пандемии, как показала практика, является одной из причин возвращения к подзаконному, в т. ч. ведомственному, уровню правового регулирования отношений в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина [21, с. 17–30], а также более широкому применению административного и судебного усмотрения в правоприменении.

Как уже было отмечено, целевое назначение, структура и содержание ФЗ от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [10] не учитывали особенности ликвидации ЧС биологического характера. Тем не менее этот закон закрепил правовые и организационные основы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, осуществления организационно-подготовительных, спасательных, аварийно-восстановительных, противопожарных и других мероприятий.

Как показала практика, только необходимость обеспечения законности применения режима повышенной готовности и мер государственного принуждения в условиях сложной эпидемиологической обстановки послужила причиной его дополнения в 2020 г. путем нормативного закрепления нового источника возникновения ЧС биологического характера — инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих (являющихся, по сути, разновидностью опасных природных явлений)¹. Но в этом законе отсутствуют иные необходимые правовые нормы, регламентирующие предупреждение и ликвидацию чрезвычайных ситуаций биологического характера.

Социальные аспекты полномочий полиции в чрезвычайных ситуациях биологического ха-

¹ Единственное дополнение, уточняющее распространение положений рассматриваемого закона на ЧС биологического характера, внесено Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (Собрание законодательства РФ. 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 2028). Все последующие дополнения и изменения закона, принятые в 2020–2021 гг., в основном посвящены вопросам предупреждения и ликвидации последствий техногенных и природных пожаров, безопасности населения на водных объектах.

рактера. Важная роль в предупреждении и ликвидации ЧС биологического характера и восстановлении нормальной жизнедеятельности населения и территорий принадлежит органам внутренних дел Российской Федерации, на которые возлагаются не только задачи обеспечения правопорядка, но и дополнительные функции по обеспечению специальных правовых режимов во время эпидемий (эпизоотий), аварий на опасных биологических объектах. В этих условиях полиция призвана не только обеспечивать соблюдение установленных режимных ограничений, но и, соблюдая меры личной безопасности, оказывать содействие органам государственной власти, помощь гражданам и должностным лицам, участвующим в предотвращении распространения ЧС и ликвидации ее последствий.

Исследования теории и практики деятельности органов внутренних дел при возникновении ЧС показывают, что в этих условиях полиция призвана активно осуществлять не только охранительную, но и социальную функции права в пределах своих полномочий. В ряде норм ФЗ «О полиции» [22] закреплены права и обязанности полиции, не связанные с правонарушениями и иными явлениями криминального характера, т. к. они предназначены для реализации социальной функции в деятельности полиции, которая оказалась особенно востребованной при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Взаимосвязанный комплексный характер регулятивной, охранительной и социальной функций права наиболее точно определяет правовую природу правоохранительной деятельности полиции в однородной «обособленной социальной сфере» [23, с. 88, 94]. Это определение, на наш взгляд, наиболее точно описывает правовую природу функций деятельности полиции в условиях предупреждения и ликвидации последствий ЧС. Такой однородной «обособленной социальной сферой» и являются отношения, складывающиеся вследствие возникновения чрезвычайных ситуаций эпидемиологического характера [24, с. 43–47].

Социальная функция права реализуется посредством нормативного закрепления в полномочиях должностных лиц полиции юридических обязанностей по осуществлению безотлагательных мер, направленных на оказание помощи гражданам в сохранности их имущества и до-

кументов, эвакуации населения в безопасную местность и др. Данные обязанности полиции вытекают из ст. 45, 56, 72 Конституции Российской Федерации, регламентирующих осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями и ликвидации их последствий, гарантирующих государственную защиту жизни, здоровья, собственности, прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации при ЧС.

Так, п. 7 ст. 12 ФЗ «О полиции» обязывает принимать при чрезвычайных ситуациях неотложные меры по спасению граждан, охране имущества, оставшегося без присмотра, содействовать в этих условиях бесперебойной работе спасательных служб, обеспечивать общественный порядок в период проведения карантинных мероприятий при возникновении эпидемий и эпизоотий. Важно отметить, что, возлагая на полицию рассматриваемые обязанности, закон не дает исчерпывающего перечня чрезвычайных ситуаций, требующих неотложного принятия указанных мер. Полиция обязана принимать неотложные меры по спасению людей, оказанию им первой медицинской помощи и охране имущества, оставшегося без присмотра, при возникновении ЧС любого вида.

Правовые нормы, возлагающие на полицию обязанность принимать неотложные меры в ситуациях некриминального характера, закреплены в пунктах 1–3, 19, 29 и 38 ст. 12 ФЗ «О полиции». Они обязывают полицию принимать и регистрировать сообщения о происшествиях, информировать соответствующие органы и должностных лиц, незамедлительно прибывать на места происшествий и устранять угрозы безопасности граждан, оказывать первую помощь лицам, пострадавшим от несчастных случаев. Полиция также обязана оказывать помощь лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья, обеспечивать контроль (надзор) в области безопасности дорожного движения, обеспечивать сохранность найденных и переданных ценностей и другого имущества.

Рассмотренные правовые нормы подтверждают социальную направленность ряда полномо-

чий полиции, кроме того, нормы статей 5, 8–10 ФЗ «О полиции» регламентируют отношения полиции с гражданами и общественными объединениями, что еще раз подчеркивает социальную направленность деятельности полиции. Ярко выраженный социальный характер, по нашему мнению, имеют и правовые нормы пунктов 1, 2, 3, 38 ст. 12 ФЗ «О полиции». Другая группа правовых норм отличается тем, что их содержание сочетает социальные и охранительные функции права, к ним можно отнести нормы ст. 5, 8–10, пунктов 19, 29, 38 ст. 12 ФЗ «О полиции». Эти нормы имеют универсальный характер и могут применяться как в обычных условиях, так и при возникновении ЧС биологического или иного характера.

Анализируя социальный аспект полномочий полиции в экстремальных условиях, необходимо отметить особенность правовых норм пунктов 5, 7, 13, 14, 36 и 37 статьи 13 ФЗ «О полиции», непосредственно применяемых при ЧС, а также универсальное содержание норм пунктов 12, 21 ст. 13 и ст. 16 ФЗ «О полиции». Как показала практика последних лет, все перечисленные правовые нормы оказались широко востребованы во всех регионах страны для проведения предупредительно-профилактических мероприятий, в т. ч. режимных ограничений, в период пандемии коронавируса COVID-19.

В условиях пандемии при проведении масштабных мероприятий по предупреждению распространения опасного инфекционного заболевания высокую актуальность приобрели нормы законодательства о полиции, закрепляющие полномочия ее должностных лиц, сочетающие реализацию охранительной и социальной функций, что позволило успешно решать дополнительные задачи и функции в условиях ЧС биологического характера.

Достаточная правовая оснащенность деятельности полиции в условиях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения позволила успешно применять весь комплекс мер административно-правового воздействия, включая применение мер административного принуждения.

Список источников

1. О биологической безопасности в Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 31.

2. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
4. Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу: Указ Президента РФ от 11.03.2019 № 97 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 11. Ст. 1106.
5. В РАН заявили о продолжении мутации коронавируса. МОСКВА, 9 октября 2022 г. //ТАСС. URL: <https://news.mail.ru/society/53402104/>.
6. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2021 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2022.
7. Основы государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 г. и дальнейшую перспективу: утверждены Указом Президента РФ от 11.03.2019 № 97 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 11. Ст. 1106.
8. О гражданской обороне: федеральный закон от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 799.
9. О Правительстве Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.
10. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.
11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2028.
12. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30 сентября 2019 г. № 1274 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 40. Ст. 5570.
13. Мохов А. А. Принципы правового регулирования государственной модели национального здравоохранения // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 3. С. 85–96.
14. Административное право России. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. профессор Д. Н. Бахрах. М.: Изд-во БЕК, 1997.
15. Административная деятельность органов внутренних дел: учебник: в 2 ч. / под ред. В. П. Сальникова. М.: ЦОКР МВД России, 2005. Ч. II.
16. Сахно А. И. Проблемы кодификации законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 2. С. 216–227. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-2-216-227>.
17. Контроль распространения COVID-19 на автомобильных пунктах пропуска через границу: временное Руководство ВОЗ от 20 мая 2020 г. URL: <https://www.rosпотребнадзор.ru>.
18. Порфирьев Б. Н. Организация управления в чрезвычайных ситуациях // Наука и техника управления. 1989. № 1. С. 20–22.
19. Попов М. Ю., Самыгин П. С., Самыгин С. И. К дискуссии об ограничении прав и свобод человека в условиях пандемии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 143–147. DOI: 10.23672/SAE. 2020/2020/61568/.
20. Коряковцев В. В., Питулько К. В., Сергеева А. А. Установление административной и уголовной ответственности в период действия режима повышенной готовности // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 3. С. 215–231. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).215-231.
21. Варламова Н. В. Пандемия COVID-19 как вызов конституционному правопорядку // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6. С. 17–30.

22. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

23. Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2016.

24. Сахно А. И. Социальные аспекты полномочий полиции в чрезвычайных ситуациях // Актуальные проблемы полицейского права: международная научно-практ. конф-ция, посвященная 100-летию Омской академии МВД России. Омск: Изд-во Омской академии МВД России, 2020. С. 43–47.

References

1. O biologicheskoy bezopasnosti v Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 30.12.2020 № 492-FZ // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2021. № 1 (ch. I). St. 31.

2. O strategicheskoy planirovani v Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 28.06.2014 № 172-FZ (red. ot 31.07.2020) // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2014. № 26 (ch. I). St. 3378.

3. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2021. № 27 (ch. II). St. 5351.

4. Ob Osnovah gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti obespecheniya himicheskoy i biologicheskoy bezopasnosti na period do 2025 goda i dal'nejshuyu perspektivu: Ukaz Prezidenta RF ot 11.03.2019 № 97 // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2019. № 11. St. 1106.

5. V RAN zayavili o prodolzhenii mutacii koronavirusa. MOSKVA, 9 oktyabrya 2022 g. // TASS. URL: <https://news.mail.ru/society/53402104/>.

6. O sostoyanii sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v Rossijskoj Federacii v 2021 godu: Gosudarstvennyj doklad. M.: Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere zashchity prav potrebitelej i blagopoluchiya cheloveka, 2022.

7. Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti obespecheniya himicheskoy i biologicheskoy bezopasnosti na period do 2025 g. i dal'nejshuyu perspektivu: utverzhdeny Ukazom Prezidenta RF ot 11.03.2019 № 97 // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2019. № 11. St. 1106.

8. O grazhdanskoj oborone: federal'nyj zakon ot 12 fevralya 1998 g. № 28-FZ // Sbranie zakonodatel'stva RF. 1998. № 7. St. 799.

9. O Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 6 noyabrya 2020 g. № 4-FKZ // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2020. № 45. St. 7061.

10. O zashchite naseleniya i territorij ot chrezvychajnyh situacij prirodnoho i tekhnogennogo haraktera: federal'nyj zakon ot 21 dekabrya 1994 g. № 68-FZ // Sbranie zakonodatel'stva RF. 1994. № 35. St. 3648.

11. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam preduprezhdeniya i likvidacii chrezvychajnyh situacij: federal'nyj zakon ot 1 aprelya 2020 g. № 98-FZ (red. ot 30.12.2021) // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2020. № 14 (ch. I). St. 2028.

12. O vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva Rossijskoj Federacii: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30 sentyabrya 2019 g. № 1274 // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2019. № 40. St. 5570.

13. Mohov A. A. Principy pravovogo regulirovaniya gosudarstvennoj modeli nacional'nogo zdavoohraneniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. T. 16. № 3. S. 85–96.

14. Administrativnoe pravo Rossii. Osobennaya chast': uchebnik dlya vuzov / otv. red. professor D. N. Bahrah. M.: Izd-vo BEK, 1997.

15. Administrativnaya deyatel'nost' organov vnutrennih del: uchebnik: v 2 ch. / pod red. V. P. Sal'nikova. M.: COKR MVD Rossii, 2005. Ch. II.

16. Sahno A. I. Problemy kodifikacii zakonodatel'stva o sanitarno-epidemiologicheskoy blagopoluchii naseleniya Rossijskoj Federacii // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2021. T. 18. № 2. S. 216–227. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-2-216-227>.

17. Kontrol' rasprostraneniya COVID-19 na avtomobil'nyh punktah propuska cherez granicu: vremennoe Rukovodstvo VOZ ot 20 maya 2020 g. URL: <https://www.rospotrebnadzor.ru>.

18. Porfir'ev B. N. Organizaciya upravleniya v chrezvychajnyh situacijah // Nauka i tekhnika upravleniya. 1989. № 1. S. 20–22.

19. Popov M. Yu., Samygin P. S., Samygin S. I. K diskussii ob ogranichenii prav i svobod cheloveka v usloviyah pandemii // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2020. № 4. S. 143–147. DOI: 10.23672/SAE. 2020/2020/61568/.

20. Koryakovcev V. V., Pitul'ko K. V., Sergeeva A. A. Ustanovlenie administrativnoj i ugolovnoj otvetstvennosti v period dejstviya rezhima povyshennoj gotovnosti // Pravoprimerenie. 2021. T. 5. № 3. S. 215–231. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).215-231.

21. Varlamova N. V. Pandemiya COVID-19 kak vyzov konstitucionnomu pravoporyadku // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2020. № 6. S. 17–30.

22. O policii: federal'nyj zakon ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2011. № 7. St. 900.

23. Rad'ko T. N., Lazarev V. V., Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya bakalavrov. M.: Prospekt, 2016.

24. Sahno A. I. Social'nye aspekty polnomochij policii v chrezvychajnyh situacijah // Aktual'nye problemy policejskogo prava: mezhdunarodnaya nauchno-prakt. konf-ciya, posvyashchennaya 100-letiyu Omskoj akademii MVD Rossii. Omsk: Izd-vo Omskoj akademii MVD Rossii, 2020. S. 43–47.

Информация об авторах

В. В. Головки — доктор юридических наук, профессор.

А. И. Сахно — кандидат юридических наук, доцент.

И. Е. Отческий — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. V. Golovko — Doctor of Science (Law), Professor.

A. I. Sakhno — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

I. E. Otchesky — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 21.03.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 21.03.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 29.05.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 70–75.

Altai Law Journal. 2023. № 2 (42). P. 70–75.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.95

К ВОПРОСУ ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Олег Николаевич Дядькин

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия,
krimvggu@mail.ru

Аннотация. В статье путем анализа статистических данных об административных правонарушениях в области дорожного движения и сопоставления их с числом прекращенных производств по указанным делам обосновывается вывод о необязательности деликвента прибегать к юридической помощи, когда «дорожные» деликты выявляются с помощью технических средств, работающих в автоматическом режиме и оснащенных средствами фиксации. Автор затрагивает проблемы оказания юридической помощи в производстве по делам об административных правонарушениях и предлагает в целях их устранения изменить и дополнить отдельные статьи Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Особое внимание уделяется предлагаемым основаниям обязательного участия защитника в данном производстве, включая случаи, когда юридическая помощь должна оплачиваться из государственного бюджета.

Ключевые слова: правонарушаемость в области дорожного движения, особое производство по делам об административных правонарушениях, обязательность и назначение защитника в деле об административном правонарушении

Для цитирования: Дядькин О. Н. К вопросу оказания юридической помощи в производстве по делам об административных правонарушениях // Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 70–75.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

ON DELIVERING LEGAL SERVICES IN PROCESS OF ADMINISTRATIVE VIOLATION CASES

Oleg N. Dyadkin

Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russia, krimvggu@mail.ru

Abstract. The article, based on the analysis of statistical data on administrative offenses in the field of traffic committed over the past five years in the Russian Federation and their comparing with the number of discontinued proceedings in these cases, suggests the conclusion that it is not necessary for a delinquent to resort to legal assistance when «traffic» torts are detected using technical means operating in automatic mode and equipped with means of fixation. The author touches upon the problems of providing legal assistance in proceedings on cases of administrative offenses and in order to eliminate them proposes to change and supplement certain articles of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. Particular attention is paid to the proposed grounds for the mandatory participation of a defense counsel in these proceedings, including cases where legal assistance must be paid from the state budget.

Keywords: offense in the field of traffic, special proceedings in cases of administrative offenses, obligation and appointment of a defense counsel in a case of an administrative offense

For citation: Dyadkin O. N. On delivering legal services in process of administrative violation cases. Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2023;2:70–75 (In Russ.).

В Российской Федерации ежегодно растут показатели административной правонарушаемости. Рассмотрим такие сведения на примере статистики ГИБДД России за последние 5 лет (ее предметом служат административные правонарушения, закрепленные главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), а в его Особой части насчитывается еще 16 глав) [1]. Так, в 2018 г. было возбуждено свыше 131 млн 224 тыс. анализируемых дел об административных правонарушениях, в 2022 г. такой показатель уже превысил рубеж в 204 млн дел, что составило 155 % относительно 2018 г. Другим важным критерием, на наш взгляд, является число прекращенных анализируемых нами дел о правонарушениях. Такой показатель в процентном соотношении к числу возбужденных дел по годам составил: 2018 г. — 0,17; 2019 г. — 0,2; 2020 г. — 0,18; 2021 г. — 0,3; 2022 г. — 0,18. Что интересно, прекращенных дел о правонарушениях, субъект которых определяется при помощи автоматических технических средств, оснащенных средствами фиксации правонарушений, за аналогичный пятилетний период нет. По нашему мнению, с одной стороны, лица, в отношении которых вынесено постановление по делу о правонарушении, торопятся его исполнить в течение 20 дней со дня вынесения. В это время действует правило, позволяющее уплатить половину суммы административного штрафа. С другой стороны, средний арифметический штраф за нарушения ПДД в 2022 г. составил 680,8 руб., что также, по нашему глубокому убеждению, не подталкивает деликвента прибегнуть к юридической помощи.

На основании изложенного можно сделать промежуточный вывод.

1. Приведенные нами статистические данные охватывают административные правонарушения в области дорожного движения (глава 12 КоАП РФ).

2. Дела об административных правонарушениях, выявляемых техническими средствами, за последние 5 лет производством не прекращаются.

3. Вместе с тем ежегодно прекращаются дела о правонарушениях, посягающих на безопасность дорожного движения, но их количество от общего числа возбужденных дел данной категории колеблется от 0,17 до 0,3 %.

Этому имеется логичное объяснение. Во-первых, производство по делам о правонарушениях, выявленных в области дорожного движения или благоустройства территории с помощью технических средств фиксации, получило название «особое». При его осуществлении не составляется протокол об административном правонарушении, при рассмотрении дела нарушитель не присутствует, максимальное наказание может быть только в виде штрафа (даже при наличии санкции за нарушение ПДД в виде лишения права управления транспортным средством назначается максимальный административный штраф в 5 (пять) тысяч рублей), а обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность, во внимание не принимаются. Возникает вопрос, а затраченные денежные средства на оплату юридических услуг в данных случаях оправданы? Так, преysкурant одного из адвокатских образований Владимирской области содержит следующие цифры:

- консультации устные (1 час) — 3000 руб.;
- изучение и анализ материалов дела; письменные консультации — 5000 руб.;
- составление заявлений, жалоб, запросов, справок и т. д. — 5000 руб.;
- сбор (получение) доказательств — 5000 руб.;
- участие в производстве по делам в органах, полномочных возбуждать дела, — 10 000 руб.;
- участие в суде (в одном судебном заседании) — 15 000 руб. [2].

4. Мы убеждены, что фиксация факта нарушения ПДД техническим средством объективно свидетельствует первоначально о наличии события административного правонарушения, а после установления данных о собственнике транспортного средства — и о составе административного правонарушения.

Вместе с тем, помимо незначительных нарушений ПДД, есть множество других случаев привлечения к административной ответственности физического или юридического лица, что может влечь за собой массу негативных последствий, которые не только закреплены в административно-правовых санкциях (крупный размер административного штрафа, административный арест, лишение специального права и др.), но и могут влиять на реализацию трудовых прав, возможность поступить на го-

сударственную службу или приобрести оружие и т. п.

Безусловно, деликвенту, не обладающему юридическими знаниями, умениями и навыками, целесообразно в таких ситуациях обратиться за помощью к квалифицированному специалисту в данной сфере деятельности. Однако при реализации данного права возникает ряд проблем, которые требуют своего преодоления.

Согласно ст. 25.5 КоАП РФ юридическая помощь может быть оказана адвокатом или иным лицом, о чьем участии ходатайствует потерпевший или лицо, в отношении которого ведется производство по делу о правонарушении. Очевидно, что формулировка «иное лицо» видится размытой. И заинтересованный участник, по нашему мнению, не в полной мере осведомлен о психическом состоянии, квалификации и опыте физического лица, не являющегося адвокатом, к которому он обратился по поводу получения юридических услуг. Они различаются по своей сути — юридическую помощь потерпевшему оказывает представитель, лицу, привлекаемому к административной ответственности, — защитник. У них равные права и момент вступления в производство по делам об административных правонарушениях. В научных кругах ведутся дискуссии по поводу оказания юридической помощи.

Во-первых, речь идет о квалификации специалиста по оказанию такой помощи. «Участие в производстве по делу об административном правонарушении в качестве защитника-адвоката как-то гарантирует квалифицированность оказываемой им помощи наличием у него высшего юридического образования, юридического стажа, сдачей квалификационного экзамена, необходимых для получения статуса адвоката, возможной дисциплинарной ответственностью за ненадлежащее оказание юридической помощи» [3, с. 40]. Мы солидарны с такой позицией, т. к. помощь должна оказываться специалистом, обладающим знаниями разных отраслей российского права — публичного и частного. В этой связи предлагаем вернуться к ч. 2 ст. 250 «Защитник и представитель» КоАП РСФСР [4; 5, с. 9], которая позволяла «иному лицу» оказывать юридическую помощь только при условии, что он имеет высшее юридическое образование, соответственно, изменив редакцию ч. 2 ст. 25.5

КоАП РФ, после союза «и» в конце предложения вместо словосочетания «иное лицо» употребить «иное взрослое лицо, имеющее высшее юридическое образование».

Во-вторых, оказывать юридическую помощь могут не только адвокаты. Наша позиция аргументируется денежными суммами, которые выплачиваются адвокатам за их работу по делам об административных правонарушениях.

Например, «среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, в целом по экономике по Владимирской области составляет 49 424 руб. по итогам прошедшего 2022 года» [6]. Как видим из статданных, не каждый может позволить себе оплачивать юридические услуги адвоката. Вместе с тем необходимо заострить внимание на юридических казусах, когда заинтересованным в деле об административном правонарушении участникам (в первую очередь лицу, привлекаемому к административной ответственности) необходимо предоставлять юридическую помощь за счет казны государства.

Российский законодатель пытался исправить данную ситуацию принятием ряда федеральных законов [7, 8, 9], а региональные депутаты — принятием своих законов в данной области общественных отношений [10]. В них закрепляются категории граждан, которым оказывается бесплатная юридическая помощь со стороны Адвокатской палаты области, также перечисляются юридические дела, на которые распространяются данная помощь и ее оплата за счет бюджетных региональных средств. Следует заметить, что основания участия адвокатов при оказании юридической помощи не соприкасаются с делами об административных правонарушениях. В связи с этим встает вопрос об обязательности участия защитника в данном административно-юрисдикционном производстве.

На первоначальном этапе введения данного правового института рекомендуется обосновать необходимость его установления, исходя из специфики ряда дел, их социальной опасности, например по делам, по которым проводится административное расследование; по делам, связанным с потреблением, незаконным оборотом наркотических, психотропных средств; нарушением режима пребывания (проживания) в Рос-

сийской Федерации не гражданином России [11, с. 44]. Как видно из приведенной позиции, речь идет о сложных делах об административно-правовых деликтах и об участии субъектов правонарушений, которые на первый взгляд представляют социальную опасность, но вместе с тем самостоятельно не смогут в полной мере обеспечить самостоятельно защиту в ходе разрешения данного дела.

Мы предлагаем увеличить случаи для обязательного участия именно адвоката, дополнительно предусмотрев среди них имущественное положение лица, в отношении которого ведется производство по делу (соразмерив его с величиной прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации), а также отдельные случаи обязательности участия данного лица в ходе рассмотрения дела о правонарушении. Мы разделяем мнение авторов о том, что «логично применять это правило на практике, когда в силу каких-либо причин гражданин не в состоянии самостоятельно осуществлять полноценную защиту своих интересов либо когда у него нет достаточных средств для оплаты услуг защитника» [12, с. 46].

В соответствии с ч. 3 ст. 25.1 КоАП РФ присутствие деликвента становится обязательным на центральной стадии производства по усмотрению субъекта административной юрисдикции. Также на обязательность участия влияет возможность применения таких административно-правовых санкций, как: административный арест, административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина либо лица без гражданства или обязательные работы. Но при этом, по нашему убеждению, в наибольшей степени затрагивать личность могут назначаемые административный арест и административное выдворение за пределы РФ. В соответствии с ч. 4 ст. 29.6 КоАП РФ «дело об административном правонарушении, совершение которого влечет административный арест либо административное выдворение, рассматривается в день получения протокола об административном правонарушении и других материалов дела, а в отношении лица, подвергнутого административному задержанию, — не позднее 48 часов с момента его задержания».

Данные административные наказания отличаются от других повышенной степенью жест-

кости содержащихся в них правоограничений и лишений в отношении нарушителя — физического лица, а времени при этом для квалифицированной защиты остается мало, по этой причине в такой ситуации участие защитника также должно быть признано обязательным.

В случаях необходимости участия профессионального защитника с учетом имущественного положения физического лица, привлекаемого к административной ответственности, оплату юридических услуг защитника следует производить за счет казны государства. Фактически такой защитник вовлекается в производство об административном правонарушении по прямому указанию (назначению) субъекта административной юрисдикции, как это закреплено в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

В качестве защитника по назначению может быть привлечен только адвокат, процедура определения адвоката по назначению в деле об административном правонарушении аналогична процедуре при оказании бесплатной юридической помощи, определяется Адвокатской палатой субъекта РФ.

В этой связи предлагаем изменить редакцию ст. 24.7 КоАП РФ «Изддержки по делу об административном правонарушении»:

- дополнить часть 1 пунктом 3 в следующей редакции: «сумм, выплачиваемых защитнику, оказывающему юридическую помощь по назначению судьи, органа, должностного лица, в производстве которого находится дело об административном правонарушении»;

- после пункта 1 в части 3 включить пункт 2: «Размер и порядок выплат сумм защитнику, оказывающему юридическую помощь по назначению судьи, органа, должностного лица, в производстве которого находится дело об административном правонарушении, определяются Правительством Российской Федерации».

И в завершение предлагаем обновленную редакцию ст. 25.5 КоАП РФ «Защитник и представитель»:

1. Для оказания юридической помощи лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в производстве по делу об административном правонарушении может участвовать защитник, а для оказания юридической помощи потерпевшему — представитель.

2. В качестве защитника или представителя к участию в производстве по делу об административном правонарушении допускается адвокат или иное взрослое лицо, имеющее высшее юридическое образование.

3. Полномочия адвоката удостоверяются ордером, выданным соответствующим адвокатским образованием. Полномочия иного лица, оказывающего юридическую помощь, удостоверяются доверенностью, оформленной в соответствии с законом.

4. Защитник и представитель допускаются к участию в производстве по делу об административном правонарушении с момента возбуждения дела об административном правонарушении.

5. Защитник и представитель, допущенные к участию в производстве по делу об административном правонарушении, вправе знакомиться со всеми материалами дела, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, участвовать в рассмотрении дела, обжаловать применение мер обеспечения производства по делу, постановление по делу, пользоваться иными процессуальными правами в соответствии с настоящим Кодексом.

6. Обязательное участие защитника признается, когда лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении:

а) не владеет языком, на котором ведется данное производство;

б) в силу психических или физических недостатков не имеет возможности самостоятельно осуществлять защиту;

в) может быть привлечено к административным наказаниям в виде административного ареста или административного выдворения за пределы Российской Федерации;

г) производство по делу об административном правонарушении ведется в форме административного расследования, предусмотренного ст. 28.7 настоящего Кодекса.

7. Если месячный совокупный доход лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, ниже прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации, а участие защитника является обязательным, то защитник оказывает юридическую помощь по назначению судьи, органа, должностного лица, в производстве которого находится дело об административном правонарушении. В качестве защитника для обязательного оказания юридических услуг и по назначению может участвовать только адвокат.

Таким образом, представленные нами дополнения и корректировки в КоАП РФ позволят оптимизировать процессуальный статус лица, в отношении которого ведется производство об административном правонарушении, и реально повлияют на своевременную и оптимальную юридическую защиту в ходе производства по делу, закрепив обязательное участие и участие по назначению субъекта административной юрисдикции адвоката-защитника при оказании юридических услуг данному участнику производства по делам об административных правонарушениях.

Список источников

1. Показатели состояния безопасности дорожного движения в Российской Федерации. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 30.03.2023).

2. Прейскурант ВОКА «ЛИГА» «АК № 3». URL: <http://advokate33.ru/price/> (дата обращения: 21.03.2023).

3. Кисин В. Р. Некоторые проблемы правового регулирования юридической помощи лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении // Административное право и процесс. 2017. № 1. С. 40–44.

4. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20.06.1984) (ред. от 20.03.2001) // Ведомости ВС РСФСР. 1984. № 27. Ст. 909 (утратил силу).

5. Телегин А. С. Представительство в производстве по делам об административных правонарушениях и административном судопроизводстве: сравнительный анализ // Административное право и процесс. 2021. № 4. С. 6–10.

6. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 24.03.2023).

7. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ.

8. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ.

9. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Об оказании бесплатной юридической помощи во Владимирской области: закон Владимирской области от 02.11.2022 № 96-ОЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3300202211020003> (дата обращения: 26.03.2023).

11. Поспелов Б. И. К вопросу об обязательном участии защитника по делу об административном правонарушении // Административное право и процесс. 2012. № 2. С. 43–46.

12. Чумакова О. В. О необходимости назначения защитника по делу об административном правонарушении // Административное право и процесс. 2015. № 5. С. 46–47.

References

1. Pokazateli sostoyaniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (data obrashcheniya: 30.03.2023).

2. Prejskurant VOKA «LIGA» «AK № 3». URL: <http://advokate33.ru/price/> (data obrashcheniya: 21.03.2023).

3. Kisin V. R. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya yuridicheskoy pomoshchi licu, v otnoshenii kotorogo vedetsya proizvodstvo po delu ob administrativnom pravonarushenii // Administrativnoe pravo i process. 2017. № 1. S. 40–44.

4. Kodeks RSFSR ob administrativnyh pravonarusheniyah (utv. VS RSFSR 20.06.1984) (red. ot 20.03.2001) // Vedomosti VS RSFSR. 1984. № 27. St. 909 (utratil silu).

5. Telegin A. S. Predstavitel'stvo v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah i administrativnom sudoproizvodstve: sravnitel'nyj analiz // Administrativnoe pravo i process. 2021. № 4. S. 6–10.

6. Srednemesyachnaya nominal'naya nachislennaya zarabotnaya plata rabotnikov organizacij, ne otnosyashchihsya k sub'ektam malogo predprinimatel'stva. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (data obrashcheniya: 24.03.2023).

7. Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: federal'nyj zakon ot 31.05.2002 № 63-FZ.

8. Ob osnovnyh garantiyah prav rebenka v Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: federal'nyj zakon ot 24.07.1998 № 124-FZ.

9. O besplatnoj yuridicheskoy pomoshchi v Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 324-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

10. Ob okazanii besplatnoj yuridicheskoy pomoshchi vo Vladimirskoj oblasti: zakon Vladimirskoj oblasti ot 02.11.2022 № 96-OZ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3300202211020003> (data obrashcheniya: 26.03.2023).

11. Pospelov B. I. K voprosu ob obyazatel'nom uchastii zashchitnika po delu ob administrativnom pravonarushenii // Administrativnoe pravo i process. 2012. № 2. S. 43–46.

12. Chumakova O. V. O neobhodimosti naznacheniya zashchitnika po delu ob administrativnom pravonarushenii // Administrativnoe pravo i process. 2015. № 5. S. 46–47.

Информация об авторе

О. Н. Дядькин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

O. N. Dyadkin — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.04.2023; одобрена после рецензирования 05.05.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 05.04.2023; approved after reviewing 05.05.2023; accepted for publication 29.05.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 76–81.

Altai Law Journal. 2023. № 2 (42). P. 76–81.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.4

КОНСТИТУЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТИПА (КОНСТИТУЦИЯ СССР 1977 Г.)

Сергей Владимирович Моисеев

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, moiseev-tpg@rambler.ru

Аннотация. Автор проводит анализ особенностей конституции социалистического типа на примере Конституции СССР 1977 г. с учетом точки зрения советских ученых-обществоведов, современников процесса подготовки, принятия и реализации положений Основного Закона Советского государства.

Ключевые слова: конституция, государство, законы, нормативные акты, социализм, конституционные положения

Для цитирования: Моисеев С. В. Конституция социалистического типа (Конституция СССР 1977 г.) // Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 76–81.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

CONSTITUTION OF THE SOCIALIST TYPE (THE CONSTITUTION OF THE USSR OF 1977)

Sergey V. Moiseev

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, moiseev-tpg@rambler.ru

Abstract. The author analyzes the features of the constitution of the socialist type using the example of the Constitution of the USSR of 1977, taking into account the points of view of Soviet social scientists, contemporaries of the process of preparation, adoption and implementation of the provisions of the Basic Law of the Soviet state.

Keywords: constitution, state, laws, regulations, socialism, constitutional provisions

For citation: Moiseev S. V. Constitution of the socialist type (The Constitution of the USSR of 1977). *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;2:76–81 (In Russ.).

Особенности социалистической конституции, созданной на предпоследнем этапе государственного развития СССР, позволяет выявить анализ опыта конституционного строительства в советском государстве. Конституция СССР 1977 г. в достаточной степени раскрывает основные черты основного закона государства социалистического типа. В ней авторы попытались отразить шестидесятилетний опыт истории становления советского государства и достижения в государственно-правовом строительстве. Советскими учеными-обществоведами конституция определялась как юридический и политический документ одновременно, составляющий базу внутренней и внешней политики государства, обозначающий классовую основу, а также цели и задачи государственного развития.

Изучение и анализ особенностей Конституции СССР 1977 г. в качестве основного закона социалистического типа предоставляет возможность для нового понимания процесса генезиса системы власти в нашей стране в новейший период истории. Использование элементов исторического опыта государственно-управленческого развития объективно может обеспечить развитие более эффективных форм деятельности государственных органов в настоящее время.

Конституция СССР 1977 г. раскрывала динамику и статику развития социалистического общества в советском варианте. В документе были отражены нормы и традиции социалистического формата существования общества, его идеология, классовая сущность государства [1, с. 25]. При этом новая конституция характеризовалась особенностями, отражающими соответствующий исторический этап общественного развития.

В обществе, направленном на построение социализма, конституция объективно отражала изменения, произошедшие в классовом составе населения. Конституция СССР 1936 г. определяла социалистическое государство как государство рабочих и крестьян, а вся власть объявлялась властью трудящихся города и деревни [2]. Основной Закон 1977 г. уходил от формулировки классового господства, предполагалось, что все социальные слои восприняли идеологию советского государства, а политическая власть стала общенародной [3]. Однако Конституция 1977 г. сохранила положения, свидетельствующие

о наличии элементов классового подхода, но в рамках идеи об органичном объединении всех социальных слоев в единую общность — советский народ. Новшеством также стало закрепление в новой конституции приоритетного положения коммунистической партии в системе государственного управления. Конституция не ограничилась закреплением отношений исключительно между государством и личностью, предполагалось осуществить внедрение регуляторов по формуле личность–коллектив–общество–государство. В условиях развитого социализма расширение круга конституционного регулирования за счет негосударственной сферы отношений состояло в том, что регулирование такого рода должно было способствовать усилению взаимодействия в развитии всех составных элементов социального механизма. При условном разделении системы социума на идеологическую, экономическую и политическую подсистемы можно предположить, что закрепление в основном законе общих принципов этих подсистем, их взаимосвязи и взаимодействия содействовало прогрессу заложенных возможностей.

Расширение границ конституционного регулирования предопределило появление выводов ряда советских ученых о том, что социалистическая конституция представляет собой основной закон не только государства, но и всего общества [1, с. 28]. В любой социалистической конституции присутствовала специальная глава, посвященная общественному строю, в которой закрепились общественные отношения, не являвшиеся по существу государственными, в частности, касавшиеся личной собственности граждан. Кроме того, в Конституции СССР 1977 г. были представлены нормы-декларации, исторические справки, программные статьи, а также провозглашались общие принципы политики, государственного и общественного строя, были закреплены цели социалистического развития страны.

Нормативный характер данной конституции в определенной степени ставил ее в один ряд с иными актами, прежде всего с законами. Однако она имела свои специфические черты, отличающие ее от других правовых актов. К числу таких советские специалисты относили, в частности, предмет регулирования. В советском обществе не существовало отношений, регулирование которых не основывалось на конститу-

ционных положениях. Второй отличительной чертой конституционного регулирования являлась обобщенность. Обобщенность не была исключительным свойством конституции, но в силу своего положения она характеризовалась наиболее высоким уровнем обобщенности регулируемых отношений. Так, Конституция 1977 г. была гораздо объемней, чем другие правовые акты, содержащиеся, например, в Своде законов СССР, охватывала своими положениями все общество и адресовала их всему обществу. Высокий уровень обобщенности конституционных правоотношений получил свое отражение в двух взаимосвязанных процессах. С одной стороны, в конституцию были включены новые положения с высоким уровнем обобщенности, с другой — конкретные нормы, имевшие менее стабильное содержание, которые со временем переносились в законы. Так, в Конституции СССР 1977 г. указывалось, что общее решение по отдельным вопросам может конкретизироваться в конституциях союзных республик или в обще-союзных законах [1, с. 30].

Важным свойством советской конституции периода развитого социализма являлась ее высшая юридическая сила — система юридического права, являвшаяся «обусловленной экономическим и социальным строем, структурой права, выражавшая внутреннюю согласованность и единство юридических норм данного государства и одновременно содержащая их разделение на соответствующие отрасли» [1, с. 30, 46]. Внутренняя согласованность и структурное единство системы социалистического права предопределялись тем, что ее базой выступала конституция. Конституционные положения способствовали, по мнению советских ученых, согласованности всего правового развития страны и систематизации права. Таким образом, в основном законе взаимодействовали два свойства, заключавшиеся в результатах и достижениях правовой теории и практики предыдущего исторического периода, которые одновременно служили основой для совершенствования права в будущем. Развитие конституционных положений в действовавшем законодательстве имело приоритетное значение для самой конституции, т. к. отсутствие этого фактора сделало бы ее действие малоэффективным. При этом конституция являлась и непосредственно действующим правом.

Конституция вступала в силу после утверждения полностью, в установленном порядке, со всеми статьями, в полном объеме и без ограничений. Но если все положения обладали одинаковой силой, то их реализация проходила поразному. Регулятивное действие ряда статей проявлялось в полной мере в комплексе с другими нормами, которые были закреплены в обычных законах. В самой конституции перечислялись законы, без которых реализация ее статей имела бы затруднительный характер. Инспирирование прогресса социалистического законодательства в СССР в этот исторический период в значительной степени являлась сама конституция.

Конституция СССР 1977 г. имела три группы оснований. Первая включала статьи, содержавшие положения о необходимости принятия соответствующих законов с обязательным исполнением условия издания их на уровне Союза и республик. В числе союзных законов значились акты о гражданстве, о Совете министров, о государственном арбитраже, о Верховном Суде, о прокуратуре [3]. К республиканским относились законы об автономной области и автономном округе [3]. К следующей группе относились статьи, говорившие о закреплении конституционного положения законом, но сам закон не обозначался. Третья группа содержала положения, обуславливающие создание новых законов, не «привязанных» к конкретной статье Основного Закона.

В СССР после принятия Конституции 1977 г. последовала активизация законодательной деятельности, были изданы Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 12 декабря 1977 г. и Постановление Совета Министров СССР от 30 декабря 1977 г., которые определили подготовку около 20 новых союзных законодательных актов и разработку предложений и изменений для внесения в действующее законодательство [4]. На основе Конституции СССР 1977 г. основывалась вся деятельность по созданию Свода законов СССР [5].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о включении в текст конституции положений, имевших программный характер. Этот вопрос решался различным образом в разных государствах. Также существовали отличия в подходах к решению этой проблемы в одной стране на различных исторических этапах государствен-

но-правового развития. Так, в первые советские конституции были вписаны базовые программные положения, но уже при подготовке Конституции СССР 1936 г. подход изменился. В этом случае Основной Закон включил в себя в большей степени положения, отражавшие достижения советского общества за конкретный исторический период.

В Конституции СССР 1977 г. определялась такая высшая цель государства, как создание коммунистического общества на бесклассовой основе, определялись направления процесса совершенствования политической системы, культуры, экономики и других сфер советского государственного строительства. Программные же положения давались в новой конституции в ограниченном формате. Предполагалось, что конституция не будет дополнять или изменять программные положения, а установит разработанные на их основе правовые регулятивные конструкции общественных отношений в качестве основ для прогресса существующего социума. Программные положения в целом определяли стратегические векторы и цели общественного развития. Институты и процессы, которые предусматривались данной конституцией, не должны были самостоятельно функционировать, а оценка их эффективности не определялась исключительно формальными критериями. Создатели конституции определяли главную ее функцию в обеспечении институтов и процедур, направленных на достижение позитивных результатов.

По мнению разработчиков, Конституция СССР 1977 г. как закон социалистического типа являлась народной. Народность была обусловлена социалистическим строем государства и демократической формой привлечения населения к процедуре создания конституции. Практика этого процесса была заложена в первые годы существования советской власти. Проект Конституции РСФСР 1918 г. на равноуровневых съездах Советов, проект Конституции СССР 1924 г. до его утверждения на съезде Советов СССР рассматривались на съездах в союзных республиках, проект Конституции 1936 г. проходил через всенародное обсуждение. Проект Конституции СССР 1977 г. также обсуждался населением страны. В этой процедуре приняли участие 140 миллионов человек [1, с. 34].

После принятия Конституции СССР 1977 г. в среде советских обществоведов появились вопросы, связанные с изучением функционирования единой системы конституций. В связи с этим возник интерес к исследованию содержания системных элементов действующих в этот период республиканских конституций различного уровня в рамках целостного механизма конституционного регулирования. В процессе государственного и правового развития советского государства особое значение придавалось раскрытию содержательных характеристик регулирования с целью придания ему максимально возможной эффективности в условиях советской федерации.

Анализ закономерностей развития конституционной системы предполагал формирование понимания развития всей правовой системы СССР. Конституционную систему советские ученые определяли как центр правовой системы, в которой проявлялись стратегические направления и формы правового развития. Конвергенция всех действовавших советских конституций в единую конструкцию имела объективный характер. Детерминирующими факторами этого процесса являлись: общность экономических, политических, социальных и идеологических условий развития СССР в целом, а также союзных и автономных республик, входящих в его состав; единство целей; основополагающие принципы советской федерации и автономии, прогрессирующий интернационализм. Совершенствование советской полинациональной государственности должно было свидетельствовать в пользу усиления системообразующих связей между республиканскими конституциями и Основным Законом СССР, развития внутренней согласованности и целенаправленности [1, с. 35].

Первая Конституция РСФСР 1918 г. стала моделью для конституционного строительства в других советских республиках. Уровень ее воздействия в качестве примера определялся аналогией условий их возникновения и развития, взаимодействием в достижении целей. III съезд большевиков Украины, рассматривая вопрос о разработке конституции УССР, рекомендовал съезду Советов республики взять за основу Конституцию РСФСР 1918 г., но с учетом украинской специфики [1, с. 35]. Обращаясь к особенностям конституционной системы,

сформировавшейся после создания СССР, стоит отметить, что советские исследователи акцентировали внимание на направленности Конституции СССР 1924 г. на закрепление главной цели заключенного государственного союза. Это определило спектр положений, обозначенных в основном законе, в котором приоритет сохранялся за вопросами, связанными со структурой союзного государства, с взаимоотношениями Союза с вошедшими в него республиками. В союзной конституции были определены основы организации и деятельности союзных органов государственной власти и управления, устанавливалось право союзных республик на принятие собственных конституций, содержание которых не могло противоречить общесоюзной конституции.

В Конституции СССР 1924 г. отсутствовали специальные разделы, посвященные принципам социального устройства и государственного строя, задачам и целям деятельности советских органов, статусу гражданина [6]. Все это нашло отражение в Конституции РСФСР 1925 г. и в конституциях союзных республик [7]. В результате конституционная система, сложившаяся после создания СССР, состояла из республиканских конституций и союзного основного закона.

В Конституции СССР 1936 г. были вписаны главы «Общественное устройство», «Местные органы государственной власти», «Суд и прокуратура», «Основные права и обязанности граждан», «Избирательная система», которые в определенной степени урегулировали вопро-

сы государственного устройства. К компетенции республиканских конституций были отнесены предметы ведения, содержащие специфику республиканского уровня [2]. Так, была предопределена специфика законодательного материала, закрепленного непосредственно в союзной конституции и в конституциях республик.

Структура Конституции СССР 1977 г. отличалась от структур предыдущих конституций. В новом основном законе страны имелась преамбула, было введено деление текста на главы и разделы. Предназначение преамбулы заключалось в том, что в ней обозначались результаты предшествующего развития советского государства, определялись цели и задачи развития общества. Введение трех глав позволило увеличить объем текста, посвященного конституционному регулированию общественных отношений с учетом специфики их развития. Кроме того, в текст конституции были внесены положения, имевшие программный характер. Однако они не дублировали программных документов КПСС, были представлены в ограниченном формате и в основном определяли направление развития советского общества [8].

Таким образом, по мнению советских обществоведов, Конституция СССР являлась конституцией социалистического типа (народной конституцией). Народность обуславливалась устройством общественной жизни и демократической процедурой привлечения населения страны к разработке и реализации конституции.

Список источников

1. Теоретические основы советской конституции: монография / Б. Н. Топорнин, Т. Е. Абова, И. М. Степанов [и др.]. М.: Наука, 1981. 205 с.
2. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 13.01.2023).
3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 10.01.2023).
4. Об организации работы по приведению законодательных актов СССР и решений Правительства СССР в соответствие с Конституцией СССР: постановление Совмина СССР от 30.12.1977 № 1135 (с изм. от 04.12.1980). URL: <https://e-ecolog.ru/docs/g8a8wGErfBjB5G5sfyf8N?ysclid=ld7clnum145332241> (дата обращения: 11.01.2023).
5. Свод законов СССР. Т. 1. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_b1d693e6-20d8-4023-9334-aedece99f415/?ysclid=lg3sxxv8y4h437972698 (дата обращения: 25.01.2023).

6. Основной Закон (Конституция). Принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 года и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm> (дата обращения: 21.01.2023).

7. Конституция РСФСР 1925 г. URL: <https://k.rsfsr.su/1925/1.pdf> (дата обращения: 24.01.2023).

8. Программа Коммунистической партии Советского Союза. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/74964-programma-kommunisticheskoy-partii-sovetskogo-soyuza-1961-g> (дата обращения: 20.01.2023).

References

1. Teoreticheskie osnovy sovetskoj konstitucii: monografiya / B. N. Topornin, T. E. Abova, I. M. Stepanov [i dr.]. M.: Nauka, 1981. 205 s.

2. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuzu Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik: utverzhdena Chrezvychajnym VIII s'ezdom Sovetov Soyuzu SSR 5 dekabrya 1936 g. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 13.01.2023).

3. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuzu Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik: prinyata na vneocherednoj sed'moj sessii Verhovnogo Soveta SSSR devyatogo sozyva 7 oktyabrya 1977 g. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 10.01.2023).

4. Ob organizacii raboty po privedeniyu zakonodatel'nyh aktov SSSR i reshenij Pravitel'stva SSSR v sootvetstvie s Konstituciej SSSR: postanovlenie Sovmina SSSR ot 30.12.1977 № 1135 (s izm. ot 04.12.1980). URL: <https://e-ecolog.ru/docs/g8a8wGErfBjB5G5sfyf8N?ysclid=ld7clnaum145332241> (дата обращения: 11.01.2023).

5. Svod zakonov SSSR. T. 1. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_b1d693e6-20d8-4023-9334-aedece99f415/?ysclid=lg3sxxv8y4h437972698 (дата обращения: 25.01.2023).

6. Osnovnoj Zakon (Konstituciya). Prinyat vtoroj sessiej CIK SSSR pervogo sozyva 6 iyulya 1923 goda i v okonchatel'noj redakcii II s'ezdom Sovetov SSSR 31 yanvarya 1924 goda. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm> (дата обращения: 21.01.2023).

7. Konstituciya RSFSR 1925 g. URL: <https://k.rsfsr.su/1925/1.pdf> (дата обращения: 24.01.2023).

8. Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuzu. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/74964-programma-kommunisticheskoy-partii-sovetskogo-soyuza-1961-g> (дата обращения: 20.01.2023).

Информация об авторе

C. B. Moiseev — кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

S. V. Moiseev — Candidate of Science (History), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.04.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 05.04.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 29.05.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 82–86.
Altai Law Journal. 2023. № 2 (42). P. 82–86.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 342.74

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Николай Викторович Румянцев^{1,2}, Владимир Вячеславович Журавлев³

¹ Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия

² Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Россия,
rumyantsev.n.v@yandex.ru

³ Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия, vz15111982@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы прохождения государственной службы и реализации мер дисциплинарной ответственности в министерствах и ведомствах, реализующих отдельные правоохранительные функции. В целях построения эффективной административно-правовой модели государственного управления авторами проведен анализ видов дисциплинарной ответственности и порядка их реализации, закрепленный в служебном законодательстве, регламентирующем служебную деятельность МВД России, ФСИН России, Следственного комитета, прокуратуры и таможенных органов, а также предложены пути преодоления существующих проблем.

Ключевые слова: государственная служба, управленческая деятельность, институт дисциплинарной ответственности, административная ответственность, административное усмотрение

Для цитирования: Румянцев Н. В., Журавлев В. В. Дисциплинарная ответственность в системе государственной службы // Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 82–86.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

DISCIPLINARY RESPONSIBILITY IN THE PUBLIC SERVICE SYSTEM

Nikolaj V. Rumjancev^{1,2}, Vladimir V. Zhuravlev³

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikot,
Moscow, Russia

² Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service Russia, Moscow, Russia,
rumyantsev.n.v@yandex.ru

³ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikot,
Moscow, Russia, vz15111982@gmail.com

Abstract. The article deals with topical issues of public service and the implementation of disciplinary measures in ministries and departments implementing certain law enforcement functions. In order to build an effective administrative and legal model of public administration, the authors analyzed the types of disciplinary responsibility and the procedure for their implementation, vested in the official legislation regulating the official activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Federal Penitentiary Service of Russia, the Investigative Committee, the Prosecutor's Office and customs authorities, and also suggested ways to overcome existing problems.

Keywords: civil service, managerial activity, institute of disciplinary responsibility, administrative responsibility, administrative discretion

For citation: Disciplinary responsibility in the public service system. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2023;2:82–86 (In Russ.).

© Румянцев Н. В., Журавлев В. В., 2023

Вопросы совершенствования государственной службы и повышения эффективности управленческой модели деятельности органов власти и их служащих многие годы находятся в центре внимания как высших должностных лиц государства, так и простых граждан. Потребность в их решении определяется необходимостью построения оптимальной административно-правовой модели государственного управления. Рассматриваемый процесс продолжается и сегодня, что, безусловно, определяется его сложностью и значимостью¹.

Особого внимания заслуживают правоотношения в сфере прохождения государственной службы, которые представляют несомненный теоретический и практический интерес. Приоритет их нормативного регулирования не вызывает сомнений, поскольку государственные служащие являются носителями власти. В связи с этим качество выполнения ими своих служебных обязанностей позволяет констатировать уровень эффективности управленческой деятельности в целом.

Согласимся с мнением Н. В. Гуцовой, которая закономерно отмечает, что «особую значи-

мость приобретают вопросы, связанные с ответственностью чиновников за нарушения служебных обязанностей, поскольку, только поставив институт ответственности на должный законодательный и социальный уровень, можно будет говорить о достижении одной из целей реформирования государственной службы в нашем государстве» [1, с. 3].

Одной из наиболее приоритетных сфер, подлежащих регулированию во внутриорганизационной деятельности органов государственной власти, является служебная дисциплина, а основным средством ее поддержания — административно-правовой институт дисциплинарной ответственности. Необходимо подчеркнуть, что существующий на сегодняшний день правовой базис, регулирующий этот вопрос, в системе государственной службы разрознен, противоречив и несовершенен, что, по нашему мнению, не способствует построению целостной модели поддержания служебной дисциплины в органах власти, осуществляющих сходные правоохранительные функции: МВД, ФСИН, ФССП, прокуратуре, Следственном комитете и др.

Анализ действующих нормативных правовых актов, регламентирующих реализацию института дисциплинарной ответственности, позволяет констатировать наличие весьма существенных различий, препятствующих построению унифицированной системы служебно-трудовых отношений и разрешению дисциплинарных споров в органах государственной власти.

Во-первых, виды дисциплинарных взысканий, которые могут быть наложены на государственных служащих различных министерств и ведомств, не являются идентичными. Так, в органах внутренних дел систему мер дисциплинарной ответственности составляют замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, перевод на нижестоящую должность, увольнение². Во многом схожий перечень взысканий (за исключением возможности наложения взыскания в виде перевода на нижестоящую должность) предусмотрен и в нормативных правовых актах, регламентирующих прохождение службы в ФСИН России,

¹ В соответствии с Указом Президента РФ от 15 мая 2018 г. вместо упраздненного Министерства образования и науки РФ были созданы два новых ведомства: Министерство просвещения и Министерство высшего образования и науки. Тем же документом было ликвидировано Федеральное агентство научных организаций, созданное 27 сентября 2013 г. в ходе реформы системы Российской академии наук. Его функции по контролю деятельности академических институтов и организаций, а также по управлению их имуществом перешли к Министерству науки и высшего образования РФ.

В соответствии с Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. «О структуре федеральных органов исполнительной власти» было упразднено Министерство РФ по делам Северного Кавказа, созданное 12 мая 2014 г., а его функции были переданы Министерству экономического развития РФ.

20 ноября 2020 г. в целях «совершенствования государственного управления в сфере цифрового развития, связи и массовых коммуникаций» были упразднены два федеральных агентства — Роспечать и Россвязь. Их функции переданы Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ.

В соответствии с Указом Президента РФ от 20 октября 2022 г. № 759 было упразднено Федеральное агентство по туризму (Ростуризм), а его функции были переданы Минэкономразвития.

В соответствии с Федеральным законом № 236-ФЗ с 1 января 2023 г. ПФР и ФСС России прекратили свое существование. Вместо этих структур появился единый Фонд пенсионного и социального страхования РФ.

² См. ст. 50 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

ФССП и Таможенной службе¹. В свою очередь, система мер дисциплинарной ответственности, предусмотренная законодательством «О прокуратуре Российской Федерации» и «О Следственном комитете Российской Федерации», предполагает возможность наложения взысканий в виде понижения в классном чине (специальном звании) и лишения нагрудных знаков (медалей)².

Во-вторых, служебное законодательство указанных правоохранительных органов по-разному подходит к реализации института дисциплинарной ответственности в отношении курсантов (слушателей) ведомственных учебных заведений высшего образования. Так, в органах внутренних дел в отношении указанной категории должностных лиц законодательно предусмотрена возможность применения таких мер государственного принуждения, как назначение в наряд вне очереди, лишение права на очередное увольнение и отчисление из образовательной организации. Схожая система мер (за исключением взыскания в виде лишения очередного увольнения) реализуется и в образовательных организациях системы ФСИН России. В свою очередь, федеральное законодательство и ведомственные нормативные акты органов прокуратуры и Следственного комитета не предполагают выделение отдельной группы мер дисциплинарной ответственности, реализуемых в отношении слушателей образовательных организаций.

Третьим различием в системе мер дисциплинарной ответственности следует считать возможность наложения взысканий, объявляемых публично, в устной форме. Применение

¹ См. ст. 50 Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"».

См. ст. 48 Федерального закона от 01.10.2019 № 328-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

См. ст. 29 Федерального закона от 21.07.1997 № 114-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О службе в таможенных органах Российской Федерации».

² См. ст. 41.7 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2022) «О прокуратуре Российской Федерации».

См. ст. 28 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О Следственном комитете Российской Федерации».

рассматриваемой категории мер предусмотрено служебным законодательством МВД и ФСИН России, предполагающим возможность объявления замечания или выговора без издания соответствующего приказа, но не регламентируется нормативными правовыми актами органов прокуратуры и Следственного комитета Российской Федерации. В свою очередь, служебное законодательство, регулирующее прохождение службы в таможенных органах, прямо нормативно не закрепляет перечень дисциплинарных взысканий, налагаемых публично в устной форме, однако косвенно упоминает о возможности их применения при рассмотрении вопроса о присвоении очередного специального звания³. Кроме того, уполномоченные руководители (начальники) таможенных органов наделены полномочиями по применению дисциплинарного воздействия в виде объявления подчиненному сотруднику предупреждения о необходимости строгого соблюдения дисциплины [2, с. 73–75].

Следующим важным элементом построения целостной модели государственной службы видится необходимость решения вопроса о разграничении административной и дисциплинарной ответственности сотрудников правоохранительных органов. Порядок его реализации закреплен в ст. 2.5 КоАП РФ, предусматривающей разделение деяний, совершенных сотрудниками Следственного комитета РФ, МВД России, Росгвардии России, ФСИН России, Государственной противопожарной службы и таможенных органов, образующих составы административных правонарушений и дисциплинарных проступков. Анализ положений данной статьи позволяет констатировать наличие следующих существенных коллизий и пробелов в ее содержании.

По нашему мнению, весьма дискуссионным выглядит подход законодателя к выделению деяний, закрепленных в ч. 2 ст. 2.5. КоАП РФ, совершение которых предусматривает общий порядок производства по делам об административных правонарушениях. Так, например, сотрудник ОВД или ФСИН, который при выполнении служебных обязанностей совершил правонару-

³ См. ст. 15 Федерального закона от 21.07.1997 № 114-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О службе в таможенных органах Российской Федерации».

шения, предусмотренные ст. 17.7–17.9¹ КоАП РФ, должен нести бремя административных санкций, несмотря на вполне очевидную необходимость применения к нему именно мер дисциплинарной ответственности. Одновременно, по мнению законодателя, логичными представляются возможность и необходимость возбуждения дисциплинарного производства в отношении сотрудников указанных правоохранительных органов по признакам правонарушений, закрепленных в ст. 13.26, 13.29, 14.3.1, 14.4.1 КоАП РФ² и ряде других, что демонстрирует не в полной мере последовательный правотворческий подход в разграничении административной и дисциплинарной ответственности. Схожая позиция отмечается и в работах других ученых-административистов [2, с. 19].

Нельзя не отметить, что дискуссионным представляется законодательный подход, предоставляющий возможность уполномоченным должностным лицам подменять отдельные виды административной ответственности, такие как конфискация, лишение специального права, запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения, дисциплинарным взысканием. Существующие реалии предполагают, что совершение сотрудником правоохранительного органа правонарушения, связанного с ношением в состоянии

¹ Статья 17.7. Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении

Статья 17.8. Воспрепятствование законной деятельности должностного лица органа, уполномоченного на осуществление функций по принудительному исполнению исполнительных документов и обеспечению установленного порядка деятельности судов

Статья 17.9. Заведомо ложное показание свидетеля, пояснение специалиста, заключение эксперта или заведомо неправильный перевод

² Статья 13.26. Нарушение сроков и (или) порядка доставки (вручения) адресату судебных извещений

Статья 13.29. Заключение договора об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи неуполномоченным лицом

Статья 14.3.1. Спонсорство табака или никотинсодержащей продукции, реклама и стимулирование продажи табака, табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции, устройств для потребления никотинсодержащей продукции или кальянов, стимулирование потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции

Статья 14.4.1. Нарушение требований законодательства в области технического осмотра транспортных средств

опьянения огнестрельного оружия³ и повлекшего его последующее увольнение со службы, не дает правовых оснований для конфискации предмета правонарушения и установления запрета на его приобретение, хранение и ношение на определенный срок и не устраняет тем самым потенциальную общественную опасность их повторного совершения. Приведенный пример позволяет говорить о непропорционально высоком уровне дисциплинарной власти, предоставленной уполномоченным должностным лицам государственных органов.

Обратим внимание, что еще одним проблемным вопросом, характерным для всей государственной службы и требующим решения, является не только объем дисциплинарной власти, но и широта административного усмотрения, делегированная уполномоченным руководителям (начальникам). Не вызывает сомнения, что полная правовая регламентация каждого возможного управленческого решения объективно невозможна, что определяет необходимость предоставления правоприменителю определенной свободы в процессе реализации публичных функций [4, с. 9]. Вместе с тем представляется, что институт административного усмотрения в вопросах разрешения дисциплинарно-трудовых споров чрезмерен. Полномочия руководителей (начальников), предоставляющие возможность злоупотребления дисциплинарной властью в вопросах произвольного назначения вида взыскания или принятия решения об освобождении от юридической ответственности, создают условия для негативной оценки феномена административного усмотрения.

Приведенные примеры демонстрируют существенные различия, существующие в вопросах практической реализации института дисциплинарной ответственности в системе государственной службы, что позволяет констатировать отсутствие на правоустановительном уровне

³ См. часть 4.1. статьи 20.8. Нарушение правил производства, приобретения, продажи, передачи, хранения, ношения, коллекционирования, экспонирования, уничтожения или учета оружия и патронов к нему, а также нарушение правил производства, продажи, хранения, уничтожения или учета взрывчатых веществ и взрывных устройств, пиротехнических изделий, порядка выдачи свидетельства о прохождении подготовки и проверки знания правил безопасного обращения с оружием и наличия навыков безопасного обращения с оружием или медицинских заключений об отсутствии противопоказаний к владению оружием

системного подхода к разрешению дисциплинарно-трудовых споров. Решение обозначенной проблемы видится в унификации служебного законодательства, регулирующего деятельность государственных органов правоохранительной направленности. В связи с этим разумной видится инициатива авторов, обосновывающих необходимость принятия административно-

правовой концепции развития государственной службы в правоохранительной сфере и унифицированного нормативного правового акта, устанавливающего единые условия прохождения государственной службы, в т. ч. в вопросах поддержания служебной дисциплины и привлечения к дисциплинарной ответственности [5, с. 20; 6, с. 21].

Список источников

1. Гущева Н. В. Ответственность чиновников за должностные проступки и преступления по русскому дореволюционному законодательству в XIX — начале XX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 32 с.
2. Пономарева Т. Л. Вопросы совершенствования правового регулирования дисциплинарного производства в таможенных органах Российской Федерации // Административное право и процесс. 2012. № 10. С. 73–75.
3. Колосков А. М. Правовое регулирование дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 28 с.
4. Соловей Ю. П. Усмотрение в административной деятельности советской милиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 25 с.
5. Нагорных Р. В. Административно-правовое регулирование государственной службы в правоохранительной сфере: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 439 с.
6. Добробаба М. Б. Дисциплинарная ответственность в системе государственно-служебных отношений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. 55 с.

Reference

1. Gushcheva N. V. *Otvetstvennost' chinovnikov za dolzhnostnye prostupki i prestupleniya po russkomu dorevolucionnomu zakonodatel'stvu v XIX — nachale XX veka*: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2006. 32 s.
2. Ponomareva T. L. *Voprosy sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya disciplinarnogo proizvodstva v tamozhennykh organakh Rossijskoj Federacii* // *Administrativnoe pravo i process*. 2012. № 10. S. 73–75.
3. Koloskov A. M. *Pravovoe regulirovanie disciplinarnoj otvetstvennosti sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii*: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2011. 28 s.
4. Solovej Yu. P. *Usmotrenie v administrativnoj deyatel'nosti sovetskoj milicii*: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1982. 25 s.
5. Nagornyh R. V. *Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennoj sluzhby v pravoohranitel'noj sfere*: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2016. 439 s.
6. Dobrobaba M. B. *Disciplinarnaya otvetstvennost' v sisteme gosudarstvenno-sluzhebnykh otnoshenij*: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Saratov, 2018. 55 s.

Информация об авторах

Н. В. Румянцев — доктор юридических наук, доцент.

В. В. Журавлев — кандидат юридических наук.

Information about the authors

N. V. Rumjancev — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

V. V. Zhuravlev — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 29.05.2023.

Уголовно-правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 87–92.

Altai Law Journal. 2023. № 2 (42). P. 87–92.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.231

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

Наталья Николаевна Бугера¹, Мария Александровна Малетина²

¹ Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, kpn.76@mail.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, mamaletina85@mail.ru

Аннотация. В рамках статьи проанализировано понятие преступления с точки зрения имеющихся в доктрине уголовного права трех подходов к пониманию его сущности: формального, материального и формально-материального. В результате предметного анализа конститутивных признаков преступления (деяния, его общественной опасности, уголовной противоправности, виновности и наказуемости) авторами был сделан вывод о том, что понятие преступления в уголовном праве является одним из центральных, базовых, пронизывающих всю данную отрасль. Именно признаки преступления в своей совокупности определяют основания для криминализации общественно опасного поведения и формирования законодателем конкретных составов преступлений.

Ключевые слова: преступление, общественная опасность, уголовная противоправность, виновность, наказуемость

Для цитирования: Бугера Н. Н., Малетина М. А. Понятие и признаки преступления по действующему уголовному законодательству России // Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 87–92.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

THE CONCEPT AND SIGNS OF A CRIME UNDER THE CURRENT CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA

Natalia N. Bugera¹, Maria A. Maletina²

¹ Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, kpn.76@mail.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, mamaletina85@mail.ru

Abstract. Within the framework of the article, the concept of a crime is analyzed from the point of view of three approaches to understanding its essence in the doctrine of criminal law: formal, material and formal-material. As a result of a substantive analysis of the constitutive signs of a crime (an act, its public danger, criminal wrongfulness, guilt and punishability), the authors concluded that the concept of a crime in criminal law is one of the central, basic, penetrating the entire industry. It is the signs of a crime in their totality that determine the grounds for the criminalization of socially dangerous behavior and the formation by the legislator of specific offenses.

Keywords: crime, public danger, criminal wrongfulness, guilt, punishability

For citation: Bugera N. N., Maletina M. A. The concept and signs of a crime under the current criminal legislation of Russia. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;2:87–92 (In Russ.).

© Бугера Н. Н., Малетина М. А., 2023

Понятие преступления является важнейшим ключевым институтом в теории уголовного права. От законодательного определения и содержания его признаков зависит решение практически всех других уголовно-правовых вопросов. В доктрине уголовного права выделяются три подхода относительно понимания сущности преступления [1, с. 113].

Для первого подхода характерно формальное его определение, основанное на принципе *nullum crimen sine lege* (нет преступления без указания на то в законе), при котором противоправность относится к основным признакам, а признак общественной опасности отсутствует [2, с. 92–110].

Другой подход (материальный) заключается в том, что общественная опасность деяния указана в определении преступления в качестве обязательного признака, а такой признак, как противоправность, в нем отсутствует [3].

При третьем подходе, традиционном для российского уголовного законодательства, характерно формально-материальное определение преступления, в котором как общественная опасность, так и противоправность относятся к основным признакам преступления [4].

Во многих уголовных кодексах зарубежных стран закреплено формальное определение преступления, согласно которому под преступлением понимается деяние, предусмотренное уголовным законом соответствующего государства. Однако при таком подходе неясно, по какому принципу законодатель признает ту или иную деятельность лица преступной. Формальный признак деяния связан с нормативностью поведения, отражает определенную форму деяния, связывает его с правом [5, с. 14]. Материальный признак преступления позволяет определить критерии, по которым данное деяние является преступным. К ним прежде всего относятся общественная опасность и значимость объекта посягательства. Однако использовать при определении преступления исключительно материальные признаки нельзя. Такой подход имел место в УК РСФСР 1922 г. В нем преступление определялось как действие или бездействие, опасное для рабоче-крестьянского правопорядка. На основании такого определения, руководствуясь только социалистическим (пролетарским) правосознанием, судья мог признать преступлени-

ем любое деяние, которое, по его мнению, представляло опасность для Советского государства [6, с. 100].

Общественная опасность деяния — это признак, который отражает объективное свойство преступления, его социальную сущность и проявляется в способности деяния причинять существенный вред правоохраняемым благам или интересам либо создавать угрозу этого причинения [7, с. 92].

Такой формальный признак преступления, как противоправность, заключается в том, что лишь то общественно опасное деяние может быть признано преступлением, которое непосредственно описано (предусмотрено) в конкретной уголовно-правовой норме. Наличие данного признака исключает возможность применения уголовного закона по аналогии.

Общественная опасность и противоправность тесно взаимосвязаны между собой, поскольку противоправность — это законодательное выражение общественной опасности [8, с. 135].

Таким образом, дефиниция преступления, содержащаяся в ч. 1 ст. 14 УК РФ, отражает формально-материальный подход к данному понятию, поскольку в ней указан как признак общественной опасности, так и признак противоправности.

Невозможно раскрыть *содержание* такого уголовно-правового понятия, как преступление, без предметного рассмотрения его конститутивных признаков. Их глубокий анализ предопределяет функциональное и содержательное значение последних в концептуальной модели общего понятия преступления. Исходя из содержания диспозиции ч. 1 ст. 14 УК РФ, к обязательным признакам преступления относятся: 1) деяние; 2) общественная опасность деяния; 3) уголовная противоправность деяния; 4) виновность лица, совершившего деяние; 5) наказуемость лица, совершившего деяние.

Деяние — это противоправный, общественно опасный, осознанный волевой акт. В философском смысле деяние как явление социальной действительности представляет собой или действие, или бездействие. Деяние включает в себя такие структурные элементы, как телодвижения. Но только такое деяние признается преступным, которое прямо запрещено уголовным законом.

Осознанность как признак деяния означает способность лица понимать фактический характер и общественную опасность своего поведения (т. е. содержания собственных поступков, обстоятельств места и времени, орудий и способа совершения деяния, особенностей развития причинной связи, значимости общественных отношений, выступающих в качестве объекта преступления и др.) [9, с. 115].

В теории уголовного права выделяют две формы, в которых проявляется деяние — действие и бездействие. Обе формы в юридическом смысле равнозначны. Под действием понимается противоправное, общественно опасное, осознанное, волевое поведение лица, в результате которого происходит непосредственное воздействие на объект уголовно-правовой охраны, причиняющее ему существенный вред либо создающее угрозу причинения такого вреда [10, с. 9]. Примерно 90 % всех деяний, указанных в диспозициях норм Особенной части УК РФ, совершается путем действия.

Деяние включает в себя как завершенные действия (бездействие), так и не завершенные по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного, на стадии приготовления или покушения.

Вторую форму деяния — бездействие — традиционно определяют в учебной литературе как пассивную форму поведения (в юридическом смысле, а не в физическом). Под бездействием понимается противоправное, общественно опасное, волевое, осознанное поведение лица, которое непосредственного воздействия на объект уголовно-правовой охраны не оказывает, но не препятствует, во-первых, негативному воздействию на него других источников, во-вторых, вредным самоизменениям в нем, в результате чего объекту причиняется существенный вред либо создается угроза причинения такого вреда [11, с. 149].

Ответственность за указанное поведение наступает только в том случае, если на лицо была возложена обязанность действовать определенным образом, которая вытекала из прямого указания закона, иного нормативного акта, должностного положения и т. п. Вторым обязательным условием привлечения лица к уголовной ответственности за бездействие является наличие у него возможности выполнить существующую обязанность.

Как уже отмечалось, материальным признаком преступления является его общественная опасность. Суть данного признака заключается в потенциальной вредоносности деяния, т. е. в его способности причинять существенный вред охраняемому объекту либо создавать угрозу его причинения.

Так, Г. была осуждена за открытое хищение кошелька стоимостью 180 рублей, в котором находились деньги в сумме 120 рублей. Несмотря на то что материальный ущерб от данного преступления составил всего 300 рублей, суд установил, что Г. с целью хищения имущества К. настигла ее, сбила с ног и уронила на землю, а также нанесла потерпевшей удары ногами, причинив своими действиями повреждения, не повлекшие вреда здоровью. В данном случае применение насилия в отношении потерпевшей нельзя признать не представляющим общественной опасности, поэтому Г. была осуждена за совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ [12].

Общественная опасность как признак преступления носит объективный характер. Это свойство не зависит от сознания и воли человека, однако оно может быть оценено в виде его законодательного закрепления в конкретной уголовно-правовой норме. Если же деяние утрачивает это свойство, оно должно быть исключено из перечня преступлений, т. е. подвергнуто декриминализации.

Степень вредоносности совершаемого деяния зависит от ряда обстоятельств, а именно значимости и ценности объекта правовой охраны, места, времени, обстановки, выбранного способа совершения преступления, формы вины, мотивов и целей, которыми руководствовался субъект преступления, обстоятельств, смягчающих и отягчающих уголовную ответственность. Совокупность вышеперечисленных условий отражает характер и степень общественной опасности деяния [1, с. 113].

Характер общественной опасности совершенного противоправного деяния определяется социальной значимостью объекта преступного посягательства. Под степенью общественной опасности в теории уголовного права понимают меру зловредности, т. е. «меру выраженности вонне характера общественной опасности» [13, с. 77]. Данная категория является производной

от такого признака общественной опасности, как ее характер, а следовательно, преступления одного характера общественной опасности могут существенно отличаться друг от друга степенью общественной опасности.

Следующий признак общественной опасности — ее степень — непосредственно отражается в виде и размере наказания, определяемого в санкции конкретной нормы Особенной части УК РФ. Критериями для определения степени общественной опасности являются: форма вины, способ совершения преступления, время, место, орудия, средства, обстановка совершения преступления, количественные и качественные показатели причиненного вреда, признаки субъекта преступления и др.

Ранее уже отмечалось, что такой признак преступления, как уголовная противоправность, заключается в наличии закрепленного в конкретной уголовно-правовой норме запрета совершать данное деяние под угрозой наказания. Уголовная противоправность и общественная опасность — это взаимообусловленные и взаимосвязанные правовые категории. Сущность признака противоправности деяния выражается в его запрещенности уголовным законом.

Признак противоправности включает в себя учет не только положений Особенной части, но и Общей части УК РФ (например, о соучастии, неоконченном преступлении, возрасте уголовной ответственности и т. д.). Таким образом, этот признак имеет сквозное значение.

Одним из важнейших последствий, вытекающих из признака противоправности, является невозможность применения уголовного закона по аналогии. Данное положение непосредственно отражено в ч. 2 ст. 3 УК РФ («Принцип законности»), где указанный запрет нашел свое законодательное закрепление. Обратной стороной рассматриваемого принципа является недопущение в уголовном законе норм, не отвечающих признакам преступления, т. е. так называемых «нерабочих» статей.

К обязательным признакам преступления также относится виновность, содержание которой раскрывается в ст. 24–28 УК РФ. Деяние является преступным только тогда, когда оно совершено виновно, т. е. умышленно или по неосторожности. Эти две категории, а именно формы вины, отражают всю психическую сторону

сознательно действующего (бездействующего) лица. Включение признака виновности в легальное определение преступления означает внедрение в правоприменительную практику принципа вины, который основан на общеправовом и конституционном принципе, закрепленном в ст. 49 Конституции РФ. Такой признак преступления, как виновность, означает наличие свободы воли, т. е. возможности выбора вариантов своего поведения, принятия решения — нарушать или не нарушать закон. Невинное поведение лица, к каким бы тяжким последствиям оно не привело, не может быть признано преступлением. В связи с этим в действующем законодательстве содержится ст. 28 УК РФ, в которой раскрывается понятие невинного причинения вреда.

Указание в ч. 1 ст. 14 УК РФ на такой обязательный признак, как виновность, отражает запрет на объективное вменение. Недопустимость привлечения к уголовной ответственности за сам факт нарушения уголовно-правового запрета, кроме ч. 1 ст. 14 УК РФ, законодательно закреплена в ст. 5, 24–28 УК РФ. Но, как показывает анализ правоприменительной практики, объективное вменение искоренить полностью пока не удалось. Одной из причин этого является наличие в некоторых нормах Особенной части УК РФ так называемых оценочных понятий. В частности, одним из особо квалифицирующих признаков изнасилования являются тяжкие последствия, которые наступили после совершения данного деяния (п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ). Содержание этого признака нормативно не определено. Указанный признак может быть выражен в виде самоубийства потерпевшей, ее психического расстройства, наступления беременности и др. Такие общественно опасные последствия не только не охватывались сознанием виновного, но и не могли быть им предвидены. Ведь предугадать в этом случае варианты возможного развития событий очень сложно, а иногда просто невозможно. Умысел субъекта преступления при совершении изнасилования направлен на удовлетворение своих сексуальных потребностей. В содержание интеллектуального момента вины не входит предвидение психического расстройства потерпевшей или ее самоубийства. Однако нередко приговоры по делам о преступлениях, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ, свидетельствуют об обратном [14, с. 66].

В дефиниции рассматриваемого понятия нашел свое отражение и такой признак преступления, как наказуемость. Наличие этого признака объясняется внутренней взаимосвязью, единством ключевых понятий уголовного права — преступления и наказания, поскольку все другие уголовно-правовые институты, по нашему мнению, находятся внутри этих двух фундаментальных категорий. Следует отметить, что наказание не является единственным правовым средством реагирования на совершенное преступление, соответственно, наказуемость как признак преступления означает не безусловность наказания, неизбежность его назначения, а реальную угрозу применения этой меры. В части 1 ст. 14 УК РФ подчеркивается: «...под угрозой наказания».

Проведенное исследование понятия и признаков преступления по действующему уголовному законодательству России позволяет нам сформулировать следующие выводы:

1. В уголовном праве понятие преступления является одним из центральных, базовых, ключевых понятий, пронизывающих всю данную отрасль, наряду с понятиями «уголовная ответ-

ственность» и «наказание». Понятие преступления нормативно определено в ч. 1 ст. 14 УК РФ. Учение о преступлении составляет основу всей Общей части уголовного права.

2. На основе общего понятия преступления определяется исчерпывающий перечень деяний, признаваемых конкретными преступлениями. Именно признаки преступления в их совокупности определяют основания для криминализации общественно опасного поведения и формирования конкретных составов преступлений, определяющих основание уголовной ответственности конкретных лиц.

3. Легальное определение понятия преступления во многом влияет на содержание принципов уголовного права. На основе законодательного определения преступления устанавливаются критерии его отграничения от иных правонарушений, а также от аморального поведения. Для признания совершенного деяния преступлением необходимо установить наличие всех четырех признаков в их совокупности, а отсутствие хотя бы одного из них исключает признание содеянного преступлением.

Список источников

1. Тюнин В. И. Понятие и признаки преступления // *Юридическая наука: история и современность*. 2018. № 6. С. 113–128.
2. Львова Е. Ю. Социальная и юридическая сущность преступления (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
3. Епифанова Е. В. Российская уголовно-правовая наука о понятии преступления // *Журнал российского права*. 2008. № 4 (136). С. 55а–63.
4. Марцев А. И. Общественная вредность и общественная опасность преступления // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2001. № 4 (237). С. 148–155.
5. Кудрявцев В. Н. Курс российского уголовного права. М., 2016.
6. Кашанина Т. В., Кашанин А. В. Основы российского права. М., 1996.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / под ред. С. И. Никулина. М., 2019.
8. Курс советского уголовного права: часть Общая: в 6 т.; т. 2: Преступление / под ред. А. А. Пионтковского. М., 1970.
9. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2019.
10. Николаев К. Д. Соотношение содержания понятий «преступление» и «состав преступления» // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2018. № 4. С. 9–16.
11. Кобец П. Н. Понятие и признаки преступления по российскому уголовному законодательству // *Инновационная наука*. 2017. № 1-1. С. 149–150.
12. Справка о результатах обобщения судебной практики применения положений части 2 статьи 14 УК РФ (малозначительность деяния) // *Иркутский областной суд*. URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=431 (дата обращения: 20.04.2023).
13. Козаченко И. Я. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2020.

14. Осипян Б. А. Определение однокорневых понятий «преступление» и «преступность» // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1. С. 66–74.

Reference

1. Tyunin V. I. Ponyatie i priznaki prestupleniya // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2018. № 6. S. 113–128.
2. L'vova E. Yu. Social'naya i yuridicheskaya sushchnost' prestupleniya (voprosy teorii): dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003.
3. Epifanova E. V. Rossijskaya ugovolno-pravovaya nauka o ponyatii prestupleniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2008. № 4 (136). S. 55a–63.
4. Marcev A. I. Obshchestvennaya vrednost' i obshchestvennaya opasnost' prestupleniya // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2001. № 4 (237). S. 148–155.
5. Kudryavcev V. N. Kurs rossijskogo ugovolnogo prava. M., 2016.
6. Kashanina T. V., Kashanin A. V. Osnovy rossijskogo prava. M., 1996.
7. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii s postatejnymi materialami i sudebnoj praktikoj / pod red. S. I. Nikulina. M., 2019.
8. Kurs sovetskogo ugovolnogo prava: chast' Obshchaya: v 6 t.; t. 2: Prestuplenie / pod red. A. A. Piontkovskogo. M., 1970.
9. Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya: uchebnik dlya bakalavrov / otv. red. A. I. Rarog. M., 2019.
10. Nikolaev K. D. Sootnoshenie soderzhaniya ponyatij «prestuplenie» i «sostav prestupleniya» // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2018. № 4. S. 9–16.
11. Kobec P. N. Ponyatie i priznaki prestupleniya po rossijskomu ugovolnomu zakonodatel'stvu // Innovacionnaya nauka. 2017. № 1-1. S. 149–150.
12. Spravka o rezul'tatah obobshcheniya sudebnoj praktiki primeneniya polozhenij chasti 2 stat'i 14 UK RF (maloznachitel'nost' deyaniya) // Irkutskij oblastnoj sud. URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=431 (data obrashcheniya: 20.04.2023).
13. Kozachenko I. Ya. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov / I. Ya. Kozachenko, G. P. Novoselov. 5-e izd., pererab. i dop. M., 2020.
14. Osipyany B. A. Opredelenie odnokornevyh ponyatij «prestuplenie» i «prestupnost'» // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2019. № 1. S. 66–74.

Информация об авторах

Н. Н. Бугера — кандидат юридических наук, доцент.

М. А. Малетина — кандидат юридических наук.

Information about the authors

N. N. Bugera — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

M. A. Maletina — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 05.03.2023; одобрена после рецензирования 11.05.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 05.03.2023; approved after reviewing 11.05.2023; accepted for publication 29.05.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 93–98.

Altai Law Journal. 2023. № 2 (42). P. 93–98.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.97

ПСИХИЧЕСКОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Наталья Валерьевна Вишнякова

Омская академия МВД России, Омск, Россия, vishniakova77@mail.ru

Аннотация. В статье определяется понятие психического принуждения, его сущность и содержание, с учетом положений ст. 39 УК РФ раскрываются условия правомерности причинения вреда при психическом принуждении (общественная опасность принуждения, его наличие и действительность, неустранимость принуждения другими средствами, причинение вреда третьим лицам, причиненный вред должен быть меньшим, чем предотвращенный). Автор иллюстрирует указанные условия примерами из судебной практики, подчеркивая, что для признания причинения вреда правомерным необходимо наличие всех перечисленных условий. Отдельное внимание уделяется проблеме допустимости рассмотрения гипноза в качестве формы психического принуждения. Обосновывается возможность дополнения ч. 1 ст. 40 УК РФ непреодолимым психическим принуждением (гипнозом), исключающим преступность деяния.

Ключевые слова: психическое принуждение, обстоятельства, исключающие преступность деяния, правомерность причинения вреда, крайняя необходимость, гипноз

Для цитирования: Вишнякова Н. В. Психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 93–98.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

MENTAL DURESS AS A VALID DEFENCE

Natalja V. Vishnjakova

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, vishniakova77@mail.ru

Abstract. The article defines the concept of mental duress, its essence and content, taking into account the provisions of Article 39 of the Criminal Code of the Russian Federation, the conditions of the legality of causing harm under mental duress are revealed (the general danger of duress, its existence and validity, the unavoidability of duress by other means, causing harm to third parties, the harm caused should be less than prevented). The author illustrates these conditions with examples from judicial practice, emphasizing that in order to recognize the harm as lawful, it is necessary to meet all of these conditions. Special attention is paid to the problem of the permissibility of considering hypnosis as a form of mental duress. The possibility of supplementing Part 1 of Article 40 of the Criminal Code of the Russian Federation with mental duress (hypnosis) as a valid defence is substantiated.

Keywords: mental duress, valid defence, the legality of causing harm, extreme necessity, hypnosis

For citation: Vishnjakova N. V. Mental duress as a valid defence. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2023;2:93–98 (In Russ.).

Российский законодатель только в двух источниках — современном УК РФ и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. 100) — предусматривал физическое и психическое принуждение как самостоятельное обстоятельство, исключающее преступность деяния. В остальных источниках принуждение рассматривалось как разновидность крайней необходимости.

В правоприменительной практике любого государства немало случаев, когда лицо, совершившее общественно опасное действие или бездействие, утверждает, что находилось под принуждением. Например, став случайным очевидцем убийства, лицо из страха перед угрозой убийства совершает укрывательство данного преступления. Жена наркозависимого, боясь угроз избиения со стороны мужа, покупает для него наркотические средства. Лицо под пытками выдает сведения, составляющие государственную тайну, и др. Можно ли рассматривать данные деяния как совершенные под воздействием принуждения и как их следует оценивать с точки зрения уголовного права?

Для ответа на эти вопросы в первую очередь необходимо разобраться с содержанием принуждения. В уголовном праве под принуждением понимается незаконное, против воли человека физическое или психическое воздействие на него с целью заставить совершить определенные действия или воздержаться от их совершения вопреки своей воле [1, с. 128].

Сущность принуждения выражается в том, что лицу предъявляется преступное требование, подкрепленное определенными действиями — физическим или психическим насилием. Не имеет значения форма доведения до лица преступного требования: наравне с личной устной передачей данной информации вполне возможна письменная форма, передача требования через третьих лиц, по электронной почте и т. д. Главное, чтобы принуждаемый однозначно понял, что от него требуется и что ему «грозит» при невыполнении требования.

Психическое принуждение объективно проявляется в угрозе охраняемым уголовным законом интересам. Это может быть угроза любым насилием: угроза убийством, причинением вреда здоровью, изнасилованием, похищением. Нередко такая угроза может быть выражена

словами: «покалечу», «хуже будет». Угроза может сопровождаться демонстрацией оружия, соответствующими жестами; может касаться близких лиц. Психическое принуждение может выражаться и в угрозах ненасильственного характера (угроза уничтожением, повреждением чужого имущества, угроза распространением позорящих и иных сведений, способных причинить вред законным интересам лица).

В отличие от физического принуждения, которое может быть как непреодолимым, так и преодолимым, психическое принуждение рассматривается законодателем только как преодолимое (у принуждаемого лица сохраняется возможность руководить своими действиями) — ч. 2 ст. 40 УК РФ [2, с. 42–45]. Соответственно, правомерность причинения вреда под воздействием психического принуждения всегда необходимо оценивать по правилам крайней необходимости (ст. 39 УК РФ).

С учетом положений ст. 39 УК РФ правомерным причинение вреда при психическом принуждении можно признать при наличии следующих условий:

1. Общественная опасность принуждения. В результате принуждения создается опасность охраняемым уголовным законом интересам личности (жизни, здоровью, телесной неприкосновенности, свободе физической и половой, неприкосновенности частной жизни, собственности и т. п.). Угроза иным интересам, не являющимся объектом уголовно-правовой охраны, например угроза увольнением или понижением в должности, невыплатой премии, не может рассматриваться в качестве принуждения как обстоятельство, исключающего преступность деяния.

2. Наличие принуждения. Это условие означает, что принуждение имеет место (начато и не окончено). Так, *приговором суда Зуев осужден за вовлечение трех несовершеннолетних в совершение тяжкого преступления, совершенного с применением насилия и с угрозой его применения, и кражи с незаконным проникновением в жилище. Из материалов дела следует, что несовершеннолетние пришли в гости к своей знакомой. Зуев являлся сожителем ее матери. С собой подростки принесли спиртное, которое распили совместно с Зуевым, после чего Зуев предложил им совершить кражу имущества Егельской, проживавшей в соседнем*

доме. Получив отказ, Зуев, угрожая тем, что сбросит их с пятого этажа, нанес им несколько ударов головой в область головы, причинив побои, после чего, угрожая убийством, заставил их совершить совместно с ним кражу, которую они совершили, испугавшись Зуева.

В отношении несовершеннолетних уголовное преследование прекращено на основании ст. 40 УК РФ, поскольку установлено, что деяние совершено ими в результате физического и психического принуждения, принуждение было наличным, поскольку угрозы в адрес несовершеннолетних Зуев высказывал вплоть до проникновения в квартиру потерпевшей.

3. Действительность принуждения — его реальность, существование объективно, а не в воображении лица. Данный признак будет отсутствовать, если лицо, причиняющее вред, само «надумало» для себя наличие угрозы своим интересам. Например, после звонка кредитора, напомнившего о необходимости возврата долга и сказавшего, что в случае невозвращения денег обратится к коллекторам, должник, насмотревшись передач о незаконных действиях последних и боясь причинения ему вреда, совершил хищение денежных средств у знакомого. Отсутствие данного условия можно проиллюстрировать следующим судебным решением.

Давлетова осуждена за заранее не обещанный сбыт имущества, добытого преступным путем, и кражу, предусмотренную п. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Суд установил, что Давлетова со своим сожителем Джураевым пришли в гости к знакомым Соколовой и Татарникову. После совместного распития спиртных напитков Татарников уснул, а между Джураевым и Соколовой произошла ссора, в ходе которой Джураев убил Соколову, затем снял с нее золотые украшения. Давлетова видела убийство и последующую кражу. Когда Джураев сказал ей похитить совместно с ним имущество Татарникова, сделала это. Позже она сдала похищенное имущество Соколовой в ломбард. Из показаний Давлетовой следует, что преступления она совершила из страха перед сожителем. Защита настаивала на применении ст. 39 и 40 УК РФ и оценке деяний Давлетовой как совершенных под воздействием принуждения. Суд отклонил доводы защиты, указав, что психическое принуждение должно быть реальным,

а не кажущимся. Установлено, что Джураев физического насилия к Давлетовой не применял, угроз не высказывал [3].

В тех случаях, когда психическое принуждение было неудачной шуткой, розыгрышем, но воспринималось лицом реально (при невозможности осознания мнимого характера угрозы), правомерность причинения вреда следует оценивать так, как будто угроза была действительной.

4. Неустранимость принуждения другими средствами (вынужденность вреда) — причинение вреда является крайней мерой, лицо не может устранить опасность другими средствами. Отсутствие данного признака чаще всего в судебной практике исключает применение ст. 40 УК РФ. Приведем пример.

Анохов осужден за мошенничество в крупном размере. Из его показаний следует, что он получил кредит по подложному паспорту и справке о доходах, чтобы расплатиться с кредиторами, которые угрожали расправой за неплату долга ему и его семье. Они же забрали у него его паспорт и предоставили поддельный на другое имя. Полученные в кредит деньги он отдал кредиторам, долг по кредиту перед банком погасить не смог в связи с потерей стабильных доходов. Суд в приговоре указал, что в момент оформления заявки на получение кредита непосредственно рядом с ним никто из посторонних не находился, никаких указаний ему не давал, никакого принуждения на него не оказывалось, Анохов не был лишен возможности обратиться с соответствующим заявлением в правоохранительные органы либо в службу безопасности банка. Суд пришел к выводу, что Анохов не был лишен возможности руководить своими действиями в результате физического принуждения, а равно в результате психического принуждения, не действовал в целях устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам Анохова и его семьи, в условиях, когда эта опасность не могла бы быть устранена иными средствами, в связи с чем не усмотрел оснований для освобождения Анохова от ответственности в силу ст. 40 УК РФ [4].

5. Вред причиняется третьим лицам, т. е. не тем, кто принуждает.

6. Причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращенный. Обще-

признанным является то, что вред здоровью менее значительный, чем жизни, вред собственности менее значительный, чем вред здоровью, телесной неприкосновенности и тем более жизни. Но есть соотношение ценности объектов не столь очевидное. Что, например, более ценно — здоровье или интересы государства по охране государственной тайны? Полагаем, что при установлении соотношения предотвращенного и причиненного вреда можно ориентироваться на санкции норм, поскольку они отражают общественную опасность преступления. Впрочем, следует согласиться с В. И. Михайловым в том, что «отнесение того или иного интереса к более или менее важным зависит от особенностей каждого конкретного случая, от социального и правового сознания лица, проводившего такое сопоставление» [5, с. 296]. Обращаем внимание на то, что нельзя причинять не только больший вред, но и равный. Например, причинение смерти другому человеку под воздействием угрозы жизни является преступным, т. к. причиненный вред был бы не меньшим, а равным.

При нарушении хотя бы одного из названных условий уголовная ответственность наступает на общих основаниях, но со смягчающим обстоятельством (п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Одной из проблем исследуемой темы является допустимость рассмотрения гипноза в качестве формы психического принуждения.

В судебной практике встречаются случаи, когда обвиняемые в совершении преступлений утверждают, что совершают их под воздействием гипноза.

Так, Алексеева, являясь заведующей кассой банка, совершила присвоение 20 млн вверенных ей денежных средств при пособничестве Борисовой, которая являлась бухгалтером ООО, сотрудничающего с банком. Алексеева показала, что была загипнотизирована Борисовой, а когда осознала, что произошло, все рассказала руководству банка. Из заключения судебно-психиатрической экспертизы следует, что в период совершения инкриминируемого деяния Алексеева не обнаруживала признаков какого-либо временного психического расстройства, также у нее не отмечалось признаков гипнотического воздействия, для которого характерно трансовое состояние с измененным (суженным) сознанием. По своему психическому состоянию

во время совершения инкриминируемого ей деяния Алексеева могла осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Заявление Алексеевой о том, что в момент совершения правонарушения она находилась под гипнотическим воздействием, следует расценивать как защитную реакцию личности тревожно-мнительного склада, ее стремление уйти от личной ответственности за содеянное [6].

В большинстве изученных нами приговоров суда эксперты не находят признаков гипнотического воздействия, и суды критически оценивают заявления подсудимых об оказанном на них гипнотическом воздействии. Впрочем, есть пример, когда воздействие гипноза было подтверждено экспертами.

11 ноября 2001 г. в Нижнем Новгороде в обеденный перерыв из банка пропали 100 тыс. долларов. Нападения на банк не происходило. Следы взлома в хранилище, откуда пропали деньги, отсутствовали. Подозрение пало на трех лиц, которые имели доступ к хранилищу. Сотрудники Сормовского РОВД установили за ними наблюдение. Вскоре привлекло внимание неадекватное поведение кассира Ирины Кузнецовой. После окончания рабочего дня она не села на свой рейсовый автобус, а направилась в другую сторону, не прекращая говорить сама с собой, без видимых причин то огорчаясь, то радуясь чему-то. Психиатры-криминалисты пришли к заключению, что ее поведение является последствием сильнейшего гипнотического воздействия. Вывести Ирину из этого состояния помогли московские специалисты, проведя сеансы гипнорепродукции. В ходе их проведения было установлено, что Кузнецова сама взяла из хранилища пачку денег, которую впоследствии передала своему сожителю Бабаеву, «будущему мужу», цыгану по национальности. Оказалось, что Бабаев часто проигрывал в азартные игры, а деньги для возмещения долга брал у нее. Будучи не в состоянии компенсировать проигранное, Бабаев стал внушать Ирине, что она должна принести ему деньги из банка. Для усиления гипнабельности он подкладывал в пищу Кузнецовой таблетки галоперидола.

Суд признал вину Кузнецовой в совершении кражи, нахождение под воздействием гипноза учтено в качестве смягчающего обстоятель-

ства. Кузнецову приговорили к лишению свободы в колонии общего режима сроком на пять лет. Бабаев на момент решения суда находился в розыске [7].

Почему состояние гипноза не исключило уголовную ответственность? Дело в том, что гипноз не является психическим расстройством, следовательно, не может рассматриваться в качестве медицинского критерия невменяемости.

Многими учеными гипноз рассматривается как разновидность психического принуждения [8, с. 42]. Одни авторы считают гипноз, не сопровождающийся применением наркотических средств или психотропных веществ, преодолимым принуждением [9, с. 151–153]. Другие допускают возможность признания гипноза в зависимости от интенсивности гипнотического воздействия преодолимым или непреодолимым принуждением [5, с. 337]. Третьи утверждают, что психофизиология гипноза предполагает полное отсутствие волевого критерия загипнотизированного лица, и относят гипноз к непреодолимому психическому принуждению [10, с. 54–57].

Мы разделяем последнюю из указанных позиций. Гипноз следует рассматривать как непреодолимое принуждение в случае полного подавления воли лица. Слабое гипнотическое

воздействие вообще нет оснований рассматривать как принуждение. Однако в ст. 40 УК РФ не предусмотрено непреодолимого психического принуждения, в связи с чем правовые основания исключения уголовной ответственности отсутствуют. Решением этой проблемы могло бы стать дополнение ч. 1 ст. 40 УК РФ непреодолимым психическим принуждением (гипнозом), исключаящим преступность деяния.

Обобщая изложенное, сделаем выводы.

1. В отличие от непреодолимого физического принуждения, безусловно, исключаящего преступность деяния (ч. 1 ст. 40 УК РФ), психическое принуждение следует оценивать с учетом условий правомерности крайней необходимости. Если они все есть, уголовная ответственность исключается. Если нет хотя бы одного условия, лицо подлежит уголовной ответственности, но со смягчающим обстоятельством.

2. Проблема гипноза не имеет правового решения в нормах уголовного закона РФ, судебной практикой состояние гипноза рассматривается как смягчающее обстоятельство. Считаем возможным дополнение ч. 1 ст. 40 УК РФ непреодолимым психическим принуждением (гипнозом), исключаящим преступность деяния.

Список источников

1. Девятковская С. В. Понятие принуждения в российском уголовном праве // Юристъ-Правоведь. 2010. № 2 (39). С. 126–128.
2. Гарбатович Д. А. Преодолимое психическое принуждение (ч. 2 ст. 40 УК РФ) // Российский судья. 2017. № 7. С. 42–45.
3. Приговор Тосненского городского суда (Ленинградская область) № 1-29/2011 от 1 марта 2011 г. по делу № 1-29/2011. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Wk7BAdRpGlmY/> (дата обращения: 28.03.2023).
4. Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска № 1-652/2018 от 17 октября 2018 г. по делу № 1-652/2018. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/4h70kIBpuf6w/> (дата обращения: 28.03.2023).
5. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т.; т. X: Обстоятельства, исключаящие преступность деяния / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2017.
6. Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска № 1-220/2016 от 7 ноября 2016 г. по делу № 1-220/2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/FjAdIcofKNIT/> (дата обращения: 28.03.2023).
7. Криминальный гипноз. Телепередача «Чистосердечное признание». Канал «НТВ». 2006. 25 февраля. // Цит. по: Чечель Г., Седых Л. Особенности квалификации преступления, совершенного загипнотизированным лицом // Уголовное право. 2009. № 3. С. 54–57.
8. Девятковская С. В. Физическое или психическое насилие как составляющие принуждения // Юристъ-Правоведь. 2016. № 4 (77). С. 40–45.
9. Луценко Е. Г., Теслицкий И. В. Преодолимость психического принуждения и уголовная ответственность // Общество и право. 2010. № 1 (28). С. 151–153.

10. Чечель Г., Седых Л. Особенности квалификации преступления, совершенного загипнотизированным лицом // Уголовное право. 2009. № 3. С. 54–57.

Reference

1. Devyatovskaya S. V. Ponyatie prinuzhdeniya v rossijskom ugolovnom prave // Yurist-Pravoved. 2010. № 2 (39). S. 126–128.
2. Garbatovich D. A. Preodolimoe psihicheskoe prinuzhdenie (ch. 2 st. 40 UK RF) // Rossijskij sud'ya. 2017. № 7. S. 42–45.
3. Prigovor Tosnenskogo gorodskogo suda (Leningradskaya oblast') № 1-29/2011 ot 1 marta 2011 g. po delu № 1-29/2011. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Wk7BAdRpGlmY/> (data obrashcheniya: 28.03.2023).
4. Prigovor Leninskogo rajonnogo suda g. Novosibirsk № 1-652/2018 ot 17 oktyabrya 2018 g. po delu № 1-652/2018. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/4h70kIBpuf6w/> (data obrashcheniya: 28.03.2023).
5. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie. Akademicheskij kurs: v 10 t.; t. H: Obstoyatel'stva, iskluchayushchie prestupnost' deyaniya / pod red. dokt. jurid. nauk, prof. N. A. Lopashenko. M.: Yurlitinform, 2017.
6. Prigovor Leninskogo rajonnogo suda g. Ul'yanovsk № 1-220/2016 ot 7 noyabrya 2016 g. po delu № 1-220/2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/FjAdIcofKNIT/> (data obrashcheniya: 28.03.2023).
7. Kriminal'nyj gipnoz. Teleperedacha «Chistoserdechnoe priznanie». Kanal «NTV». 2006. 25 fevralya // Cit. po: Chechel' G., Sedyh L. Osobennosti kvalifikacii prestupleniya, sovershennogo zagipnotizirovannym licom // Ugolovnoe pravo. 2009. № 3. S. 54–57.
8. Devyatovskaya S. V. Fizicheskoe ili psihicheskoe nasilie kak sostavlya-yushchie prinuzhdeniya // Yurist-Pravoved. 2016. № 4 (77). S. 40–45.
9. Lucenko E. G., Teslickij I. V. Preodolimost' psihicheskogo prinuzhdeniya i ugolovnaya otvetstvennost' // Obshchestvo i pravo. 2010. № 1 (28). S. 151–153.
10. Chechel' G., Sedyh L. Osobennosti kvalifikacii prestupleniya, so-vershennogo zagipnotizirovannym licom // Ugolovnoe pravo. 2009. № 3. S. 54–57.

Информация об авторе

Н. В. Вишнякова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

N. V. Vishnjakova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023; одобрена после рецензирования 03.05.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 03.04.2023; approved after reviewing 03.05.2023; accepted for publication 29.05.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 99–106.

Altai Law Journal. 2023. № 2 (42). P. 99–106.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.851

НЕОБХОДИМОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ СВЕДЕНИЙ, РАСПРОСТРАНЯЕМЫХ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, О ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТАХ ТИПА «КОЛУМБАЙН»

Анастасия Валерьевна Гамзина

*Отдел полиции № 7 межмуниципального управления МВД России «Красноярское», Красноярск, Россия,
gamzina_anastasia@bk.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемные аспекты, связанные с деятельностью средств массовой информации, которые могут способствовать пропаганде массовых убийств в учебных заведениях по типу «Колумбайн». На основе анализа работ, посвященных данной проблематике зарубежными и отечественными исследователями, а также проведенных автором самостоятельных исследований обосновывается необходимость законодательного ограничения информации, распространяемой средствами массовой информации, касающейся личности скулшутера и тактики совершенного им нападения, как превентивный шаг, направленный против повторения преступлений подобного вида в будущем.

Ключевые слова: «Колумбайн», скулшутинг, нападения на учебные заведения, средства массовой информации, эффект Вертера, законодательное ограничение освещения сведений

Для цитирования: Гамзина А. В. Необходимость законодательного ограничения сведений, распространяемых средствами массовой информации, о террористических актах типа «Колумбайн» // Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 99–106.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

THE NEED FOR LEGISLATIVE RESTRICTIONS ON INFORMATION PUBLISHED BY THE MASS MEDIA ABOUT TERRORIST ACTS OF THE COLUMBINE TYPE

Anastasija V. Gamzina

Police Department № 7 of Intermunicipal Department of the MIA of Russia «Krasnoyarsk», Krasnoyarsk, Russia, gamzina_anastasia@bk.ru

Abstract. The article examines some problematic aspects related to the activities of the mass media, which can contribute to the propaganda of mass murders in educational institutions of the Columbine type. Based on the analysis of works by foreign and domestic researchers devoted to this problem, as well as independent studies conducted by the author, the necessity of legislative restriction of information published by the mass media concerning the identity of the schoolshooter and the tactics of the attack committed by him is justified as a preventive step against the repetition of crimes of this kind in the future.

Keywords: «Columbine», schoolshooting, attacks on educational institutions, mass media, «Werther effect», legislative restriction of information coverage

For citation: Gamzina A. V. The need for legislative restrictions on information published by the mass media about terrorist acts of the columbine type. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;2:99–106 (In Russ.).

© Гамзина А. В., 2023

За последнее время российское общество было потрясено целым рядом жестоких нападений на учебные заведения. По вполне понятным причинам есть весомые основания полагать, что данные преступления имели в своей основе так называемую «Колумбайн»-идеологию [1, с. 204].

«Колумбайном», или скулшутингом (англ. «школьная стрельба» — А. Г.), принято называть инциденты вооруженных нападений внутри образовательных организаций на обучающихся и (или) педагогов, а также иной персонал школы [2, с. 38].

Социальная опасность, исходящая от идеологии и практики данного движения, огромна, поскольку она посягает на одну из важнейших ценностей любого общества — сохранение жизни и здоровья детей [3, с. 36].

Своим названием «Колумбайн» обязан террористическому акту, произошедшему 20.04.1999 в школе «Колумбайн» (англ. Columbine High School massacre), расположенной в Соединенных Штатах Америки (далее — США), в штате Колорадо, — нападению двух учащихся старших классов на учеников и персонал школы, совершенному с применением стрелкового оружия и самодельных взрывных устройств. Нападавшие убили 13 и ранили ещё 24 человека, после чего покончили с собой [4]. Преступники были поклонниками неонацизма и приурочили нападение ко дню рождения Адольфа Гитлера. Много раз они «моделировали» свой расстрел в компьютерных играх [5].

Необходимо отметить, что, освещая данное и последующие события, мы умышленно не упоминаем имена нападавших на учебные заведения, пусть даже и в научных целях, во избежание косвенной популяризации данного идейного движения, что является неприемлемым. В данном вопросе мы полностью солидарны с позицией ряда исследователей [2, с. 38].

Жестокое массовое убийство в американской школе породило целую субкультуру (идеологию) «Колумбайн». Многочисленные сообщества организовались в социальных сетях. Более того, у данного течения нашлись прямые последователи. В настоящий момент мы можем констатировать то обстоятельство, что преступления, аналогичные случившемуся в США, происходят по всему миру.

Как уже упоминалось ранее, РФ также не обошла печальная статистика. Массовое убийство в Керченском политехническом колледже в октябре 2018 г. [6], расстрел учеников Казанской гимназии в мае 2021 г. [7], а затем в сентябре того же года убийства в Пермском государственном университете [8] — таков далеко не полный список нападений, произошедших в учебных заведениях, за последние несколько лет в нашей стране.

Не меньшее количество преступлений подобного рода не случилось благодаря эффективным превентивным действиям правоохранительных органов. В частности, за последнее время в РФ были предотвращены теракты в образовательных учреждениях Москвы, Тверской области, Крыма, Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Ставропольского края [9].

Рассматривая «Колумбайн» в нашей стране, мы считаем необходимым отметить одну тревожную тенденцию, а именно то обстоятельство, что в восприятии массовых убийств среди пользователей интернета произошла деструктивная трансформация. В частности, если керченский стрелок вызывал у пользователей сети однозначное осуждение, то уже у казанского стрелка, совершившего нападение позднее, в сети нашлись поклонники, которые пытались оправдать преступника [10]. Исходя из этих фактов, мы с сожалением вынуждены констатировать популяризацию среди молодежи РФ рассматриваемой деструктивной идеологии.

Государство должно защищать себя и своих граждан, исходя из чего Стратегией национальной безопасности РФ (п. 41) одним из главных направлений государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу определена реализация мер, направленных на усиление роли государства как гаранта безопасности личности [11].

В данном контексте вполне обоснованным выглядит решение Верховного Суда РФ от 02.02.2022, в котором он, рассмотрев иск Генеральной прокуратуры о признании в нашей стране движения «Колумбайн» террористическим, согласился с позицией надзорного ведомства. Теперь размещение призывов к акциям по типу «Колумбайн» или их репост рассматриваются правоохранительными органами как подготовка террористических актов [12].

Мы считаем, что данный шаг является только одним из первых в ряду необходимых действий, которые нужно предпринять государству в борьбе с идеологией «Колумбайн». Приведем ряд основных мероприятий, которые, по нашему мнению, должны определять вектор деятельности государства в данном направлении (и работа по которым уже ведется):

- усиление контроля, осуществляемого в процессе оперативно-розыскной деятельности правоохранительными органами над интернет-сообществами;
- совершенствование системы безопасности в учебных заведениях;
- ужесточение законодательной базы относительно порядка приобретения и хранения оружия;
- возвращение МВД функции по организации лицензионно-разрешительной работы из ведения Росгвардии;
- регламентация порядка освещения преступлений по типу «Колумбайн» в средствах массовой информации (далее — СМИ).

Последний пункт мы бы хотели рассмотреть более подробно в рамках данной статьи, поскольку считаем его крайне актуальным.

По нашему мнению, учитывая, что деструктивную функцию в пропаганде «Колумбайн» выполняют интернет-сообщества (что признал Верховный Суд РФ), вполне логично предположить, что в неменьшей степени роль в популяризации данной идеологии играют и СМИ. Опасность состоит в том, что представители последних, желая повысить рейтинги программ и изданий, зачастую подробно освещают такого рода события, в т. ч. выдавая личные данные преступника (террориста), невольно его «прославляя», выступая, таким образом, в качестве катализатора последующих аналогичных преступлений.

Подобной точки зрения на данную проблему придерживается большинство исследователей, в первую очередь зарубежных (что объясняется лучшей изученностью «Колумбайн» как явления за границей, тогда как в нашей стране в силу относительной его новизны исследования по нему ещё носят эпизодический характер).

Так, в частности, ряд исследователей считают одним из важных мотивов действий «школьных стрелков» желание повторить резонансные

преступления. При этом отмечается существование явной зависимости между публикациями в СМИ и разными формами насильственного поведения молодежи. По аналогии подобная связь усматривается исследователями и в нападениях в школах [13].

Кроме того, в научных работах приводится обзор нескольких эпизодов, когда скулшутеры сообщали, что «вдохновились» примерами подобных нападений и хотели быть «круче», превзойдя своих предшественников (например, убив больше человек) [14].

Ряд исследователей, изучающих «Колумбайн» непосредственно на его родине — в США, используют в своих работах термин «заражение». Согласно их данным, при совершении террористического акта рассматриваемого типа, благодаря его подробному освещению в СМИ, возникает вероятность его повторения в ближайшее время. Например, согласно их исследованиям для США инцидент является «заразным» в среднем в течение 13 дней [15].

К аналогичным, хотя и более осторожным, выводам о вреде подробного освещения событий по типу «Колумбайн» приходят и отечественные исследователи. Так, в частности, по мнению Д. Г. Давыдова и К. Д. Хломова, СМИ, даже не оказывая прямого влияния на поведение скулшутеров, тем не менее могут предоставлять необходимый материал для фантазий. Стрелки-подражатели часто носят аналогичную одежду и выбирают то же оружие, что у их «героев» [16, с. 69].

Говоря о способах и методах профилактики «Колумбайн» применительно к СМИ и учитывая тот факт, что отследить влияние последних на частоту совершения преступления сравнительно тяжело, нам видится не лишним основания идея обратиться к положительному опыту других стран, касающемуся противостояния другому деструктивному социальному явлению — эффекту Вертера. Данный эффект в силу своей большей распространенности и более раннего обозначения изучен в большей степени, в т. ч. именно в отношении воздействия СМИ на поведение людей. Подобное наше предложение подтверждается и мнениями А. Ю. Карповой и Н. Г. Максимова — распространение «Колумбайн» имеет схожие черты с синдромом Вертера [17, с. 94].

Эффект (синдром) Вертера — массовая волна подражающих самоубийств, которые совершаются после акта суицида, широко освещенного телевидением или другими СМИ либо описанного в популярном произведении литературы или кинематографа. Данная взаимосвязь была выявлена в 1974–1975 гг. американским социологом Д. Филлипсом, который исследовал волну подражающих самоубийств, прокатившуюся по всей Европе в конце XVIII в. и спровоцированную популярным для своего времени романом И. В. Гёте «Страдания юного Вертера» (отсюда и название феномена) [18].

Рассмотрим примеры детально. В начале 1980-х годов в Германии начали транслировать сериал «Смерть студента», каждая серия которого начиналась с того, что студент бросался под поезд в метро. В это же время социологи заметили, что увеличилось число самоубийств молодых людей идентичным способом. За короткий срок количество данных смертей возросло на 175 % среди молодежи от 15 до 19 лет (целевая аудитория сериала). На тот момент это было признано случайностью, но спустя год (после возобновления показа сериала) по стране прокатилась новая волна суицидов.

Психологи предложили пойти на эксперимент и попросили журналистов какое-то время не освещать в новостях подобные случаи, либо умалчивая о них, либо говоря о них вскользь. Число самоубийств упало до прежних показателей. С тех пор в стране подобные случаи стараются не освещать в новостях, чтобы не провоцировать людей на подобные действия [19].

Другой аналогичный пример. В Австрии в 80-е годы XX в. значительно выросло количество самоубийств в метро. В 1987 г. Венский Центр Кризисной помощи совместно с сотрудниками Венского метрополитена пошли на своеобразный эксперимент: было принято решение больше не освещать факты «смерти на рельсах» или по крайней мере не делать из них сенсации, уделяя данным происшествиям минимум внимания. Уже через месяц количество самоубийств в метро снизилось [20; 21, с. 591].

Нам видится вполне обоснованным, что удачный опыт Германии и Австрии можно использовать, транспонируя способы борьбы с эффектом Вертера на противостояние массовым убийствам в учебных заведениях.

В подтверждение этого утверждения также можно привести мнение ряда иностранных исследователей, которые при освещении в СМИ случаев по типу «Колумбайн» рекомендуют применять принципы, используемые при освещении случаев суицида и позволяющие нивелировать эффект Вертера [22].

Кроме того, при освещении «Колумбайн», как считают исследователи, СМИ должны не только уделять меньше внимания личности преступника и его девиантным мотивам, но и свести к минимуму описание тактики нападения [23].

Данная позиция представляется нам также вполне логичной и применимой в условиях нашей страны, ведь если методы и способы действий специальных подразделений, противостоящих террористам, не разглашаются, то и тактика самих террористов не должна афишироваться, дабы не быть вновь используемой преступниками.

Необходимо отметить, что в тех же США, где были предприняты беспрецедентные меры безопасности в учебных заведениях, на законодательном уровне изменений не произошло, все правовые акты носят исключительно рекомендательный характер. Так, например, самый актуальный американский документ федерального уровня разработан в 2013 г. совместно министерствами образования, здравоохранения, национальной безопасности, юстиции и ФБР — «Руководство по разработке высококачественных планов поведения в экстренных ситуациях», он не является обязательным к исполнению в школах и колледжах страны [24, с. 120–121].

Учитывая приведенные выше факты и разделяя мнение Н. Г. Хижнякова, утверждающего, что, внимательно изучая и внедряя опыт зарубежных стран, необходимо обязательно учитывать особенности, присущие нашей стране [25, с. 34], мы считаем, что в данном вопросе необходимо пойти дальше зарубежных законодательных органов. Нам видится крайне важным не ограничиваться рекомендациями, а ввести на законодательном уровне запрет на распространение СМИ информации относительно личных данных преступников и их тактики при совершении террористического акта. Кроме того, мы считаем, что суды над скулшутерами должны иметь закрытый характер.

Высказанные нами предположения об отрицательной функции подробного (любого) освещения СМИ личности скулшутера и тактики, используемой им при совершении преступления, коррелируют с результатами проведенного нами опроса среди сотрудников ОВД (инспекторов подразделений по делам несовершенно-

летних, участковых уполномоченных полиции, оперативников уголовного розыска — 103 человека), а также сотрудников Следственного комитета РФ (24 человека) Красноярского края, Республики Хакасия и Иркутской области. Всего было опрошено 127 респондентов. Результаты исследования приведены в таблице 1.

Таблица 1

Вопросы анкеты	Количество респондентов	
	человек	проценты (округлено по математическим законам до десятых)
1. Оказывают ли СМИ влияние (пусть и косвенное) на распространение идеологии «Колумбайн» в нашей стране? - да - нет - затрудняюсь ответить	122 0 5	96,1 0,0 3,9
2. Вы согласны, что вводить законодательный запрет на распространения СМИ данных о скулшутерах нельзя, т. к. это нарушает положения Конституции о свободе слова и информации, а людей лишает возможности знать правду о подобных преступлениях? - да - нет - затрудняюсь ответить	13 106 8	10,2 83,5 6,3
3. Необходимо ли рекомендовать СМИ свести к минимуму освещение личности преступников и способы совершения преступления по типу «Колумбайн», при этом на законодательном уровне введение подобного запрета излишне? - да - нет - затрудняюсь ответить	13 105 9	10,2 82,7 7,1
4. Вы согласны, что крайне необходимо на законодательном уровне запретить СМИ освещать любые данные о личности преступника, а также использованной им тактике при совершении преступления по типу «Колумбайн»? - да, согласен - скорее да, чем нет - нет, не согласен - скорее нет, чем да - затрудняюсь ответить	101 7 3 7 9	79,5 5,5 2,4 5,5 7,1

Анализ полученных в процессе анкетирования данных позволяет говорить о том, что:

- подавляющее большинство респондентов (122 человека (96,1 %)) согласились с тем

фактом, что средства массовой информации оказывают влияние (пусть и косвенное) на распространение идеологии «Колумбайн» в нашей стране;

- небольшое количество опрошенных (13 человек (10,2 %)) считают, что вводить запрет на распространение СМИ данных о скулшутерах нельзя, т. к. это нарушает положения Конституции РФ о свободе слова и информации, а людей лишает возможности знать правду о подобных преступлениях;

- такое же относительно малое количество опрошенных респондентов (13 человек (10,2 %)) придерживаются мнения, что введение запрета на освещение личности преступников и способы совершения преступления по типу «Колумбайн» на законодательном уровне излишне и можно ограничиться рекомендательным характером для СМИ, сведя преподнесение этой информации для общественности к минимуму (по примеру ряда зарубежных стран);

- большинство из опрошенных (101 человек (79,5 %)) твердо стоят на позиции, что

в современных условиях в РФ необходимо на законодательном уровне запретить СМИ освещать любые данные о личности преступника, а также использованной им тактике при совершении преступления по типу «Колумбайн».

Таким образом, подводя итоги вышеизложенного, мы предлагаем следующие практические меры превентивного характера, направленные против повторения преступлений подобного вида в будущем:

1) на законодательном уровне ввести запрет на освещение в средствах массовой информации любых личных данных преступника и тактических особенностей совершения им преступления по типу «Колумбайн»;

2) процессы над скулшутерами должны иметь характер закрытого судебного разбирательства.

Список источников

1. Круковский В. Е., Мосечкин И. Н. Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 196–215.

2. Пучнин А. В., Пучнина М. Ю. Идеология «Колумбайн» как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 38–43.

3. Самойлов С. Ф., Лапсарь М. В. Правовой анализ элементов состава преступных деяний, совершаемых представителями движения «Колумбайн» // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 4 (54). С. 35–42.

4. Массовое убийство в школе Колумбайн // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовое_убийство_в_школе_«Колумбайн» (дата обращения: 02.02.2022).

5. «Колумбайн»-эффект: Что заставляет школьников расстреливать одноклассников? // Пятый канал. Новости. URL: <https://www.5-tv.ru/news/178557/> (дата обращения: 01.02.2022).

6. Массовое убийство в керченском колледже // Российская газета. URL: <https://rg.ru/sujet/6093/> (дата обращения: 02.02.2022).

7. Стрельба в гимназии в Казани — трагедия, которая потрясла всех // Первый канал. Новости. URL: https://www.1tv.ru/news/2021-05-16/406565-strelba_v_gimnazii_v_kazani_tragediya_kotoraya_potryasla_vseh (дата обращения: 02.02.2022).

8. Трагедия в пермском университете потрясла всю страну // Первый канал. Новости. URL: https://1tv-ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2021-09-26/413691-tragediya_v_permskom_universitete_potryasla_vsyu_stranu (дата обращения: 02.02.2022).

9. Бортников отчитался о предотвращенных в России «Колумбайнах» // РБК. URL: https://www.rbc.ru/society/08/02/2022/620249d49a79476f5b5e131d?utm_medium=referral&utm_source=lentainform&utm_campaign=rbc.ru&utm_term=1297077&utm_content=9999857 (дата обращения: 08.02.2022).

10. В соцсетях выявили сочувствующих преступлению «казанского стрелка» // Аргументы недели. URL: <https://argumenti-ru.turbopages.org/argumenti.ru/s/opinion/2021/05/722498> (дата обращения: 02.02.2022).

11. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Верховный суд признал движение «Колумбайн» террористическим // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/02/02/verhovnyj-sud-priznal-dvizhenie-kolumbajn-terroristicheskim.html> (дата обращения: 02.02.2022).
13. Newman K., & Fox C. (2009). Repeat Tragedy Rampage Shootings in American High School and College Settings, 2002-2008. *American Behavioral Scientist*, 52 (9). P. 1286–1308.
14. Malkki L. (2014). Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and North America. *Terrorism and Political Violence*, 26 (1). P. 185–210.
15. Towers S., Gomez-Lievano A., Khan M., Mubayi A., & Castillo-Chavez C. (2015). Contagion in Mass Killings and School Shootings. *PLoS One*, 10 (7).
16. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4 (32). С. 62–67.
17. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29. № 1. С. 93–108.
18. Энциклопедический словарь юридической психологии. Эффект Вертера // Юридическая психология и не только... URL: <http://yurpsy.com/files/ucheb/enc/ye3.htm> (дата обращения: 08.02.2022).
19. Эффект Вертера. О моде на самоубийства // b17.ru. URL: <https://www.b17.ru/article/vertereffect/> (дата обращения: 02.02.2022).
20. Как работает эффект Вертера // Фактрум. Общество. URL: <https://www.factroom.ru/obshchestvo/werther-effect> (дата обращения: 02.02.2022).
21. Суходолов А. П., Бычкова А. М. Освещение суицидальной тематики в средствах массовой информации в свете правовых ограничений и социальной значимости проблемы // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 4. С. 588–606.
22. Meindl J.N., & Ivy J.W. (2017). Mass shootings: The role of the media in promoting generalized imitation. *American Journal of Public Health*. 107, e1–e3.
23. Dahmen N.S. (2018). Visually Reporting Mass Shootings: U.S. Newspaper Photographic Coverage of Three Mass School Shootings. *American Behavioral Scientist*, 62 (2). P. 163–180.
24. Каберник В. В., Тимофеева О. А. Обеспечение безопасности образовательной среды на примерах США, стран Европы и России // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 4 (43). С. 119–129.
25. Хижняков Н. Г. Милиция в системе исполнительной власти Российской Федерации (теоретические и организационно-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 192 с.

Reference

1. Krukovskij V. E., Mosechkin I. N. Ugolovno-pravovye problemy protivodejstviya deyatel'nosti, napravlennoj na pobuzhdenie k soversheniyu ubijstv i samoubijstv // *Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki*. 2018. № 4. S. 196–215.
2. Puchnin A. V., Puchnina M. Yu. Ideologiya «Kolumbajn» kak ekstremistskaya i terroristicheskaya ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // *Obshchestvo i pravo*. 2021. № 2 (76). S. 38–43.
3. Samojlov S. F., Lapsar' M. V. Pravovoj analiz elementov sostava prestupnyh deyanij, sovershaemyh predstavitel'yami dvizheniya «Kolumbajn» // *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 2021. № 4 (54). S. 35–42.
4. Massovoe ubijstvo v shkole Kolumbajn // *Vikipediya*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Massovoe_ubijstvo_v_shkole_«Kolumbajn» (дата обрaшчeния: 02.02.2022).
5. «Kolumbajn»-effekt: Chto zastavlyayet shkol'nikov rasstrelivat' odnoklassnikov? // *Pyatyj kanal. Novosti*. URL: <https://www.5-tv.ru/news/178557/> (дата обрaшчeния: 01.02.2022).
6. Massovoe ubijstvo v kerchenskom kolledzhe // *Rossijskaya gazeta*. URL: <https://rg.ru/sujet/6093/> (дата обрaшчeния: 02.02.2022).
7. Strel'ba v gimnazii v Kazani — tragediya, kotoraya potryasla vsekh // *Pervyj kanal. Novosti*. URL: https://www.1tv.ru/news/2021-05-16/406565-strelba_v_gimnazii_v_kazani_tragediya_kotoraya_potryasla_vseh (дата обрaшчeния: 02.02.2022).

8. Tragediya v permskom universitete potryasla vsyu stranu // Pervyj kanal. Novosti. URL: https://1tv.ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2021-09-26/413691-tragediya_v_permskom_universitete_potryasla_vsyu_stranu (data obrashcheniya: 02.02.2022).
9. Bortnikov otchitalsya o predotvrashchennyh v Rossii «Kolumbajnah» // RBK. URL: https://www.rbc.ru/society/08/02/2022/620249d49a79476f5b5e131d?utm_medium=referral&utm_source=lentainform&utm_campaign=rbc.ru&utm_term=1297077&utm_content=9999857 (data obrashcheniya: 08.02.2022).
10. V socetyah vyyavili sochuvstvuyushchih prestupleniyu «kazanskogo strelka» // Argumenty nedeli. URL: <https://argumenti-ru.turbopages.org/argumenti.ru/s/opinion/2021/05/722498> (data obrashcheniya: 02.02.2022).
11. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400. Dostup iz sprav. -pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
12. Verhovnyj sud priznal dvizhenie «Kolumbajn» terroristicheskim // Rossijskaya gazeta. URL: <https://rg.ru/2022/02/02/verhovnyj-sud-priznal-dvizhenie-kolumbajn-terroristicheskim.html> (data obrashcheniya: 02.02.2022).
13. Newman K., & Fox C. (2009). Repeat Tragedy Rampage Shootings in American High School and College Settings, 2002-2008. *American Behavioral Scientist*, 52 (9). P. 1286–1308.
14. Malkki L. (2014). Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and North America. *Terrorism and Political Violence*, 26 (1). P. 185–210.
15. Towers S., Gomez-Lievano A., Khan M., Mubayi A., & Castillo-Chavez C. (2015). Contagion in Mass Killings and School Shootings. *PLoS One*, 10 (7).
16. Davydov D. G., Hlomov K. D. Massovye ubijstva v obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah: mekhanizmy, prichiny, profilaktika // *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*. 2018. № 4 (32). S. 62–67.
17. Karpova A. Yu., Maksimova N. G. Skulshuting v Rossii: chto imeet znachenie? // *Vlast'*. 2021. T. 29. № 1. S. 93–108.
18. Enciklopedicheskij slovar' yuridicheskoy psihologii. Effekt Vertera // *Yuridicheskaya psihologiya i ne tol'ko...* URL: <http://yurpsy.com/files/ucheb/enc/ye3.htm> (data obrashcheniya: 08.02.2022).
19. Effekt Vertera. O mode na samoubijstva // *b17.ru*. URL: <https://www.b17.ru/article/vertereffect/> (data obrashcheniya: 02.02.2022).
20. Kak rabotaet effekt Vertera // *Faktrum. Obshchestvo*. URL: <https://www.factroom.ru/obshchestvo/werther-effect> (data obrashcheniya: 02.02.2022).
21. Suhodolov A. P., Bychkova A. M. Osveshchenie suicidal'noj tematiki v sredstvakh massovoj informacii v svete pravovyh ogranichenij i social'noj znachimosti problemy // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2016. T. 5. № 4. S. 588–606.
22. Meindl J.N., & Ivy J.W. (2017). Mass shootings: The role of the media in promoting generalized imitation. *American Journal of Public Health*. 107, e1-e3.
23. Dahmen N.S. (2018). Visually Reporting Mass Shootings: U.S. Newspaper Photographic Coverage of Three Mass School Shootings. *American Behavioral Scientist*, 62 (2). P. 163–180.
24. Kabernik V. V., Timofeeva O. A. Obespechenie bezopasnosti obrazovatel'noj sredy na primerah SShA, stran Evropy i Rossii // *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2015. № 4 (43). S. 119–129.
25. Hizhnyakov N. G. Miliciya v sisteme ispolnitel'noj vlasti Rossijskoj Federacii (teoreticheskie i organizacionno-pravovye aspekty): dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1998. 192 s.

Статья поступила в редакцию 08.08.2022; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 08.08.2022; approved after reviewing 26.09.2022, 10.05.2023; accepted for publication 29.05.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 107–114.

Altai Law Journal. 2023. № 2 (42). P. 107–114.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.9:614.2

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Павел Васильевич Елфимов¹, Ольга Павловна Виноградова²

^{1,2} Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

¹ pvelfimov@mail.ru

² olga10vin@mail.ru

Аннотация. В представленной статье авторами обосновывается тезис о том, что социальную обусловленность криминализации ятрогенных преступлений нужно рассматривать с различных позиций. Так, в целом медицинская деятельность представляет собой профессиональную деятельность по оказанию квалифицированной медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических, профилактических мероприятий и др. Проблемным представляется тот факт, что на законодательном уровне существует ряд запретов, обладающих характером императивности. Для того чтобы выработать эффективные меры противодействия преступлениям, совершаемым медицинскими работниками, необходимы анализ сущности данной категории преступлений и определение их системы.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, медицинская помощь, здоровье, преступления, совершенные медицинскими работниками

Для цитирования: Елфимов П. В., Виноградова О. П. К вопросу о социальной обусловленности криминализации ятрогенных преступлений // Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 107–114.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

ON SOCIAL CONDITIONALITY OF CRIMINALIZATION OF IATROGENIC CRIMES

Pavel V. Elfimov¹, Olga P. Vinogradova²

^{1,2} Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia

¹ pvelfimov@mail.ru

² olga10vin@mail.ru

Abstract. In the presented article, the authors sound the thesis that the social conditionality of criminalization of iatrogenic crimes should be considered from different positions. So, in general, medical activity is a professional activity for providing qualified medical care, conducting medical examinations, medical examinations, sanitary and anti-epidemic, preventive measures and others. It seems problematic that there are a number of prohibitions at the legislative level that have the character of imperative. In order to develop effective measures to counteract crimes committed by medical professionals, it is necessary to analyze the essence of this category of crimes and their system definition.

Keywords: iatrogenic crimes, medical care, health, crimes committed by medical workers

For citation: Elfimov P. V., Vinogradova O. P. On social conditionality of criminalization of iatrogenic crimes. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;2:107–114 (In Russ.).

© Елфимов П. В., Виноградова О. П., 2023

В современных условиях стремительного развития системы здравоохранения и медицины расширяются возможности для совершения различных противозаконных манипуляций в медицинской сфере: имплантация эмбрионов, трансплантация органов и пр., которые всегда сопряжены с риском для жизни и здоровья граждан, обратившихся за помощью в данные медицинские учреждения. Следует подчеркнуть, что принятая в Российской Федерации Конституция 1993 г. заложила фундамент конституционно-правовых основ законодательного регулирования общественных отношений в сфере здравоохранения, закрепив право каждого человека на охрану здоровья и получение медицинской помощи, которая оказывается гражданам бесплатно в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения за счет средств соответствующего бюджета [1].

В условиях постоянного развития технологичного научно-технического прогресса идёт к тому, что постоянно появляются новые технологии в сфере оказания квалифицированной медицинской помощи (например, в трансплантологии или репродуктивной сфере), в этой связи возникают вопросы правомерности проведения медицинских экспериментов на людях: использование стволовых клеток, клонирование людей, проведение манипуляций с организмом человека, которые при нарушении специальных правил и стандартов могут представлять опасность для жизни или здоровья пациентов. Однако основным нормативным правовым актом в сфере медицинской деятельности — Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ — содержатся запреты, имеющие характер декларативности. Данный закон устанавливает прямые запреты на совершение купли-продажи тканей и органов человека, на проведение медицинской стерилизации и т.д., но нормы, предусматривающие ответственность за нарушение вышеупомянутых запретов, отсутствуют [2].

Следует отметить, что ятрогения — это медико-правовая дефиниция, имеющая уголовно-правовое значение в случаях виновного нарушения стандартов оказания медицинской помощи или услуг медицинского характера работниками медицины, которое влечет общественно опасные последствия в виде смерти или вреда здоровью лица, обратившегося за помощью к данным спе-

циалистам, — пациента. Проблемы возникают в том, что нужно уметь ограничивать виновные действия медика от невиновного причинения вреда, т. е. несчастных случаев, добросовестного заблуждения медицинского работника, крайней необходимости и других фактов [3].

Деятельность медицинских работников связана напрямую с жизнью и здоровьем людей, обращающихся к ним за помощью, и поэтому она тесно связана с направлением политики государства. Российская Федерация должна контролировать современную медицину и систему здравоохранения для того, чтобы предотвращать совершение ятрогенных преступлений. Полагая, не нужно ограничивать ятрогенные преступления только неосторожными деяниями медиков, результатом действий которых является наступление смерти пациента либо причинение ему вреда здоровью. В основном разногласия в отношении понятия «ятрогенные преступления» заключаются, во-первых, в форме вины (охватывает ли данное понятие умышленные преступления или совершается лишь по неосторожности). Во-вторых, какие составы преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) охватываются понятием «ятрогенные преступления».

Медицинские преступления являются частью системы «здравоохранительных преступлений», т. к. связаны с нарушением только медико-профессиональных, а не служебных обязанностей работников медицины, которые причинили вред здоровью или смерть лица, обратившегося в медицинское учреждение, либо создающих угрозу причинения этих последствий. В настоящее время ятрогенные преступления широко распространены и имеют актуальность для правоохранительной деятельности [4].

Поскольку в России отсутствует система контроля и учета дефектов, возникших при оказании медико-врачебной помощи, поэтому основная информация о врачебных ошибках в России утаивается. Исходя из совокупности всех перечисленных факторов, мы можем заметить, что ответственность медицинских работников снижается, это, в свою очередь, автоматически влечет за собой ухудшение качества оказания медицинской помощи. Часто медики признают, что отсутствие индивидуальной ответственности за какие-то ошибки, связанные с их профессией,

расхолаживает, придаёт чувство безнаказанности, и, как следствие, у медицинских работников появляется чувство того, что можно оказывать помощь менее качественно. Также врачи замалчивают неудобную для них информацию. Главный врач медицинской организации тоже не заинтересован разглашать факты нарушений правил оказания медицинской помощи и оказания услуг медицинского характера для того, чтобы избежать падения репутации медучреждения, а также лично для себя. Например, отчет Лиги защитников пациентов в Российской Федерации определил, что у нас в стране не ведется статистика летальных исходов в сегменте госпиталей. Патологоанатомы отмечают, что около 15 % посмертных и прижизненных диагнозов не сходятся. Это говорит о том, что пациента лечили не от того заболевания, которое было на самом деле и от которого человек умер [5].

Поскольку главная задача медицинских работников — качественное выполнение своих профессиональных функций и оно должно соответствовать стандартам оказания медицинской помощи и соответствующих услуг в данной сфере, то каждый из случаев нарушения данных правил влечёт за собой негативную реакцию в обществе, но, несмотря на это, не все подобного рода случаи получают правовую оценку. Вызвано это тем, что такие преступления являются высоколатентными. Основное количество «медицинских» преступлений специфично тем, что они находятся в разных статьях УК РФ, для них характерно совершение их специальным субъектом — медицинским работником. В региональных информационных центрах невозможно получить статистические данные, т. к. такая возможность ограничена двумя статьями, представляющими специальный субъект (ст. 123, 124 УК РФ).

Многие ученые пытались классифицировать преступления, совершаемые работниками здравоохранения. Так, Н. Е. Крылова придерживается позиции, что ятрогенные преступления нужно подразделять на следующие группы: преступное, ненадлежащее оказание медицинской помощи — ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122 и ст. 123 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) и преступное неоказание медицинской помощи — ст. 124 УК РФ [6].

В. П. Новоселовым ятрогенные преступления классифицированы следующим образом:

- 1) преступления медицинских работников, совершенные против личности;
- 2) преступления медицинских работников, направленные против общественной безопасности и общественного порядка;
- 3) преступления медицинских работников, направленные против государственной власти и правосудия;
- 4) преступления медицинских работников, совершенные в сфере экономики.

Кроме того, В. П. Новоселов разделяет преступления работников здравоохранения, поделив их на профессиональные и должностные преступления. Так, указанные профессиональные преступления принципиально присущи для медицинской деятельности [7].

Следует обратить внимание на заключение Н. А. Огнерубова, который выразил своё мнение тем, что разделил ятрогенные преступления по объекту преступного посягательства:

- 1) преступления против жизни: ч. 1 ст. 105, п. «м» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 109, ст. 124, 235 УК РФ;
- 2) преступления против здоровья: п. «ж» ч. 2 ст. 111, ст. 112, 115, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122, ст. 123, ч. 1, 2 ст. 124, ч. 1 ст. 235, ст. 120 УК РФ;
- 3) преступления против иных конституционных прав и свобод граждан: ч. 2 ст. 128, ст. 137 УК РФ [8].

Что касается выделения ятрогенных преступлений в отдельную группу профессиональных преступлений, то это обуславливается тем, что необходимо разделить уголовную ответственность за те деяния, которые уже криминализованы, а это ч. 2 ст. 109, ст. 118, ч. 4 ст. 122 УК РФ, а также ч. 1 ст. 105, п. «м» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 111, п. «ж» ч. 2 ст. 111, ч. 4 ст. 111, ч. 1 ст. 112, ст. 115, 120, 124, УК РФ, которые совершаются работниками медицины, а также отнести к преступлениям новые виды ятрогений, например незаконные деяния в репродуктивной сфере, трансплантологии, незаконные медицинские эксперименты на людях и др.

А. Г. Кибальник и Я. В. Старостина сошлись во мнении о том, что в современном мире биологический материал имеет достаточно большой вес для различных сфер жизнедеятельности, среди таких сфер также можно выделить теневую сторону — криминал. Авторами отмечен

тот факт, что в современном мире имеет место быстрое развитие технологий и медицины. Этот факт закономерно приводит и к развитию преступности [9]. В связи с этим было бы целесообразно предусмотреть в части 2 статьи 120 УК РФ прямое указание на совершение данного преступления работниками медицины исключительно при выполнении своих профессиональных обязанностей. Данная новелла может позволить систематизировать уголовное законодательство касательно унификации признаков, квалифицирующих специального субъекта преступления.

Уголовно-правовые средства позволяют воздействовать на умышленные и совершенные вследствие ненадлежащего исполнения работником медицины своих профессионально-медицинских обязанностей общественно опасные деяния, которые повлекли за собой причинение смерти или вреда здоровью различной степени тяжести лицу, обратившемуся к данным специалистам за помощью [10]. Если в процессе исполнения медиками своих профессиональных обязанностей был причинен вред здоровью пациента или же смерть, то общество всегда будет к этому негативно относиться.

Безусловно, объективно существующие различия и, как следствие, возникающие противоречия в социальной, экономической, материально-технической, нравственной и иных сферах жизнедеятельности выступают в качестве причин возникновения медицинской преступности. Данные противоречия имеют комплексный характер и обусловлены общесоциальными, экономическими, психологическими и правовыми факторами.

Одной из основных причин экономической сферы противоречий при совершении преступлений медицинскими работниками является несоответствие степени ответственности медиков с их размером оплаты труда. Из рейтинга самых низкооплачиваемых профессий России не уходит профессия врача. Для того чтобы увеличить размер своей заработной платы, врачи вынуждены работать на 1,5–2 ставки по совместительству. Из-за нагрузок сверх нормы у врачей не остается времени для самообразования и для повышения собственной квалификации [11].

Общесоциальным фактором, выступающим в качестве одной из причин ятрогенной пре-

ступности, являются стремительное развитие медицинской техники, научно-технический прогресс в сфере медицины, совершенствование медицинской помощи и расширение её возможностей, а также введение в практику новых высоких технологий, высокоактивных лекарств, вакцин и т. д. С одной стороны, это уменьшает сроки и обеспечивает большую полноту выздоровления лиц, которым требуется медицинская помощь, снижает летальность и инвалидизацию, а также уменьшает возможности для их распространения. С другой же стороны, это увеличивает степень опасности при оказании медицинской помощи, количество болезней, вызванных по вине медицинских работников, и смертности от них. Придание медицинским услугам коммерционного характера приводит к коррумпированности некоторых руководителей медицинских учреждений и отдельно взятых врачей, не желающих оказывать квалифицированную медицинскую помощь бесплатно. Они вынуждают пациентов платить им. Причиной этому служит не только низкая заработная плата медиков, но и отсутствие разделения медицины на платную и бесплатную по учреждениям, субъектам и сферам оказания услуг. Падает престиж профессии медика.

Материально-техническими причинами ятрогенных преступлений являются плохое материальное обеспечение медицинских учреждений, изношенность материальной базы, отсутствие медицинского оборудования. Больницы и поликлиники, принадлежащие государству, особенно это касается сельских медицинских учреждений, нуждаются в оборудовании, отвечающем современным требованиям оказания медицинской помощи и нынешним достижениям медицины и техники. Это оказывает влияние на качество оказания медицинских услуг. Большинство сотрудников медицинских учреждений при опросе показали, что организация, в которой они работают, нуждается в оборудовании, отвечающем современным требованиям и стандартам оказания медицинской помощи и услуг медицинского характера, такой дефицит в материальном обеспечении не позволяет медикам оказывать квалифицированную медицинскую помощь. Устаревшая медицинская техника и, как следствие, неполное медицинское обследование, которое напрямую влияет на качество

лечения, также являются проблемой, требующей скорейшего решения [12].

В качестве психологических причин совершения ятрогенных преступлений выступают такие, как отсутствие позитивной направленности, которая должна присутствовать у каждого работника медицины, на строжайшее исполнение правил предосторожности и безразличие к общественным интересам в данной сфере. Н. В. Попов отмечает, что «некоторые сотрудники лечебных организаций думают, что помощь нужно оказывать только для тех, у кого есть шансы на выздоровление, т. е. в таких случаях можно рассчитывать на успех, а безнадежные больные, умирающие лица не заслуживают лечения и ухода, т. к. считают, что это напрасная трата сил и средств» [13, с. 128]. Нужно заметить, что в обязанности медика, помимо лечения, входит облегчение страданий неизлечимо больных пациентов — паллиативная помощь. Отказ в оказании данной помощи, на наш взгляд, должен повлечь за собой уголовную ответственность.

Также на практике нередко бывают случаи, когда лечащие врачи осуществляют свои обязанности формально, без непосредственного участия обслуживают своих пациентов, совершая тем самым грубейшие нарушения своих профессионально-медицинских обязанностей. Невнимательное исполнение своих обязанностей либо недисциплинированность на рабочем месте, переоценивание медиком своих знаний, навыков и возможностей, излишняя самоуверенность, переработка и, как следствие, перегрузка персонала медицинских учреждений, которая, в свою очередь, ведет к усталости и эмоциональному перенапряжению работников медицины, также являются серьезной проблемой.

Профессиональные медицинские союзы разных стран в последние годы стали активно бороться с «синдромом перегорания» среди лиц, владеющих данной профессией. Физическая, психическая и эмоциональная нагрузки на врачей способствуют эмоциональному выгоранию как реакции организма на длительное воздействие стресса, что, в свою очередь, проявляется в сильном переутомлении и нарушении состояния сил организма медика. К факторам риска «синдрома перегорания» исследователи относят монотонность работы, большую нагрузку на одного со-

трудника, конфликты в трудовых процессах и т. д. Также сказывается отсутствие профессионального опыта, незнание или неумение — недостаточная компетентность, что приводит к нарушению методов осуществления каких-либо операций или определенных действий и манипуляций или же неправильному назначению лекарственного препарата, или неправильному проведению процедуры.

К психологическим причинам возникновения ятрогенной преступности можно также отнести низкий уровень квалификации медицинского персонала. В России общий уровень квалификации медиков ниже, чем в развитых странах. Объяснить это можно тем, что отсутствует надлежащее качественное образование специалистов-врачей определенного профиля, помимо этого, отсутствует возможность повышения квалификации для врачей. 104 медицинских работника из 136 опрошенных считают, что медицинское учреждение, в котором они трудятся, испытывает кадровый голод, не хватает квалифицированного персонала [15, с. 28]. Полагаем, причинами, влияющими на низкую квалификацию сотрудников, являются такие, как отсутствие мотивации и незаинтересованность в обучении самого медицинского персонала, недобросовестность в осуществлении образовательного процесса в медицинских вузах страны, что, в свою очередь, ведет к низкому качеству подготовки будущих работников медицины.

Следует отметить, что в психологию ятрогенной преступности входит еще и психология общества — социальная психология. Так, социально-психологической основой для криминализации ятрогенных преступлений является уровень правосознания граждан и определенная психология. Как высказался по поводу правосознания русский философ И. А. Ильин, «народу необходимо и достойно знать законы своей страны — это входит в состав правовой жизни. Право говорит на языке сознания и обращается к сознательным существам, оно утверждает и отрицает, оно формулирует и требует — для того чтобы люди знали, что утверждено и что отринуто, и сознавали формулированное требование» [15].

Так, анализ ятрогенных преступлений позволил ученым, исследовавшим деяния данной категории, составить различные классификации.

На наш взгляд, наиболее удобной является следующая классификация: преступления медицинских работников, направленные против личности; преступления медицинских работников, направленные против общественной безопасности и общественного порядка; преступления медицинских работников, направленные против государственной власти и правосудия, т. к. дифференциация деяний по объекту посягательства присутствует и в УК РФ. Таким образом, для устранения препятствий, вызывающих сложности и недостатки на этапе возбуждения уголовного дела и первоначальном этапе расследования, нужно конкретно определить ряд задач, которые помогут более качественно выявлять ятрогенные преступления [16].

Полагаем, отмеченные выше аспекты могут усилить обеспечение защиты конституционных прав пациентов, а также государства и общества от общественно опасных деяний, совершаемых медиками. Также это может создать официальную статистику по данному виду преступлений, отражающую реальное их количество и создать условия для неотвратимости уголовной ответственности работников медицины в случаях виновного причинения ими какого-либо вреда здоровью пациентов (например, причинение смерти и т.д.). Кроме того, это может послужить основанием для разработки более эффективных мер по предупреждению совершения ятрогенных преступлений. Нужно заметить, что при отсутствии статистического учёта данной ка-

тегории преступлений, затруднено проведение анализа, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на мероприятиях по их профилактике и предупреждению.

Таким образом, полагаем, следует ввести в УК РФ специальные нормы — ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинской услуги) и сокрытие нарушения оказания медицинской помощи, которые будут касаться только преступных деяний работников медицины. Для квалификации по данным статьям нужно будет сопоставлять правила и стандарты оказания медицинской помощи с реальным оказанием помощи медиком. На наш взгляд, данные изменения в УК РФ решат ряд проблем: во-первых, появится официальное ведение статистики по ятрогенным преступлениям, во-вторых, упростят работу следственных аппаратов по квалификации преступных деяний в отношении данной категории лиц, в-третьих, введение новых норм в УК РФ покажет эффективность использования правоприменителем этих норм на практике, что может послужить толчком к развитию законодательства, изменению правил и стандартов оказания медицинской помощи, программ обучения студентов медицинских образовательных организаций, наиболее качественно обеспечению медиков, что, в свою очередь, повысит престижность профессии медика в глазах граждан, уменьшит число жалоб, тем самым понизит уровень ятрогенных преступлений в России.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об основах охраны здоровья граждан [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Нагорная И. И. Договор об оказании медицинских услуг: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 180 с.
4. Замалева С. В. Ятрогенные преступления: понятие, система и вопросы криминализации: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2016.
5. Ржанникова С. С. Особенности расследования ятрогенных преступлений // Криминалистика: прошлое, настоящее, взгляд в будущее: мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции / под общ. ред. М. И. Пилякина, А. В. Ростовцева. М., 2020. С. 131–132.
6. Крылова Н. Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М., 2014.
7. Новоселов В. П. Ответственность работников здравоохранения за профессиональные правонарушения. Новосибирск: Наука, 1998. 232 с.
8. Огнерубов Н. А. Профессиональные преступления медицинских работников: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

9. Кибальник А. Г., Старостина Я. В. Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников: монография. М., 2006.
10. Варыгин А. Н., Червонных Е. В. Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения, и их предупреждение: монография. М., 2013.
11. Березин И. Г. Актуальные вопросы ответственности медицинских работников // Матрица научного познания. 2022. № 2-1. С. 127–131.
12. Архипова А. А., Хованских Ю. О. Ятрогенные преступления в уголовном праве РФ // Молодой ученый. 2022. № 19 (414). С. 230-232. URL: <https://moluch.ru/archive/414/91285/> (дата обращения: 25.05.2023). С. 230–231.
13. Попов Н. В. Учебник по судебной медицине. 3-е изд. М., 2015. 321 с.
14. Игонина Е. О. Квалификационные казусы применения ст. 238 УК РФ при расследовании ятрогенных преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 128–134.
15. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. М., 2018.
16. Тягунов Д. В., Самойличенко А. Н. Характеристика дефектов оказания медицинской помощи по материалам комиссионных судебно-медицинских экспертиз // Медицинское право. 2008. № 4. С. 44–47.

Reference

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
2. Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan [Elektronnyj resurs]: federal'nyj zakon ot 21 noyabrya 2011 g. № 323-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
3. Nagornaya I. I. Dogovor ob okazanii medicinskih uslug: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2004. 180 s.
4. Zamaleeva S. V. Yatrogennye prestupleniya: ponyatie, sistema i voprosy kriminalizacii: dis. ... kand. jurid. nauk. Habarovsk, 2016.
5. Rzhannikova S. S. Osobennosti rassledovaniya yatrogennyh prestuplenij // Kriminalistika: proshloe, nastoyashchee, vzglyad v budushchee: mat-ly Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii / pod obshch. red. M. I. Pilyakina, A. V. Rostovceva. M., 2020. S. 131–132.
6. Krylova N. E. Ugolovnoe pravo i bioetika: problemy, diskussii, poisk reshenij. M., 2014.
7. Novoselov V. P. Otvetstvennost' rabotnikov zdavoohraneniya za professional'nye pravonarusheniya. Novosibirsk: Nauka, 1998. 232 s.
8. Ognerubov N. A. Professional'nye prestupleniya medicinskih rabotnikov: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2014.
9. Kibal'nik A. G., Starostina Ya. V. Aktual'nye problemy ugolovnoj otvetstvennosti medicinskih rabotnikov: monografiya. M., 2006.
10. Varygin A. N., Chervonnyh E. V. Prestupleniya, sovershaemye v sfere zdavoohraneniya, i ih preduprezhdenie: monografiya. M., 2013.
11. Berezin I. G. Aktual'nye voprosy otvetstvennosti medicinskih rabotnikov // Matrica nauchnogo poznaniya. 2022. № 2-1. S. 127–131.
12. Arhipova A. A., Hovanskih Yu. O. Yatrogennye prestupleniya v ugolovnom prave RF // Molodoj uchenyj. 2022. № 19 (414). S. 230-232. URL: <https://moluch.ru/archive/414/91285/> (data obrashcheniya: 25.05.2023). S. 230–231.
13. Popov N. V. Uchebnik po sudebnoj medicine. 3-e izd. M., 2015. 321 s.
14. Igonina E. O. Kvalifikacionnye kazusy primeneniya st. 238 UK RF pri rassledovanii yatrogennyh prestuplenij // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 1. S. 128–134.
15. Il'in I. A. Obshchee uchenie o prave i gosudarstve. M., 2018.
16. Tyagunov D. V., Samojlichenko A. N. Harakteristika defektov okazaniya medicinskoj pomoshchi po materialam komissionnyh sudebno-medicinskih ekspertiz // Medicinskoe pravo. 2008. № 4. S. 44–47.

Информация об авторах

П. В. Елфимов — доктор медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации, член-корреспондент Академии медико-технических наук Российской Федерации.

О. П. Виноградова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

P. V. Elfimov — Doctor of Science (Medicine), Honored Doctor of the Russian Federation, Corresponding Member of the Academy of Medical and Technical Sciences of the Russian Federation.

O. P. Vinogradova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 18.09.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 18.09.2022; approved after reviewing 29.04.2023; accepted for publication 29.05.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 115–119.
Altai Law Journal. 2023. № 2 (42). P. 115–119.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.231

КЛАССИФИКАЦИЯ СОСТАВОВ ОКОНЧЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТЫ

Ольга Владимировна Ермакова

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, ermakova_alt@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3427-7318>

Аннотация. В представленной статье рассматривается проблема классификации составов оконченных преступлений. В настоящее время в науке уголовного права отсутствует единообразное понимание не только видов таких составов, но и классификационного основания деления. На основе анализа позиций, существующих в доктрине уголовного права, автор разрабатывает систему видов составов оконченных преступлений, выделяемых по различным классификационным основаниям. Классификация составов оконченных преступлений представляет собой необходимый инструмент для конструирования составов оконченных преступлений, позволяющий упорядочить толкование момента окончания преступлений, закрепленных в Особенной части Уголовного кодекса РФ. Разработка видов составов оконченных преступлений имеет не только теоретическое значение, заключающееся в развитии науки уголовного права в части учения о составе преступления, но и практическое значение, которое предполагает использование данных разработок для построения уголовного закона и толкования его предписаний.

Ключевые слова: состав преступления, конструкция состава преступления, классификация составов преступлений, момент окончания преступления, оконченное преступление

Для цитирования: Ермакова О. В. Классификация составов оконченных преступлений: теоретический и прикладной аспекты // Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 115–119.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CLASSIFICATION OF ELEMENTS OF COMPLETED CRIMES: THEORETICAL RESEARCH AND ITS APPLIED VALUE

Olga V. Ermakova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, ermakova_alt@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3427-7318>

Abstract. This article deals with the problem of classification of completed crimes. Currently, in the science of criminal law there is no uniform understanding of not only the types of such compositions, but also the classification basis for division. Based on the analysis of the positions existing in the doctrine of criminal law, the author develops a system of types of components of completed crimes, distinguished on various classification grounds. The classification of the compositions of completed crimes is a necessary tool for constructing the compositions of completed crimes, which allows streamlining the interpretation of the moment of completion of crimes enshrined in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The development of the types of compositions of completed crimes is not only of theoretical importance, which consists in the development of the science of criminal law in terms of the doctrine of the elements of a crime, but also of practical importance, which involves the use of these developments to build a criminal law and interpret its prescriptions.

Keywords: corpus delicti, construction of corpus delicti, classification of corpus delicti, moment of end of crime, completed crime

For citation: Ermakova O. V. Classification of elements of completed crimes: theoretical research and its applied value. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;2:115–119 (In Russ.).

Право законодателя варьировать юридический момент окончания преступления, передвигая его на различные этапы совершения преступного деяния, приводит к необходимости выделения различных конструкций составов оконченного преступления. Многочисленность таких конструкций объясняется временной протяженностью преступного деяния, поэтапные стадии развития которого могут объявляться оконченным преступлением.

Разработка и систематизация конструкций составов оконченных преступлений представляется актуальной задачей, поскольку, выступая средством законодательной техники, такие конструкции незаменимы для упорядочения правовой материи и построения нормативного материала [1, с. 79–83].

Анализ научной литературы показывает, что большинство ученых в качестве оснований классификации предлагают следующие: особенности объективной стороны [2, с. 78]; описание последствий преступления [3, с. 256].

Исходя из того, что любая классификация призвана систематизировать объекты в соответствии с их общими и отличительными признаками, а ее основание должно отражать целевое назначение деления, классификационным основанием составов оконченных преступлений в первую очередь необходимо признать стадии развития преступного деяния, избранные законодателем в качестве юридического момента окончания преступления. Соединение в классификационном основании момента юридического окончания преступления и процесса совершения преступления наиболее удачно отражает возможности законодателя создавать различные конструкции оконченного преступления, отличающиеся друг от друга моментом окончания.

Учитывая, что развитие преступления начинается с планирования, переходит в совершение деяния (действия или бездействия) и заканчивается наступлением результата, численное количество видов составов оконченного преступления должно соответствовать данным этапам.

При этом терминологическое оформление отдельных видов конструкций оконченного преступления может основываться на устоявшихся в науке уголовного права наименованиях, но только при условии совпадения смыслового содержания.

Таким образом, в зависимости от стадии развития преступления, на которой законодатель устанавливает юридический момент окончания преступления, следует выделять 4 вида состава оконченного преступления:

1. Состав планирования — это состав, в котором оконченным преступлением объявляется приискание соучастников, сговор, приискание, изготовление, приспособление средств или орудий и иное умышленное создание условий путем переноса юридического момента окончания преступления на этап совершения подготовительных действий.

В том случае, если законодатель использует данный состав, при его отражении диспозиции уголовно-правовой нормы обозначаются подготовительные действия, закрепленные в ч. 1 ст. 30 УК РФ. Например, приискание соучастников выступает одним из действий, входящих в понятие приготовления к преступлению, соответственно, если на данном этапе преступление законодателем объявлено в качестве оконченного (как это имеет место в составе вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления), то очевидно использование состава планирования.

Отдельное внимание среди примеров составов планирования занимают преступления, заключающиеся в организации преступной группы (сообщества, банды и т. д.). Поскольку в данных деяниях оконченным преступлением признается само объединение отдельных лиц с определенными целями, их сговор на последующее совершение преступлений, то в этом случае опять-таки имеет место состав планирования.

Принимая во внимание, что выделение в классификации составов оконченных преступлений такой разновидности, как планирование, не является традиционным и в большей степени отражает авторскую позицию, в этой части следует указать на особую ценность и уникальность таких составов. Она заключается в том, что лица еще не совершают преступления, а только готовятся их совершить в будущем времени.

2. Усеченный — состав, в котором момент окончания преступления перенесен на начало совершения преступного деяния, а преступление признается оконченным независимо от его завершения.

Несмотря на то что именно такое наименование состава преступления неоднократно подвер-

галось критике в научной литературе [4, с. 137], оно наиболее точно отражает смысловое содержание, заключающееся в ограничении рамок состава оконченного преступления начальным этапом совершения деяния.

С целью того, чтобы правоприменительные органы, осуществляющие толкование уголовного закона, не допустили ошибок в признании состава преступления усеченным, законодателю следует в диспозиции акцентировать внимание на незавершенности деяния. Например, достаточно удачным видится конструкция состава разбоя, в которой деяние ограничено началом нападения, а само хищение находится за рамками состава. Данный вывод вытекает из использования формулировки «в целях хищения», которая может и не реализоваться в реальной жизни.

3. Формальный — состав, в котором юридический момент окончания преступления связывается с полным совершением преступного деяния. Поскольку и в формальном, и в усеченном составе в норме закона описывается только преступное деяние, нередко правоприменительные органы допускают ошибки при определении вида состава.

К примеру, неоднозначно определено конструкции состава вымогательства. Анализируя объективную сторону указанного состава, можно сделать вывод, что такую конструкцию нельзя отнести к усеченным составам, поскольку деяние заключается в высказывании требования, осуществление которого относится не к начальному этапу, а к полному завершению деяния.

4. Материальный — состав, при котором преступление признается оконченным в момент наступления преступного результата.

Отмеченное не означает, что в формальном составе преступления не причиняется преступный вред. Наоборот, можно привести множество примеров формальных составов с причинением вреда (например, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, захват заложников и т. д.). Отличие заключается в том, что в формальном составе для признания деяния оконченным нет необходимости устанавливать какие-либо последствия, а в материальном составе последствия это обязательный признак, который отражается в норме закона.

Вторым классификационным основанием выступает количество конструкций оконченно-

го преступления, представленных в одном составе. В рамках данной классификации следует выделять: 1) составы с использованием одной конструкции оконченного преступления (единичные конструкции оконченного преступления); 2) составы, соединяющие в себе несколько видов конструкций, с различными моментами окончания преступления (условно их можно именовать как комбинированные составы).

Так, состав посредничества в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ) представляет собой совокупность состава планирования и формального состава, поскольку такая альтернативная форма преступного деяния, как передача предмета подкупа, предполагает установление юридического момента окончания на этапе совершения деяния, что соответствует формальному составу, а деяние в виде иного содействия в достижении соглашения заключается в осуществлении приготовительных действий в виде создания условий (в предложенной нами классификации такие действия относятся к составу планирования).

Состав организации занятия проституцией (ст. 241 УК РФ) образован альтернативой усеченной и формальной конструкции. Так, деяния, направленные на организацию, — это усеченный состав, поскольку будущее время организации свидетельствует о достаточно начальных действиях для признания преступления оконченным. Вторая же разновидность — систематическое предоставление помещений для сексуальных действий — образует формальный состав.

Дальнейшее развитие классификации видов составов преступлений следует осуществлять на уровне уже выделенных групп (иначе говоря, по горизонтали).

Так, в рамках материальных составов по количеству преступных последствий следует выделять:

1) простой материальный состав, момент окончания которого связан только с одним последствием, заключающимся в причинении вреда только основному объекту либо только дополнительному объекту. Например, убийство сконструировано таким образом, что включает только последствие, связанное с основным объектом, охраняющим жизнь человека;

2) сложный материальный состав, при котором юридическое значение может придаваться

нескольким последствиям. При этом каждое из них может отражать вред основному или дополнительному объекту.

Примером сложного материального состава, конструкция которого содержит указание на несколько последствий, каждое из которых отражает причинение вреда основному объекту, является состав умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ). Преступный результат в данном составе представлен совокупностью таких последствий, как уничтожение (либо повреждение) имущества и причинение значительного ущерба, каждое из которых находится в плоскости основного непосредственного объекта.

Конструкции сложных материальных составов с включением последствий, относящихся к причинению вреда основному и дополнительному объекту, чаще всего используются в квалифицированных видах, когда основной состав также содержит указание на преступные последствия. Например, убийство с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ) в качестве обязательных последствий, закрепленных в основном составе, включает смерть потерпевшего, а последствий квалифицированного состава — причинение при убийстве особых физических или психических страданий потерпевшему либо особых психических страданий близким потерпевшего.

Особую сложность представляют такие конструкции, которые включают несколько последствий, при этом их юридическое выражение осуществляется при помощи оценочных понятий. В качестве примера можно привести превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), конструкция данного состава включает оценочное последствие в виде существенного нарушения прав, а в ч. 4 закрепляются иные тяжкие последствия. Возникают сложности в разграничении тяжких и существенных последствий. Ни в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, ни в иных источниках однозначного ответа на вопрос, в чем разница между указанными последствиями, не содержится. Следовательно, применение ч. 4 ст. 286 УК РФ осуществляется исключительно на субъективной оценке суда.

В принципе подобная практика могла бы быть допустимой в том случае, если в приговоре суд приводил бы доводы, какие последствия относятся к тяжким, а какие к существенным с ар-

гументацией такой трактовки. Однако анализ 35 приговоров, размещенных на сайтах судов субъектов РФ, приводит к однозначному выводу об отсутствии какого-либо обоснования. Полагаем, подобная ситуация не выглядит удивительной, поскольку на самом деле четкие и обоснованные критерии разграничения указанных последствий отсутствуют.

Классификация составов оконченных преступлений на уровне формальных составов также может быть продолжена в зависимости от того, включен ли преступный результат, не получивший юридического выражения, в конструкцию состава. На основе такого классификационного критерия следует выделять: 1) формальные составы, закрепляющие преступные последствия, но связывающие момент окончания лишь с угрозой их наступления; 2) формальные составы, не включающие преступные последствия.

Первая разновидность формальных составов в научной литературе получила наименование «состав опасности», поскольку, несмотря на то, что в составе описываются преступные последствия, момент окончания преступления связывается лишь с опасностью их наступления. Реального вреда для наличия оконченого преступления не требуется [5, с. 205]. Полагаем, что создание таких составов не достаточно обоснованно, поскольку возникают вопросы целесообразности конкретизации последствий, если законодатель все равно не определяет момент окончания деяния их наступлением. В свою очередь, конкретизация даже возможных последствий на уровне закона создаст дополнительные проблемы в правоприменении, поскольку в том случае, если была угроза для наступления других последствий (не тех, которые указаны в законе), такое преступление вменению не подлежит. В тех же случаях, когда угроза наступления конкретизированных в законе последствий в приговоре не отражена, подобное решение подлежит отмене.

Вторая разновидность формальных составов не содержит в законе указания на конкретизацию преступных последствий. Однако это не означает, что преступный вред как таковой не наступает. Наоборот, в рамках формальных составов зачастую наступают многочисленные вредные изменения, которые, однако, не влияют на момент окончания.

Таким образом, традиционная классификация составов преступлений по конструкции объективной стороны не отражает сущности выделяемых видов, а сами виды представляют собой неисчерпывающий перечень, поскольку не охватывают всего многообразия законодательных возможностей установления юридического момента окончания преступления.

По нашему мнению, полное отражение конструкций составов оконченных преступлений возможно только в случае создания классификации составов по вертикали и горизонтали в соответствии с несколькими классификационными основаниями. В частности, классификация по вертикали призвана отражать

возможные варианты установления момента окончания преступлений на различных отрезках совершения преступного деяния. В свою очередь, в рамках отдельных классификационных групп необходимо выделять подвиды составов преступлений в соответствии с особенностями описания момента окончания преступления.

Несомненная ценность предложенной многоуровневой классификации заключается в том, что только при разработке единого учения о видах составов, выделенных в соответствии с четкими классификационными основаниями, возможно построение качественного законодательного материала.

Список источников

1. Безверхов А. Г., Решетникова Д. В. О классификации составов преступлений по моменту их юридического окончания // Общество и право. 2010. № 5. С. 79–83.
2. Уголовное право. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. М.: Эксмо, 2021. 526 с.
3. Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н. А. Лопашенко. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2011. 785 с.
4. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015.
5. Ермакова О. В. Отражение общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ (концептуальные основы). М.: Юрлитинформ, 2022. 384 с.

Reference

1. Bezverhov A. G., Reshetnikova D. V. O klassifikacii sostavov prestuplenij po momentu ih yuridicheskogo okonchaniya // Obshchestvo i pravo. 2010. № 5. S. 79–83.
2. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' / pod red. A. I. Raroga. M.: Eksmo, 2021. 526 s.
3. Obshchaya chast' ugolovnogo prava: sostoyanie zakonodatel'stva i nauchnoj mysli / pod red. N. A. Lopashenko. SPb.: Yuridicheskij centr «Press», 2011. 785 s.
4. Ivanchin A. V. Konceptual'nye osnovy konstruirovaniya sostava prestupleniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 2015.
5. Ermakova O. V. Otrazhenie obshchestvenno opasnogo deyaniya i mekhanizma ego soversheniya v normah Osobennoj chasti Ugolovnogo kodeksa RF (konceptual'nye osnovy). M.: Yurlitinform, 2022. 384 s.

Информация об авторе

О. В. Ермакова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

O. V. Ermakova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 19.03.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 19.03.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 29.05.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 120–126.

Altai Law Journal. 2023. № 2 (42). P. 120–126.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.241

СОСТАВ НАКАЗАНИЯ И СОСТАВ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Евгения Евгеньевна Мелюханова

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия,
melyukhanova@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к уголовному наказанию через его состав, анализируются состав наказания и состав назначения наказания. Элементы состава наказания включают в себя по аналогии с элементами состава преступления: объект уголовного наказания, объективную сторону уголовного наказания, субъект уголовного наказания и субъективную сторону уголовного наказания. Аналогично элементы состава назначения наказания представлены объектом назначения наказания, объективной стороной назначения наказания, субъектом назначения наказания и субъективной стороной назначения наказания. Анализ характеристики всех элементов состава наказания и состава назначения наказания выявляет некоторые проблемы при реализации подхода к уголовному наказанию через его состав.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное наказание, состав наказания, состав назначения наказания

Для цитирования: Мелюханова Е. Е. Состав наказания и состав назначения наказания: критический анализ // Алтайский юридический вестник. 2023. № 2 (42). С. 120–126.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

THE COMPOSITION OF PUNISHMENT AND THE COMPOSITION OF SENTENCING: A CRITICAL ANALYSIS

Evgeniya E. Melyukhanova

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia, *melyukhanova@list.ru*

Abstract. The article discusses approaches to criminal punishment through its composition, analyzes the composition of punishment and the composition of sentencing. The elements of the composition of punishment include, by analogy with the elements of the corpus delicti: the object of criminal punishment, the objective side of criminal punishment, the subject of criminal punishment and the subjective side of criminal punishment. Similarly, the elements of the composition of sentencing are represented by the object of sentencing, the objective side of sentencing, the subject of sentencing and the subjective side of sentencing. The analysis of the characteristics of all elements of the composition of punishment and the composition of sentencing reveals some problems in the implementation of the approach to criminal punishment through its composition.

Keywords: criminal law, criminal punishment, the composition of punishment, the composition of sentencing

For citation: Melyukhanova E. E. The composition of punishment and the composition of sentencing: a critical analysis. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;2:120–126 (In Russ.).

Нестандартные подходы к наказанию, в т. ч. к назначению наказания, всегда существовали и существуют в настоящее время. Одним из таких подходов является рассмотрение наказания, а также назначения наказания через его состав по аналогии с составом преступления.

В частности, В. Г. Швыдкий приходит к выводу о существовании понятия состава наказания, «поскольку уголовное наказание есть следствие преступления, а последнее имеет состав, то на основе условно-категорического умозаключения, в котором одна из посылок — условное суждение, выражающее связь основания и следствия, а другие посылки и заключения — категорические суждения, где утверждается истинность основания (уголовное наказание — следствие преступления). Признав истинность основания, мы признаем истинность следствия — наказание имеет состав» [1, с. 30]. Иными словами, если преступление имеет состав, то и наказание имеет состав, поскольку наказание является следствием преступления.

Одним из первых ученых в уголовно-правовой науке, на диссертационном уровне исследовавших состав наказания, является К. А. Сыч. Уголовное наказание им рассматривается «в значении категории права и как юридическая система, образуемая совокупностью самостоятельных и взаимодействующих между собой элементов» [2, с. 6]. Последняя глава диссертационного исследования посвящена уголовному наказанию и его составу, где рассматривается понятие состава уголовного наказания, а также его элементы: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона.

В науке уголовного права устоявшимся и общепризнанным является понятие состава преступления. В отечественной уголовно-правовой доктрине он традиционно определяется как совокупность предусмотренных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление [3, с. 101]. Даже уголовный закон оперирует понятием «состав преступления». В статье 8 УК РФ указано, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки *состава преступления*, предусмотренного УК РФ. Однако описание элементов и признаков состава преступления в тексте уголовного зако-

на отсутствует. Это сугубо теоретические конструкции.

Элементы состава преступления характеризуют внешнюю и внутреннюю стороны преступления. Не останавливаясь на рассмотрении всем известных элементов и признаков состава преступления, важно определить, насколько аналогия состава преступления применима к составу наказания, а также к составу назначения наказания.

Определяя элементы состава наказания, К. А. Сыч указывает следующую их характеристику:

- объект уголовного наказания — это совокупность социальных благ, принадлежащих лицу, признанному виновным в совершении преступления;

- объективная сторона уголовного наказания — это принуждение, посредством которого лицо, признаваемое виновным в совершении преступления, лишается принадлежащих ему социальных благ либо ограничивается в обладании ими;

- субъект уголовного наказания — это законодательная, судебная и исполнительная власти;

- субъективная сторона уголовного наказания — это отношение лица к применяемому к нему принуждению в качестве кары за совершенное преступление [4, с. 51].

Как видно из представленной характеристики элементов состава наказания, они практически зеркально сформулированы по аналогии с элементами состава преступления.

Так, если объектом преступления являются общественные отношения, охраняемые уголовным законом, то объектом наказания являются права, принадлежащие преступнику. Иными словами, посягательство на охраняемые уголовным законом права (общественные интересы) сопровождается лишением определенных прав посягающего.

Объективная сторона преступления включает в себя внешнюю характеристику преступления, существующего в объективной действительности, в то время как объективная сторона наказания также имеет внешнее выражение в виде принуждения.

Если субъектом преступления является лицо, совершившее преступление и обладающее всеми признаками, необходимыми для привлечения

его к уголовной ответственности, то субъект наказания — это законодательная, судебная и исполнительная власти. Однако какими признаками должен обладать субъект наказания, не уточняется.

Поскольку наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда (ч. 1 ст. 43 УК РФ), то субъектом наказания должен быть представитель судебной власти (судья).

Однако высказаны и иные мнения о субъекте наказания. В частности, Н. А. Горшкова, анализируя основные элементы состава наказания, указывает, что «субъект состава наказания — это лицо, которому в соответствии с законным приговором суда назначен определенный вид и размер наказания, зафиксированный в санкции статьи (статей) Особенной части УК РФ. Для субъекта состава наказания характерны, во-первых, юридические свойства, а во-вторых, социально-демографические» [5, с. 57]. Таким образом, субъект преступления и субъект наказания отождествляются.

Сложнее обстоят дела с субъективной стороной. Внутренняя характеристика преступления, его субъективная сторона, включает в себя психическое отношение *субъекта* (преступника) к совершенному преступлению, а субъективная сторона наказания — отношение преступника к его собственному принуждению за совершенное преступление. Следовательно, субъективная сторона преступления и субъективная сторона наказания характеризуются отношением преступника: в первом случае — к совершенному преступлению, во втором — к собственному принуждению за совершенное преступление. При этом субъект преступления и субъект наказания не совпадают.

Представляется, что логика изложения характеристики элементов состава наказания нарушается именно при описании субъективной стороны состава наказания, поскольку субъективная сторона заключается именно в отношении субъекта. Очевидно, субъективная сторона напрямую связана с субъектом, их объединяет общий смысловой корень.

Поэтому субъективная сторона наказания — это, вероятно, отношение представителя судебной власти (судьи) к принуждению преступника за совершенное преступление.

Возвращаясь к определению уголовного наказания как юридической системы, образуемой совокупностью самостоятельных и взаимодействующих между собой элементов, которые нами рассмотрены, сложно утверждать о взаимодействии этих элементов, особенно в части субъекта и субъективной стороны состава наказания.

Определяя сущность элементов состава наказания и наполняя их конкретным содержанием, необходимо установить их юридическое значение.

Если состав преступления, согласно ст. 8 УК РФ, является основанием для привлечения лица к уголовной ответственности, то состав наказания, соответственно, должен являться основанием для назначения наказания. Однако уголовный закон не содержит основания для назначения наказания.

Можно предположить, что основание для назначения наказания, согласно ч. 1 ст. 43 УК РФ, — признание лица виновным в совершении преступления.

С учетом вышеприведенной характеристики элементов состава наказания очевидно, что наличие этих элементов не может являться основанием для назначения наказания. Более того, содержание элементов состава наказания определяется только после его назначения.

До назначения наказания невозможно определить объект, объективную сторону и субъективную сторону состава наказания. Только вид уже назначенного наказания определяет ту совокупность конкретных социальных благ, лишение либо ограничение которых составляет сущность этого вида наказания. Аналогично принуждение, посредством которого лицо, признаваемое виновным в совершении преступления, лишается принадлежащих ему социальных благ либо ограничивается в обладании ими, определяется в соответствии с видом назначенного наказания. А отношение лица к применяемому к нему принуждению в качестве кары за совершенное преступление возможно определить не столько в момент назначения наказания, сколько во время его исполнения.

Следовательно, юридическое значение состава наказания отсутствует. В связи с этим возникают сомнения в целесообразности выделения такой юридической конструкции, как состав наказания.

Однако исследования состава наказания продолжают, вопреки оценкам и прогнозам В. И. Зубковой о том, что «обращение многих как дореволюционных, так и современных ученых к проблеме состава уголовного наказания заканчивалось либо отказом от дальнейшей ее разработки, либо лишь постановкой вопроса о ней, либо упоминанием, но так или иначе смеем утверждать, каждый из них пришел к однозначному выводу о нецелесообразности дальнейшей ее разработки» [6, с. 33].

Наоборот, некоторые авторы идут еще дальше и рассматривают не только наказание, но и назначение наказания с точки зрения состава. В частности, В. Н. Орлов считает, что наряду с составом наказания следует различать состав назначения наказания и состав исполнения наказания, а также что «вполне допустимым является возможность регламентирования в ст. 7 УИК РФ "Основания исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера"» положения о том, что «основанием исполнения наказания является принуждение, содержащее все признаки состава исполнения наказания, предусмотренные Уголовным и Уголовно-исполнительным кодексами Российской Федерации» [7, с. 93].

Оставаясь в рамках нашего исследования, не обсуждая состав исполнения наказания, укажем только, что под составом назначения наказания В. Н. Орлов понимает «совокупность установленных законом объективных и субъективных признаков (элементов), характеризующих назначение меры государственного принуждения как назначение конкретного вида наказания» [8, с. 55].

Первое, на что обращает внимание указанное определение, — это то, что объективные и субъективные признаки (*элементы*), характеризующие назначение меры государственного принуждения как назначение конкретного вида наказания, *установлены законом!*

Определяя элементы состава назначения наказания, В. Н. Орлов указывает следующую их характеристику:

- объектом назначения наказания выступают элементы правового статуса (положения) лица, признанного судом виновным в совершении преступления, т. е. совокупность прав, обязанностей и законных интересов, за которыми

в уголовном законе закреплена возможность карательного воздействия;

- объективная сторона назначения наказания — это внешнее выражение процесса (процедуры) назначения наказания, заключающееся в предусмотренном в уголовно-процессуальном законе деянии, причиняющем определенные лишения и ограничения объекту назначения наказания, а также в способе и условиях их причинения. К признакам объективной стороны назначения наказания относится также причинная связь между процессом назначения наказания и определенными лишениями и ограничениями объекта;

- субъектом назначения наказания являются предусмотренные действующим законодательством органы судебной, законодательной и исполнительной властей, уполномоченные назначать уголовные наказания;

- субъективная сторона назначения наказания — это характеристика внутреннего содержания назначения уголовного наказания, т. е. отношение субъекта (суда) к совершенному преступлению, способности и возможности лица отбывать соответствующий вид наказания, к общественно опасным последствиям совершенного преступления и последствиям назначения наказания, а также мотив и цель назначения наказания [8, с. 55–57].

Объект назначения наказания также выделяет Д. С. Дядькин, указывая, что «объект назначения наказания (преступное поведение) — совокупность не всех обстоятельств, относящихся к преступному деянию и личности виновного, а только тех, что определяют общественную опасность преступления и личности виновного» [9, с. 13]. В данном случае объект назначения наказания отождествляется с обстоятельствами, определяющими общественную опасность преступления и личности виновного (преступное поведение). Другие элементы назначения наказания автором не выделены.

Анализ представленной характеристики всех элементов состава назначения наказания показывает их связь одновременно с составом преступления и составом наказания.

Объект наказания и объект назначения наказания по существу совпадают, за исключением точки зрения на объект назначения наказания как на преступное поведение.

Объективная сторона наказания, заключающаяся в принуждении, значительно отличается от объективной стороны назначения наказания, представленной В. Н. Орловым. Объективная сторона назначения наказания как внешнее выражение процесса (процедуры) назначения наказания не поддается описанию. Тем более что в уголовно-процессуальном законе не предусмотрено деяние, причиняющее определенные лишения и ограничения объекту назначения наказания, более того, способ и условия их причинения. Аналогично не поддается описанию причинная связь между процессом назначения наказания и определенными лишениями и ограничениями объекта. Вызывают вопросы правила установления указанной причинной связи. Согласно ч. 1 ст. 43 УК РФ наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении прав и свобод этого лица. Таким образом, назначение наказания как процесс всегда достигает результата — определения в обвинительном приговоре предусмотренных УК РФ лишения или ограничения прав и свобод лица, признанного виновным в совершении преступления. Представляется, что устанавливать причинную связь между процессом назначения наказания и определенными лишениями и ограничениями прав и свобод лица, признанного виновным в совершении преступления, нет никакой необходимости.

Субъект наказания и субъект назначения наказания, по существу, совпадают. Разве что применительно к субъекту назначения наказания содержится уточнение о полномочиях органов судебной, законодательной и исполнительной властей назначать уголовные наказания. Однако вызывает сомнение наличие полномочий органов законодательной и исполнительной властей назначать уголовные наказания. Действующим законодательством органы законодательной и исполнительной властей не наделены полномочиями по назначению уголовного наказания.

Субъективная сторона наказания, как ее характеризует К. А. Сыч, во взаимосвязи с определением субъекта наказания достаточно противоречива. Указанное противоречие отсутствует при определении субъективной стороны назначения

наказания, поскольку характеризует отношение субъекта (суда). При этом в описании субъективной стороны назначения наказания В. Н. Орлов уже не упоминает органы законодательной и исполнительной властей. Следует отметить, что характеристика внутреннего содержания назначения уголовного наказания, т. е. отношение субъекта (суда) к совершенному преступлению, способности и возможности лица отбывать соответствующий вид наказания, к общественно опасным последствиям совершенного преступления и последствиям назначения наказания, а также мотив, не установлена законом. Только цели наказания содержатся в ч. 2 ст. 43 УК РФ.

Возвращаясь к определению состава назначения наказания, сформулированному В. Н. Орловым, следует сделать вывод, что объективные и субъективные признаки (элементы), характеризующие назначение меры государственного принуждения как назначение конкретного вида наказания, законом не установлены.

Также подчеркнем, что наказание — это результат, а назначение наказания — это процесс.

Наказание как результат содержится в резолютивной части обвинительного приговора суда. Например, суд признал осужденного виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и назначил ему наказание в виде 9 (девяти) лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 1 год, в течение которого установить осужденному следующие ограничения: не уходить из дома (квартиры, иного жилища) в ночное время суток с 22 часов до 6 часов; не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования; не изменять место жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием наказания; являться в указанный орган два раза в месяц для регистрации [10].

Процесс назначения наказания описывается в мотивировочной части обвинительного приговора. Например, при назначении вида и размера наказания лицу, осужденному за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ, в соответствии со ст. 6, 60 УК РФ суд учитывает характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, обстоятельства, смягчающие, и отсутствие

обстоятельств, отягчающих наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Липаев Л. С. совершил умышленное преступление средней тяжести, ранее не судим, на учете в наркологическом и психиатрическом диспансерах не состоит, женат, имеет на иждивении троих малолетних детей, по месту жительства участковым уполномоченным характеризуется посредственно, по месту работы характеризуется положительно. Обстоятельствами, смягчающими наказание Липаеву Л. С., суд признает в соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ наличие на иждивении троих малолетних детей, в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ совершение преступления впервые, неудовлетворительное состояние его здоровья. В соответствии с ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельств, отягчающих Липаеву Л. С. наказание, не усмотрено. Оценив в совокупности перечисленные смягчающие и отягчающие обстоятельства, с учетом обстоятельств и тяжести совершенного преступления, а также личности подсудимого, его материального положения суд находит, что для достижения целей уголовного наказания Липаеву Л. С. должно быть назначено наказание в виде штрафа [11].

Назначение наказания — это определенная установленными действующим законодательством правилами деятельность суда, в результате которой в обвинительном приговоре определяется мера наказания. Исходя из этого, сложно рассматривать строго регламентированную деятельность через состав.

Если уголовное наказание с обоснованных методологических позиций представлено через его состав, то назначение уголовного наказания не может фактически отождествляться с составом. Иначе бы не только преступление

следовало рассматривать через его состав, но и процесс его совершения. Таких попыток в юридической литературе обнаружить не удалось.

Поэтому состав назначения наказания не представляется возможным использовать в качестве термина, характеризующего процесс назначения наказания. Элементы состава назначения наказания не способны раскрыть и обеспечить полную характеристику назначения наказания.

Состав наказания, в свою очередь, не является основанием назначения наказания, не имеет юридического значения, что вызывает сомнения в необходимости выделения такой юридической конструкции.

Таким образом, представляется, что ни состав наказания, ни состав назначения наказания не имеют юридического значения и не могут быть использованы как в теоретической, так и в практической деятельности. Определение наказания и назначения наказания через состав, формулируя элементы состава по аналогии с составом преступления, не приносит ясности и не способствует приращению знания в сфере наказания и его назначения.

Однако именно такие нестандартные, порой удивительные идеи способствуют возникновению оживленных дискуссий и интенсивному развитию науки в целом.

По нашему мнению, назначение наказания как наиболее сложный вид деятельности по применению уголовного закона, в рамках которой суды допускают наибольшее количество ошибок, представляет научный интерес с точки зрения разработки новых, а также совершенствования установленных уголовным законом правил назначения наказания.

Список источников

1. Швыдкий В. Г. Понятие уголовного наказания и его состава (сообщение первое) // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 279. С. 27–34.
2. Сыч К. А. Уголовное наказание и его состав (теоретико-методологические аспекты исследования): дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2001. 408 с.
3. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. М.: Юрайт, 2022. 430 с.
4. Сыч К. А. Уголовное наказание и его состав (теоретико-методологические аспекты исследования): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2001. 63 с.
5. Горшкова Н. А. Основные элементы состава наказания // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 4 (45). С. 55–58.

6. Зубкова В. И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М.: НОРМА, 2002. 296 с.
7. Орлов В. Н. О составе уголовного наказания // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2006. № 2. С. 90–93.
8. Орлов В. Н. Уголовное наказание: понятие, система, объект назначения, состав отбывания: монография. М.: Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2019. 286 с.
9. Дядькин Д. С. Теоретико-методологические основы назначения уголовного наказания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 46 с.
10. Приговор Ярославского областного суда от 18 февраля 2022 г. № 2-3/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/crHQdmCa2wI0/> (дата обращения: 19.10.2022).
11. Приговор Читинского районного суда Забайкальского края от 24 ноября 2021 г. № 1-381/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qBJTK8nwS1NO/> (дата обращения: 19.10.2022).

Reference

1. Shvydkij V. G. Ponyatie ugolovnogo nakazaniya i ego sostava (soobshchenie pervoe) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2003. № 279. S. 27–34.
2. Sych K. A. Ugolovnoe nakazanie i ego sostav (teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniya): dis. ... d-ra jurid. nauk. Ryazan', 2001. 408 s.
3. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov / I. Ya. Kozachenko, G. P. Novoselov. M.: Yurajt, 2022. 430 s.
4. Sych K. A. Ugolovnoe nakazanie i ego sostav (teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniya): avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Ryazan', 2001. 63 s.
5. Gorshkova N. A. Osnovnye elementy sostava nakazaniya // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2017. № 4 (45). S. 55–58.
6. Zubkova V. I. Ugolovnoe nakazanie i ego social'naya rol': teoriya i praktika. M.: NORMA, 2002. 296 s.
7. Orlov V. N. O sostave ugolovnogo nakazaniya // Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2006. № 2. S. 90–93.
8. Orlov V. N. Ugolovnoe nakazanie: ponyatie, sistema, ob'ekt naznacheniya, sostav otbyvaniya: monografiya. M.: Universitet imeni O. E. Kutafina (MGYuA), YuSTICIYa, 2019. 286 s.
9. Dyad'kin D. S. Teoretiko-metodologicheskie osnovy naznacheniya ugolovnogo nakazaniya: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2009. 46 s.
10. Prigovor Yaroslavskogo oblastnogo suda ot 18 fevralya 2022 g. № 2-3/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/crHQdmCa2wI0/> (data obrashcheniya: 19.10.2022).
11. Prigovor Chitinskogo rajonnogo suda Zabajkal'skogo kraja ot 24 noyabrya 2021 g. № 1-381/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qBJTK8nwS1NO/> (data obrashcheniya: 19.10.2022).

Информация об авторе

Е. Е. Мелюханова — кандидат юридических наук.

Information about the author

E. E. Melyukhanova — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 18.09.2022; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 18.09.2022; approved after reviewing 21.11.2022, 24.04.2023; accepted for publication 29.05.2023.